

У Р А Л Ь С К И Й N 10 (568), 2004

Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**Е.ВИНОГРАДСКИЙ -
40 ЛЕТ
В АЛЬПИНИЗМЕ**

**ОСТОРОЖНО,
ДВЕРИ
ОТКРЫВАЮТСЯ**

**ТАЙНА
МОНЕТЫ-
КЛАДА**

**НАЧИНАЮЩИМ
ЭКСТРЕМАЛАМ**

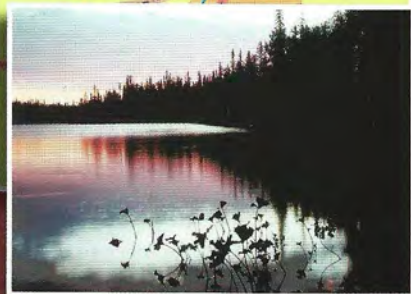
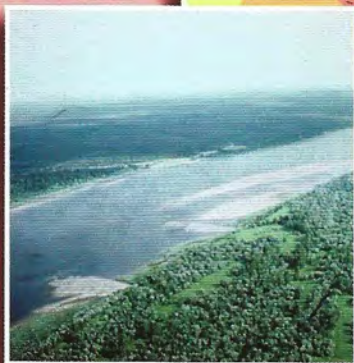
Маршруты Уральского следопыта

Тиманский кряж – это возвышенность на северо-востоке Восточно-европейской равнины. Кряж протягивается от Чешской губы Баренцева моря до истоков р. Вычегды. Его длина около 900 км., богатых полезными ископаемыми, среди которых среднедевонские россыпи титановых минералов, бокситы, месторождения нефти, газа и поделочные агаты. Между Тиманским кряжем и Уральским хребтом находится Тимано-Печорский нефтегазоносный бассейн.

На территории Тимано-Печорского нефтегазоносного бассейна 48 месторождений нефти и газа, из них 41 разведано, а 24 переданы в разработку. Первые поисковые работы начались в 1918 году, с 1928 г. – планомерные поиски, которые в 1930 увенчались промышленным притоком нефти. С тех пор открыто Ярегское месторождение, Седьельское газовое месторождение, Войвожское, Западно-Тэбукское, Вуктыльское, Усинское и другие.

Фото Е. Савенко

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 10'2004 (568)

РЕГА ВРЕМЕНИ

юбилей

И.МОРОЗОВА Кто стучится в дверь ко мне.....	2
Открытие на Урале	
О.ЩЕТИНИН Исетский леопардит.....	24
Клуб собирателей	
В.ПОПОВ Монета-клад.....	24
Проекты «Уральского следопыта»	
ФОТОКОНКУРС	26
Тропой поиска	
А.ДМИТРИЕВ Новелла о Тиманской нефти.....	41
Далекое-близкое	
А.ПАНФИЛОВА Победить терроризм – не значит уничтожить террористов.....	44
Прогулки в прошлое	
В.СТРУГАНОВ По улочкам Нижней Туры.....	51
Краеведческая копилка	
В.БОЙКО Пока живу – надеюсь, или Судьба офицера.....	64
130 слов от Теплоухова.....	68
АЭЛИТА	
Фантастика	
В.ВОРОН Другие двери.....	6
Д.КОЧКИН Извне.....	72
Современная поэзия Урала	
М.ЛИХОМАНОВА Стихи.....	40
Сказка	
И.САМОХИНА Колгунья.....	46
Новые имена	
Н.СТАРОДУБЦЕВА Стихи.....	62
Современная проза	
Н.БЕРЕЗОВСКИЙ Вейный свет.....	82
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР	
Туристские байки	
В.РАСТОПШИН	25
Экспедиция	
В.ЮКЧУБАЕВ Бабье лето.....	28
Хроника первого восхождения на Эверест по северной стене	59
Советы специалиста	
В.ВОЛЕГОВ «Сломатие» шеи.....	36
Особенности организации путешествия на велосипеде	66
Наши увлечения	
С.КОНДРАШИН Акулы реки Тобол.....	54
Наблюдательный совет журнала «Уральский следопыт»	
А.НОВИКОВА О винограде, и не только.....	56
Записки очевидца	
А.ЯКУБИК Эльбрус начинается на Волмхе.....	79
Леса Уральской горной страны	
Е.САВЕНКО Полярный Урал и Пай-Хой3	полоса обложки

Главный редактор
Максим ФирсовРедакторы разделов
Юний Горбунов,
Александр Челноков,
Андрей Наседкин,
Анастасия Новикова
Художественный редактор
Юлия УльяноваХудожник
Ирина ОвсянниковаНабор
Валентина КадочниковаКорректор
Юрий ВиноградовУчредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Пращкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенкочл. Союза фотохудожников России
Семен Спекторзаслуженный врач России
издано при поддержке
министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской областиРегистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством
печати и массовой информации РСФСР.ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматривают-
ся рукописи, дополненные электронной
версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не возвращаются.При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62
Подписано к печати 15.09.2004 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru«Уральский следопыт», № 10, 2004
Издаётся с 1935 г.,
возобновлен в 1958 г.

Ирина МОРОЗОВА

Кто стучится в дверь ко мне...

Екатеринбургскому почтамту 250 лет

Помните это детское стихотворение? Оно о почтальоне, обычном ленинградском почтальоне, принесшем письмо. Да, были времена, когда о почте писали стихи, посвящали ей песни... А сейчас? Доставка очередную газету из почтового ящика, задумываемся ли мы, как она туда попала? А между тем принес ее все тот же обычный почтальон. Молодой или пожилой, улыбочивый или хмурый, в общем, такой же, как и мы с вами, живой человек. Со своими радостями и огорчениями, трудами и заботами. Доставлять долгожданные вести — вот его главная задача, которая осталась неизменной за 250 лет существования почтамта в Екатеринбурге.

Начало российской почты

История почтовой связи в России интересна и поучительна. Корни ее уходят в далекое прошлое. Тогда связь представляли княжеские и царские гонцы, хорошо знакомые с системой дорог и готовые выполнить любое поручение. В 1693 году указом Петра I «Об учреждении почты от Москвы до Архангельска» — была открыта первая регулярная почтовая линия. Так началась история государственной почты.

В 1719 году повелено было учредить регулярную почту до всех «знатных городов». Почта должна была ходить один или два раза в неделю (смотря по важности городов) исключительно для посылки указов и казенных бумаг.

В 1723 году в России было уже 4 почтовые конторы, а также центральное управление всеми почтами, Московский и Санкт-Петербургский почтамты.

В 1924 году указом Правительствующего Сената была учреждена почта Сибири. Тогда на реке Исеть В. Татищев начал строить новый завод (будущий Екатеринбург). В то время эта местность принадлежала Тобольскому уезду Сибирской губернии. В. Татищев вынашивал грандиозные планы: провести через этот пункт (читай Екатеринбург) главный сибирский тракт, проходивший тогда через Верхотурье. В дальнейшем эти планы воплотились в жизнь.

В мае 1734 года начинают строить более удобную дорогу от Казани до Екатеринбурга. Спустя несколько месяцев в Екатеринбурге начинает работать первая почта. Восьмого сентября в Казань через Кунгур и Егоршу отправился первый почтарь. По распоряжению В. Татищева по всему тракту от Екатеринбурга до Егорши протяженностью 400 верст через каждые 25—30 верст построили почтовые станции. За доставку корреспонденции тогда почтальоны не получали никакого жалованья, довольствуясь приношением адресатов. Подача писем на дом считалась доходным промыслом, поэтому ее по очереди выполняли ямщики и почтовые служащие.

Екатеринбургская почтовая контора

История почтовой связи в Екатеринбурге начинается в середине XVIII века. Согласно указу Правительствующего Сената от 27 сентября 1754 года «...Об учреждении почтовых станов от Москвы до Тобольска... и о запрещении отправлять по почте с письмами или с курьерами товары» в Екатеринбурге была основана почтовая станция, которая в 1905 году реорганизована в почтовую контору. Екатеринбургская почтовая станция, как и другие почтовые отделения на Урале, подчинялась главному начальнику Уральских горных заводов. Его назначала Берг-коллегия. Высшие органы управления — почтамты были поставлены под непосредственное ведение Сената. Им подчинялись губернские почтмейстеры в специальной форменной одежде, с саблей, почтовым рожком и сургучной печатью. Екатерина II пожелала, чтобы на должность почтмейстеров назначались «отставные проворные офицеры доброго поведения и в письменных делах знающие». В подчинении почтмейстеров находились почтовые станции, конторы, экспедиции. Назначенным почтальонам и экспедиторам вводилось в обязанности: «чтобы они по прибытии к своему месту службы, истребовав себе от кого следует квартиры и почтовых лошадей, приняв все надлежащие до почтовой части письменные дела, книги и прочие документы, также казенные вещи и денежную казну, сколько оной на лицо быть следует по описям, открыли надлежащим порядком почтовые экспедиции».

В Екатеринбургской почтовой конторе конца XVIII века можно было воспользоваться следующими услугами: отправить письма заказные и простые, бандероли, посылки, различные денежные переводы, ценные бумаги, страховую корреспонден-

Первая русская почтовая марка. 1857 год.

цию. Уже с начала XIX века можно было подписаться на многие газеты и журналы. Доставка на дом простых и заказных писем и бандеролей осуществлялась бесплатно, денежных и ценных пакетов — за плату.

Нулевая точка в центре Екатеринбурга

Так уж повелось, что отсчет городских километров ведется от главной почты. Волей-неволей почтамт становится центром города, а значит, местной достопримечательностью, местом встреч и свиданий. У Екатеринбургского почтамта точка отсчета изображена в виде звезды, лучи которой направлены во все концы света. Эта «звезда» не раз перемещалась по городу вместе с почтой. В начале 1923 года она была при главной горной канцелярии (сейчас это консерватория), туда отправлялись все циркуляры, оттуда гонцы, сновавшие по всему Уралу. Доставлялись депеши до самой столицы.

Екатеринбургская почтовая контора в городскую историю вошла с царскими преступниками. На углу нынешних улиц Толмачева и Первомайской на новом доме №27 установлена мемориальная доска: «Здесь находилась почтовая станция, где в 1826-1828 годах проездом останавливались арестанты-декабристы». В воспоминаниях арестантов отзывы самые восторженные: «Тут останавливались мы у почтмейстера, принявшего нас с особым радушием. После краткого общения в зале открылись настежь двери в столовую, где был накрыт роскошно обеденный стол. Собралось все семейство хозяина, и мы, после двухлетнего, тяжкого и скорбно-го заточения, отвыкшие от

Почтовый дилижанс. I пол. XIX века. Макет.

1836

1872

1885

1885

Формы обмундирования почтальонов. XIX век.

всех уже удобств жизни и уставшие от томительной дороги, очутились нежданно-негаданно посреди гостеприимных хозяев, осыпавших нас ласками и непритворным радушием. Осушались бокалы за наше здоровье» (Матвей Муравьев-Апостол). Этот спич был опубликован, конечно, намного позднее, а то бы радушному хозяину не сдобровать.

В 1839 году почтовое подворье числилось уже на Офицерской улице. В наше время там восстановлен дом, где проживали почтовые служащие и каретник (музей Ф.М.Решетникова, Пролетарская,б). У ворот стоит верстовой полосатый столб: «До Москвы 1766, до Санкт-Петербурга 2234». В 1887 году в городе появляется Почтовый переулок (дом №27) с «Почтой и Телеграфом», позже, с 1892 года, с телефоном (Пушкинская, 19).

В 1903 году Почтовая контора переезжает на Покровский проспект, 19 (ул. Малышева), в помещение доходного дома Кудрявцева, а в 1913 году на Главный проспект, 42 (гостиница Евразия). Здесь почтовики приветствовали отречение от престола Николая II и Временное правительство

В 1930 году началось строительство большого Дома связи по проекту московского архитектора К.Саломатого. С тех пор и по сей день на главной улице города красуется центральное здание — Екатеринбургский почтамт. В 50-е годы прошлого столетия начали свою работу еще 40 районных отделений связи.

Во время Великой Отечественной войны

Военные годы, как и для всей страны, для почты были тоже очень сложными. В начале 1941 года Свердловский почтамт объединил 4 конторы и

38 отделений связи. Работали в основном женщины, мужчины воевали. Автотранспорта не было, было лишь несколько лошадей, на которых и развозили всю почту по отделениям. В 1943 году почтамту был выделен специальный трамвай. От трамвайной ветки по ул. Толмачева провели ветку во двор дома связи, где и разгружали трамвай. На нем же развозили почту по ряду отделений. На трамвайной остановке погружали почту — зимой на санки, летом на специальные телеги — и везли в отделение связи. Дальше почтальонки пешим ходом разносили письма по адресатам. Для женщин, ожидающих вестей с фронта от мужей, сыновей, отцов, принесший письмо почтальон был единственной связующей ниточкой с близким человеком. Конечно, почтальонки ждали, приглашали в дом, поили чаем, делились радостными вестями. А порой и нерадостными. Ведь похоронки тоже разносили почтальоны. Неизвестно, что тяжелей — нести похоронку в дом или получить ее. Бывало, плакали вместе. Почтальон и несчастная мать, молодая вдова. На такие случаи существовали даже особые инструкции: письмо вручить, обязательно дожидаться, когда адресат его вскрыет, прочтет. Если весть плохая, принести воды, вызвать врача или просто поговорить.

И все же добрых писем было больше, правда, очень много с неясными адресами: родные искали эвакуированных. Ни одно письмо не возвращалось по обратному адресу. Работники почты своими силами разыскивали адресатов через адресный стол, через эвакуированные предприятия. И находили(!) через два, пусть — три месяца, но адресат получал долгожданную весть.

В те годы работники почты не только разноси-

ли письма, но и помогали их писать. За почтамтом был закреплен госпиталь инвалидов Отечественной войны. Раненых привозили на станцию Шарташ, где распределяли и на лошадях везли в госпиталь. Почталыоны в нерабочее время ухаживали за ними, писали письма родным и близким. И даже искали по всему городу и находили переводчиков, если раненый плохо или совсем не говорил по-русски.

За военные годы развития отделений связи не было. На конец 1945 года количество отделений оставалось тем же, а конторы были сокращены до одной.

Наши дни

На сегодняшний день городской почтамт удовлетворяет все растущие потребности населения и предприятий города в почтовых услугах. Каждый месяц обрабатывается почти четыре миллиона входящих и исходящих писем. Кроме этого, населению предоставляются и другие услуги: прием различных платежей, подписка на газеты и журналы,

художественное оформление открыток, услуги факсимильной связи и электронной почты. В перспективе развитие таких услуг, как киберпочта (доступ в Интернет), киберденьги (электронные переводы). Екатеринбургский почтамт одним из первых стал работать в этом направлении. Уже в 1998 году можно было отправить и получить первые электронные переводы.

Можно сказать, что за 250 лет существования Екатеринбургской почты сделано очень много. Каждый, кто хоть раз побывал на почте и воспользовался ее услугами, наверняка знает, что без почты полноценная жизнь современного города невозможна.

Не одно поколение работников почтовой связи отдало свои силы, опыт и время на процветание и развитие почтовой связи в городе.

Татьяна Васильевна Плотникова, начальник Екатеринбургского почтамта, поздравляет всех жителей города с юбилеем почты, желает здоровья и благополучия и обещает, что в будущем почта будет более экономичной, более технологичной, более динамичной.

*Здание
екатеринбургского
почтамта.
Фото Е.Тамплона.*

ДРУГИЕ ДВЕРИ

совсем не фантастический рассказ

Слушай своё сердце.

*Ему внятно всё на свете,
ибо оно сродни Душе Мира
и когда-нибудь вернётся в неё.*

Пауло Козльо

*Просите, и дано будет вам;
ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам;
Ибо всякий просящий получает,
и ищущий находит, и стучащему отворят.*

Евангелие от Луки, 7: 7 – 8

1

Где-то за окном громко каркнула ворона. Я понял, что спать больше не хочу, и стал настороженно прислушиваться к тому, что происходило в моём организме. Меня уже не мутило, но я боялся, что это лишь временное затишье, и продолжал неподвижно лежать.

Снова каркнула ворона и, судя по звукам, спланировала прямо на крышу — по кровельному железу глухо заскрежетали её когтистые лапы.

Дёрнуло же меня отведать вчера на улице этих дурацких пирожков неизвестно с чем. И ведь есть не хотелось, да подумалось: чем могут накормить в столовой военного гарнизона? Вот и решил закусить чем-нибудь, упреждая уставное хлебосоольство. Конечно, кулинарных изысков в полку не было, но я остался доволен. А когда начались подозрительные завихрения в животе, сразу вспомнилась вертлявая уличная продавщица и её «пирожки горячие». Сам виноват. Вот и отмокай тут.

Не до такой уж степени мне было плохо вчера, но лейтенант, будучи приставленным ко мне командиром полка в качестве экскурсовода-проводжатога, тревожно оглядев меня спустя три часа после тех пирожков и словно бы услышав, как грозно бурчит у меня в животе, сказал:

— А ну её, эту гостиницу. Отвезу-ка я вас в наш госпиталь.

Заметив на моём болезненно-бледном лице гримасу протеста, он добавил:

— Да бросьте вы. У нас там не хуже, чем в гостинице. Вас наверняка в инфекционное отделение определят, а там сейчас пусто, один только зам. по тылу прохлаждается: опять чем-то отравился.

Мне становилось хуже, и я махнул рукой — делайте, мол, что хотите.

Сразу по прибытии в госпиталь меня, наконец, вывернуло. Мне сразу стало легче, и я заснул в пустой палате на пять коек.

И теперь я лежал щекой на подушке, затянутой белой казённой наволочкой с бледным штампом «инф. отд.», вспоминал это всё, и мне было стыдно. Приехал из района корреспондент, и нате вам — заблевал всю округу. Позорище...

Ворона со скрежетом расхаживала по железной крыше, а на меня с новой силой навалилась тоска, не отпускаящая вот уже долгое время.

Скоро 40 дней, как погиб лучший друг Лёшка, с которым вместе протирали штаны ещё в школе, а потом и учились в одном институте, правда, на разных факультетах. Я знал, что непременно должен быть на поминках, но совершенно не представлял, как мне это перенести. Мне больно и страшно было снова заглянуть в чёрные глаза Дины, и я не знал, что ей скажу, а ведь сказать что-то будет нужно. Никто не был виноват в случайной и потому нелепой смерти Лёшки, но я всё равно почему-то чувствовал себя в ответе за его гибель. Я и в глухомань эту командировочную напросился, лишь надеясь на то, что задержусь здесь, закручусь и не попаду на сороковины, хотя надежда на это была очень мала: литературный очерк про мирные будни позабытого Богом военного гарнизона не предвещал никаких задержек.

Вспомнив о цели этой своей командировки, то есть о будущем очерке, мне стало ещё тоскливее. Ладно бы ещё тема была стоящая, но кто же станет читать эту никому не нужную скучищу в и без того скучном

районном журнале, да ещё без сопровождающих подобную писанину фотографий?

— Ничего, выкрутимся без «картинок». Ну, нет у меня фотокамеры для тебя! — напутствовал в редакции Самсоныч. Да я и не был против того, чтобы ехать одному, наоборот, хотелось побыть вдали от знакомых людей, лучше даже вообще в одиночестве.

Я обвёл глазами пустую палату — вот тебе и одиночество. Что хотел, то и получил. И тут, словно в ответ на мои мысли, дверь смело распахнулась и явила мне отягощённого лишним весом человека с фиолетовыми щеками в мягком домашнем халате красного цвета. Он привычно окинул взглядом палату, цепко пройдясь по тумбочке возле моей койки, и устоял на меня. «Зам. по тылу», — вспомнил я лейтенанта и приподнял над подушкой голову.

— Пожрать чего-нибудь есть? — угрожающим шёпотом спросили щеки. Я отрицательно помотал головой. Толстяк пожевал губами, недобро сверля меня взглядом, разочарованно прогудел:

— Хреново, — и скрылся за дверью, даже не по-

трудившись прикрыть её плотно. Напоминание о еде неприятно всколыхнуло что-то у меня внутри, я снова положил голову на подушку, с неприязнью вспоминая фиолетовые щеки: «Чтоб тебя...». Я полежал ещё немного, тревожно ожидая каких-либо неприятных ощущений после вчерашнего, но ничего угрожающего так и не дождался. Тут дверь снова открылась, но на этот раз предвестник неуёмного аппетита — красный халат — мне увидеть не довелось. Вместо него в палату мягко прокралась совсем юная девушка — тоже в халате, только снежно-белом. После искателя продовольствия она напоминала ангела.

— Доброе утро, — тихо сказала она, махнув пушистыми русыми ресницами, и сунула мне в руку холодный градусник. — Поставьте, пожалуйста.

Я подчинился, с удовольствием слушая шуршание её накрахмаленного халата, пока она покидала палату.

Температура оказалась нормальной. После того, как меня лишили градусника, я поднялся и обнаружил, что чувствую себя в целом неплохо, хотя о еде думать было всё равно неприятно.

Лейтенант не обманул — одноэтажное деревянное здание инфекционного отделения казалось вымершим, словно после эпидемии. На этот раз, ничуть не разрушая это ощущение, в конце коридора, пересекавшего здание ровно посередине, мелькнул пожарно-красный халат, будто олицетворение этих самых смертельных вирусов. В комнате у самого выхода сидела крахмальная сестричка и что-то писала в огромном и с виду ветхом журнале, мельком взглянув на меня. Вчера оценить окружающую действительность я не имел ни желания, ни возможности, и занялся этим сейчас, выйдя на крыльцо.

Длинный одноэтажный барак инфекционного отделения оказался на изрядном удалении от главного корпуса госпиталя, четырёхэтажное кирпичное здание которого виднелось за деревьями. Я почувствовал себя в настоящей изоляции — территория инфекционного отделения была обнесена заборчиком, вокруг которого рос шиповник, заменяя, очевидно, столь популярную в армии колючую проволоку. Выглядело это весьма органично: вроде и не по-армейски, но устав соблюлён. Забор, как и полагалось, имел калитку, за которой виднелась дорожка, ведущая на основную территорию, к главному корпусу. Пейзаж был не просто безрадостным, а даже удручающим, но за пять лет работы в журнале, мотаясь по самым невероятным захолустьям необъятной Родины, я привык переносить всё это спокойно и, мало того — равнодушно, хотя именно этого при моей древней профессии никак нельзя было допускать. Журналист должен быть объективным, но никак не равнодушным.

Неподалёку от калитки располагалась традиционная армейская курилка — вкопанный в землю до половины железный бак, аккуратно заполненный на треть древними окурками и окружённый с трёх сторон скамейками. Курить хотелось нестерпимо. Доставая сигареты и зажигалку, я направился не в отведённое для этой губительной для здоровья затее место,

а к большому чёрному валуну, лежавшему по другую сторону от калитки. Утреннее солнце хорошо прогрело этого свидетеля отступления ледника, и я с удовольствием уселся на его твёрдую шершавую поверхность. С институтской военной кафедры я терпеть не мог никаких уставов и надеялся, что ко мне, как к человеку гражданскому, придираяться не будут. Блаженно делая первую, самую вкусную затяжку, я сквозь сизый дымок окинул взглядом территорию отделения. Неподалёку от барака стоял аккуратный сарайчик, похожий скорее на маленький домик. К сарайчику — или что это там у них было — вела узкая асфальтированная полоска, которая огибала, расширяясь, барак инфекционного отделения и упиралась в калитку. Я не поленился и, поднявшись с валуна, подошёл к этой калитке и тронул её — она бесшумно и легко поддалась, развеивая мысли о заочении. Я осторожно огляделся — не видел ли кто этих моих несерьёзных действий — и вернулся на свой камень.

Оживляя невеликий прямоугольник территории, кое-где росли ухоженные яблоневые и вишнёвые деревья. Где-то не слишком далеко, скрываемое деревьями и кустами шиповника, пролегало шоссе, дающее о себе знать шумом изредка проходивших по нему машин — госпиталь стоял на окраине городка.

Я докурил сигарету, растерзал окурки о камень, на котором сидел, и зашвырнул куда-то за забор. Веселее на душе не становилось. Уже сегодня, скорее всего, я покину это унылое место, стану изучать быт офицеров и солдат, сопровождаемый для порядка уже знакомым мне лейтенантом, и через неделю очерк будет тоскливо читать Самсоныч. Пуская дым своего неизменного чудовищного «Беломора» прямо в тощую стопочку листов, он, прищурившись, хитро посмотрит на меня поверх огромных своих очков и, конечно, скажет:

— Скучно, Андрюша. Очень скучно.

— Что скучно, Марк Самсонович?

— Живём скучно, Андрюша, — и, поглядев воровато на закрытую дверь, добавит, доверительно понижая голос: — Фигнёй занимаемся...

И, бросив на стол мои машинописные листы и размашисто расписываясь прямо поверх текста, зычно рявкнет:

— В набор!

2

Прямо надо мной каркнула ворона. Я поднял голову, пытаясь разглядеть её в ветках яблони, которая росла неподалёку. Блуждая взглядом среди листвы, я почувствовал, что у меня закружилась голова. Только этого ещё не хватало. Вставать с камня совсем не хотелось, и я поёрзал на нём, устраиваясь поудобнее. Вдобавок к головокружению тело начала заполнять, словно вода пустую бочку, неприятная слабость. Вот и продолжение вчерашних пирожков, а я уже собрался было перебираться отсюда в гостиницу...

Ворона внимательно разглядывала меня, сидя на ветке. Может быть, именно она разбудила меня сегодня?

Тут я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав, и обернулся. Рядом со мной стоял человек неопределённого возраста в серой выцветшей спецовке с множеством карманов и таких же штанах. У него были длинные полуседые волосы, собранные сзади в хвост, а двухдневная щетина подчёркивала впалые щёки.

— Нельзя! — сказал человек, тревожно глядя на меня.

— Что нельзя? — я попытался освободиться от его крепкой хватки, но в следующую же секунду мне пришлось вскочить, потому что человек так сильно потянул меня за рукав, что иначе я бы просто упал. Ошарашенный таким напором, я последовал за настырным чудачком, который доволочил меня до курилки и, ловко толкнув, заставил сесть на скамью.

— Нельзя! — повторил он, строго глядя мне в глаза, и показал пальцем в сторону валуна. Я так и не понял, что же было нельзя — то ли сидеть на камне, то ли курить в неподобающем месте (наверное, он всё

видел, хотя мне казалось, что поблизости никого не было).

— Почему нельзя? — спросил я его снова, но чудак уже повернулся ко мне спиной и пошёл к сарайчику. Скорее всего, он и появился именно оттуда — дверь домика была распахнута, а рядом стояла прислонённая к дощатой стене метла. Человек дошёл до двери, плотно прикрыл её, подхватил метлу и зашагал к калитке. «Дворник», — определил я, чувствуя, как меня захлёстывает запоздавшая из-за стремительности произошедшего волна недовольства и неприязни к нему, а он, проходя мимо, взглянул на меня как-то ласково и виновато, как на ребёнка, которого ему пришлось наказывать за дело, и, смешно погрозив пальцем, повторил, как бы уже просительно:

— Нельзя.

— Чудило... — пробормотал я растерянно, разглаживая смятый рукав своей джинсовки ладонью, с удивлением отмечая, что волна гнева к этому человеку удивительным образом исчезла. Дворник аккуратно затворил за собой калитку и пропал. Снова захотелось курить, но голова ещё кружилась, и я решил «отравиться» в другой раз. С яблони грузно сорвалась ворона и, каркнув для порядка, хлопнула крыльями куда-то в сторону.

Я стал хмуро ждать приступов тошноты, которых почему-то всё не было, и тут калитка распахнулась, и на дорожку шагнул средних лет мужчина в военной форме с погонами полковника медицинской службы на зелёной рубашке. Он заметил меня и свернул с дорожки в сторону курилки.

— Здравствуйте, — сказал он добродушно и протянул мне руку. — Игнатий Савельевич, заведу этим хозяйством.

Он элегантно повёл рукой по направлению барака с сарайчиком и протянул ладонь мне. Я неловко привстал:

— Андрей.

— Просто Андрей? — весело уточнил Игнатий Савельевич, присаживаясь рядышком. Я терпеть не мог, когда меня величали по имени-отчеству, и сказал:

— Просто. Мне так больше нравится.

Игнатий Савельевич быстро взглянул на часы и снова обратился ко мне:

— Вы ведь корреспондент?

Я смутился, как мальчишка, которому предстояло оправдываться за разбитую накануне чашку, и попытался сосрывать:

— Да, готовлю статью под названием «Богатая палитра ощущений при пищевых расстройствах».

— Как вы? — кивнул на меня подбородком Игнатий Савельевич. От его доброго взгляда мне стало будто легче, он ещё больше понравился мне, и я отвел:

— Хотя сейчас на борозду. Вот только голова кружится...

Игнатий Савельевич, кивая, приложил тыльную сторону ладони к моему лбу. Я окончательно почувствовал себя ребёнком и улыбнулся.

— Ничего, ничего, — успокоил меня Игнатий Савельевич. — Завтра, надо полагать, и выйдете на свою борозду.

Тут калитка отлетела в сторону, с размаху громко брякнув по доскам забора.

— Иди, дура! — послышалось за забором, и в калитку влетела серая коза, таинственно разлинованная с одного бока блёкло-синими вертикальными полосами. Вслед за козой вкатилась невысокая тётка с фигурой, расходившейся сверху вниз всё более расширяющимися сферическими окружностями, как детская пирамидка или колокол. За длинной юбкой ног её видно не было, отчего создавалось впечатление, будто тётка действительно катится на невидимых колёсиках. Сверху это колоколообразное создание природы венчал платок, повязанный так, что узелок размещался точно на лбу. «Баба на чайник», — подумалось мне.

— Ульяна Петровна! — развёл руками Игнатий Савельевич, привыкший, как видно, к подобным выходкам.

— Игнатий Савельич, голубчик! — полилось из колокола. — Мой-то алкаш вчера вусмерть приполз, я его в дом-то и не пустила. Так он, зараза, в сараюшке спать наладился, а Зебру выпихнул. Мне с утра на работу, а он дрыхнет, да ещё дверь подпёр изнутри, а куда ж я Зебру-то дену? Нешто в дом? Игнатий Савельич, голубь, пусть она подежурит тут со мной до завтра, а?

— Почему до завтра, вам же только до вечера?

— Да я Зинку из хирургии подменяю на ночь, — Ульяна заискивающе смотрела на Игнатия Савельевича, крепко держа за спиной конец верёвки, за которую была привязана коза, которая стояла как вкопанная посреди асфальтовой дорожки и напряжённо сверлила левым глазом нас с Игнатием Савельевичем.

— Ну куда мне её? Прикажете в палату определить? — ласково спросил врач, напоминавший сейчас Айболита в ополчении. Чувствуя обнадеживающие нотки в его голосе, Ульяна подкатилась ближе, сдёрнув свою козу с дорожки, как детскую машинку на верёвочке, и затарахтела:

— Да что вы, куда ей палату — нешто она больная? Она и тут, у каменюки этой, попасётся.

— А если кору на яблоне объест?

— Да по зубам ей, окаянной! Где же объест? Я её подальше привяжу, не доберётся.

Игнатий Савельевич устал махнул рукой:

— Ладно, что с вами сделаешь. Только чтоб тихо и никаких безобразий. И после прибрать хорошенько. Доведёте вы меня до трибунала...

— Игнатий Савельич, вот спасибочки! — тут же бросилась привязывать козу к забору Ульяна, ловко мешая благодарственные слова с ругательствами, адресованными Зебре. — Иди сюда, дура, вот уважили, да стой, зараза, голубь вы наш, благодетель...

Игнатий Савельевич как-то виновато посмотрел на меня и, зачем-то оправдываясь, сказал:

— Нельзя, конечно, но куда мне их? А Павла Федо-

ровича, нашего главного, сегодня в госпитале нет, так что, авось обойдётся.

Он вздохнул и неожиданно и хитро подмигнул. Я рассмеялся и спросил его:

— А почему Зебра?

— Не знаю, но похожа, — и крикнул Ульяне: — А почему Зебра, Ульяна Петровна?

Продолжая возиться с козой и тщательно прикидывая расстояние до яблони, Ульяна ответила:

— Да раньше-то Машкой была. А акkurat месяц назад я забор наш покрасила, а мой-то алкоголик нажрался в тот же день да у забора завалился, а Зебру, значит, к самому забору притёр. Он лежит, ему хоть бы хны, а она орёт... Подкрашивать потом пришлось.

— Кого — козу? — хохотал Игнатий Савельевич.

— Зачем козу? Забор... Сиди тут, гримза! Пойду я, Игнатий Савельич, поработаю, что ли...

И Ульяна быстро покатила к крыльцу отделения. У забора осталась коза, уже пощипывавшая скудную травку неподалёку от валуна.

Игнатий Савельевич поднялся:

— Ну, пойду и я поработаю. Отдыхайте, Андрей. Ещё увидимся.

Я остался созерцать Зебру. Солнце добралось уже до курилки, и в куртке стало жарко. Я вяло стянул её с себя и положил рядом. Было скучно. Голова всё ещё кружилась, и я решил пойти в палату и прилечь, надеясь, что смогу забыться сном.

Проходя по коридору мимо неплотно прикрытой двери с табличкой «заведующий отделением», я услышал сиплый бас обладателя красного халата:

— Да что же это такое, Игнатий Савельевич?! Неужели другой еды нет? Сколько же можно эту дрянь жрать?

— Ничего не поделаешь, Василий Ильич, придётся потерпеть...

3

Я добрёл до своей палаты и лёг на койку. Прележав впустую полчаса, убедился, что уснуть не удастся. А тоска всё давила, и не было от неё спасения. Я гнал от себя мысли о предстоящей работе, но знал, что работать всё-таки придётся.

Прав Самсоныч. Фигнёй занимаемся. Зачем писать то, что всё равно никому не нужно? Просто ради того, чтобы заполнить ровными рядами строчек листы журнала? А потом эти журналы — те из немногих, что будут куплены, отволокут, собрав в тяжёлые стопки, в пункт вторсырья для последующей переработки. Бумагу будто бы экономим, а бережём ли само СЛОВО? Для чего бросаем его в пустоту?

Или, может быть, всё дело в том, КАК писать? Вдурт и здесь, в захолустном городишке с его военным гарнизоном, найдётся что сказать людям стоящего? Ведь людские страсти кипят везде — и в столице, и в глухой деревне, — всюду, где живут люди. Ведь и Достоевский писал о простых людях, всего лишь обнажая их душу, то, что тревожило их, звало куда-то. И эти исследования человеческой сути до сих пор читают. Люди и задумываются о прочитанном. Выходит, что просто я — бездарный писака, возомнивший, что я — величина, а кругом — мелочь, серость и глушь?

Я перевернулся на спину и стал смотреть в потолок.

Что же я есть на самом деле?

Отец мой был геологом. Не вылезал из экспедиций, появляясь дома лишь изредка и снова уходя в Сибирь, в тайгу. Я обожал, когда он находился дома, это был настоящий праздник.

У ребят из моего двора и из школы отцы тоже бывали в командировках (слово для меня чужое, я привык к слову «экспедиция»). Из этих командировок они привозили своим сыновьям подарки — от игрушек до действительно полезных вещей. Я тоже ждал от отца подарков, но подарки эти были совсем иного рода. Он привозил из вечных своих экспедиций рассказы. И рассказы эти были не только описанием всевозможных случаев, приключавшихся с ним и его товарищами, но также байки охотников, егерей и просто жителей таёжных деревень, с многими из которых отец был знаком и дружил. Рассказывал отец мастерски, я

мог слушать его бесконечно долго, забыв обо всём на свете. Когда отец бывал дома, к нему постоянно заходили в гости его друзья—геологи, а были и те самые таёжные охотники, правда, случалось это реже. От людей этих так и веяло какой-то мощью, спокойствием и надёжностью. Казалось, что окажись ты с этим человеком где угодно и в самых невыносимых условиях, никакая беда не будет страшна.

Допоздна засиживались они на нашей маленькой кухне или в родительской комнате, курили и делились нескончаемыми историями из сибирской их жизни — далёкой и такой интересной. Я, сколько мог, сидел с ними, норовя задержаться подольше, но мать гнала меня в постель, и никакие мои уговоры не помогали. Глотая слёзы, я шёл в свою кровать, лежал, как сейчас, глядя в потолок, на котором, дразня меня, висела глиняшком полоска света из соседней, запретной теперь комнаты. Я дожидался, когда обо мне забывали, припадал ухом к двери, недалеко от которой стояла моя кровать, и жадно ловил голоса.

Случалось, наутро, стремглав вернувшись из школы, я приставал к отцу, требуя рассказать то, что говорил прошлой ночью дядя Прохор. Отец смеялся и никогда не отказывал мне.

Память у меня была хорошая, и, стремясь поделиться со своими друзьями услышанными диковинами, я пересказывал эти байки. Но в моих устах они почему-то теряли свой блеск и остроту, друзья начинали скучать, и я смущённо замолкал.

Однажды в школе, на уроке литературы, нас заставили писать сочинение по «Грозе» Островского. Читал я всегда охотно и помногу и с «Грозой» был знаком. Но образ Катерины меня не слишком интересовал, и я, недолго думая, перенёс на разлинованные ученические листы одну из баек, что услышал от отца накануне. На бумаге это оказалось куда более гармонично склеенным между собой, откуда-то находились нужные и удивительно точные слова и выражения — и это при том, что я не стремился передать услышанную историю дословно, а излагал её своими словами.

В конце урока я положил исписанные листки в общую стопку на учительском столе и, предчувствуя недоброе, стал ждать.

Роза Сергеевна устроила скандал. Я был заклеимён как «выдумщик» и «самодур», а когда, пытаясь защищаться, сказал, что всё написанное мной — правда, а Катерину, как луч света в тёмном царстве, мне просто жаль, но писать об этом мне не хочется, Роза Сергеевна подскочила ко мне, выволокла из-за парты, и отбуксировала к директору в кабинет, не забыв прихватить и моё несчастное сочинение.

Дмитрий Романович внимательно выслушал разгорячённую Розу Сергеевну и, сделав строгое лицо, попросил оставить нас наедине. Роза Сергеевна удалилась с чувством исполненного долга. Когда за ней закрылась дверь, Дмитрий Романович испытующе взглянул на меня и принял читать злосчастное сочинение. Я терпеливо ждал продолжения бурь. Когда директор дочитал до конца, его лицо выплыло из-

за моих исписанных листков, как солнце из-за туч, и напускной суровости на нём уже не было. Он как-то растерянно на меня посмотрел, хмыкнул и негромко сказал:

— А ты пиши, брат. Пиши и никого не слушай.

И, убирая куда-то к себе в стол тоненькие листки моего сочинения, хитро подмигнул мне и добавил:

— Только на уроках с этим погоди. Не то ещё не такая «гроза» разразится.

С тех пор, встречаясь с ним в школьных коридорах, мы неизменно здоровались, как добрые знакомые.

Его совету я последовал, только оказавшись в институте. Вспоминал байки отца и его друзей, продумывал стиль и структуру каждой, иногда что-то добавлял от себя, что-то убирал и потихоньку переносил на бумагу. Это стало своего рода хобби, будто я собирал какую-то коллекцию. Отец мой к тому времени уже не лазал по Сибири, но память моя хранила достаточное количество услышанных мною ранее историй, и новых вливаний как-то не требовалось.

Сначала мне и в голову не приходило показывать свой труд кому-нибудь. Не знал о нём даже друг Лёша. Остались позади годы учёбы в институте, мы разлетелись кто куда, Лёша стал работать мелким редактором в какой-то областной газетёнке. Редко мы встречались, выпивали, вспоминали безоблачные школьные годы, весёлое студенчество, смеялись и грустили, и вновь разъезжались в разные стороны.

Попав в редакцию журнала и отработывая свой хлеб, я писал требуемое, словно сочинение по какой-нибудь «грозе», сдавал Самсонычу и всегда волновался, что расстрою его не на шутку. Но Самсоныч ворчал что-нибудь обычное, в своём философском унылом духе и в конце, как правило, выдавал одно и то же: «В набор!».

Иногда я задумывался, не пора ли попытаться сделать что-то настоящее, и вспоминал об уже готовых рассказах. Я с сомнением листал их, мне казалось, что всё это несерьёзно, словно детская возня в песочнице, и снова убирал на антресоли. Один рассказ, правда, я всё-таки попробовал послать в несколько толстых журналов, но ответом мне была тишина. Я разуверился в них окончательно, они перестали быть мне интересными, а темы, за которую стоило бы взяться, как-то не находилось, и я возвращался в привычную, давно укутанную колею.

И вот однажды мы вновь встретились с Лёшкой у меня дома, захмелели до известной степени и разговорились «за жизнь», желая немедленно разобраться в смысле этого загадочного и малоизученного явления. Спор разгорелся не на шутку и Лёша почти слово в слово повторил традиционное резюме моего Самсоныча и, тыча в меня пальцем, как красноармеец с плаката, грозно спросил:

— Писать надо, Андрюха, и писать не для редакций, и не для того, чтобы что-то доказать Розе Сергеевне, а для себя, в стол, в его величество Стол! Потому что лишь туда и стоит писать; ведь стол не выдает гонорар и не посулит славу. Потому что в этом столе

на самом деле оказываешься ты сам, как есть, не за кнут и не за пряник! И когда отлежится хорошенько в столе то, что ты туда накатыл, да покроется благородной пылью, вот тогда это можно будет достать и отнести в редакцию, и в конечном итоге — людям.

Я вспыхнул, полез на антресоли и вытащил откуда все свои «таёжные рассказы». Лешка обалдело умолк, повернул листы и погрузился в чтение.

Он читал всю ночь, а я сидел в углу, и мы курили почти не переставая. Время от времени он смотрел на меня восхищёнными глазами, бормотал: «Вот дурак, еловая голова... Что же ты молчал?..» — и снова углублялся в чтение.

Под утро, моргая покрасневшими, усталыми глазами, Лёшка выпросил у меня несколько непрочитанных рассказов и уволок с собой. Через три недели его не стало.

Я заскрипел зубами. Инфекционное отделение напомнило о себе уже знакомым возгласом: «Игнатий Савельевич, а шпроты можно?». Где-то совсем рядом звякнуло ведро, и в мою палату въехала Ульяна в белом халате и с шваброй, и принялась елозить тряпкой по линолеуму.

Настроение у меня было такое отвратительное, что захотелось немедленно напиться. Но даже если бы сейчас сию минуту на тумбочке возле моей койки возникла вожделенная бутылка, я вряд ли бы рискнул влить в себя её содержимое: голова, правда, кружиться перестала, да и желудок обнадеживающе молчал, но в теле ощущалась неприятная слабость. Да и пьяный журналист, находящийся как-никак в гостях — явление, прямо скажем, угрожающее авторитету не только всей прессы, но и гостям. Отключать мозги от изматывающего потока мрачных мыслей нужно было другим путём.

Я покосился на Ульяну — она как раз закончила уборкой и, не обращая на меня ни малейшего внимания, мигмом прополоскала в ведре и отжала тряпку, подхватила своё хозяйство и выкатилась из палаты, оставив за собой запах хлора. Только этого мне не хватало. Я, морщась, сел на кровати. Тут дверь снова открылась, и я увидел Игнатия Савельевича — на нём поверх формы был надет белый халат, удивительно шедший ему. Есть люди, на которых даже затрапезный деревенский ватник выглядит элегантно — таких людей не одежда украшает, а они сами украшают её собой. Именно к этой категории человечества и относился Игнатий Савельевич.

Он приветливо мне кивнул и аккуратно присел на краешек стоящей неподалёку пустой койки. Затем он задал мне несколько скучных вопросов на тему моего самочувствия и разузнал поподробнее о том, что же я вчера употреблял внутрь.

— Значит, «пирожки горячая», — с мягкой улыбкой покачал он головой. — Что ж, бывает и похуже. Ничего, побудете у нас денёк, а завтра с утрачка, я думаю, и вернётесь к своей работе. Может, о нас напишете.

— Может, — вздохнул я неопределённо.

Игнатий Савельевич поднялся, привычным движением поправил халат и сказал:

— Сейчас время завтрака. Вообще-то у нас в отделении есть свой пищеблок. Но нынче, как видите, не сезон пищевых отравлений, — он тихонько постучал согнутым указательным пальцем по тумбочке. — На довольствии один майор Сафьянов — и то недоволен, слышали, наверно?

Я покивал, вспомнив дородного обладателя красного халата, а Игнатий Савельевич продолжал:

— А вам, будучи практически здоровым, да ещё являясь гостем, я бы рекомендовал прогуляться до госпитальной столовой — отведать чайку, я думаю, вам не повредит.

Я молчал, прислушиваясь к мнению собственного желудка. От чая я бы не отказался, да и сидеть в палате было уже невыносимо.

— Ступайте, Андрей. Хуже не будет, — заключил Игнатий Савельевич, потрепав меня за плечо.

Вместе мы вышли в коридор.

— Пройдёте за калитку, а дальше по дорожке, и направо, — напутствовал он и скрылся за дверью своего кабинета. Я побрёл к выходу.

— Нельзя! — услышал я, едва выйдя на крыльцо.

У забора, где была привязана коза, разыгрывался очередной увлекательный и малопонятный спектакль. Уже знакомый мне дворник пытался отвязать козу от забора, отбиваясь от Ульяны.

— Нельзя!

— А я тебе говорю, Игнатий Савельич разрешили! — орала в ответ Ульяна, оттаскивая дворника в сторону. Но тот не уступал.

— Да что тебе всё неймётся-то со своим каменюкой?! — вопрошала Ульяна, крепко ухватив рукой конец верёвки, а другой перехватив дворника за штанину. Поняв неравенство сил, дворник бросил привязь и решительно направился в сторону крыльца. Даже не взглянув на меня, он прошёл мимо. Через несколько секунд из недр отделения донеслось:

— Игнат! Там коза у камня!

— Потерпи, Нолич. Я и так инструкцию нарушаю, да сам посуду — ну куда я её дену?

— Нельзя!

— Ну, привяжем её в другом месте, а вдруг она кору с деревьев пожрёт? А?

Воцарилась тишина. По коридору пробухали шаги, и на крыльцо снова вышел дворник. Не останавливаясь, он прошёл до брошенной у калитки метлы. Ульяна победно глядела на него, уперев руки в свои необъятные бока, а неподалёку от камня отрёпённо бродила Зебра. Я представил недавнюю борьбу, где в роли козы выступал бы я сам. Смешно не стало.

— Что, взял, Нолич? Иди лучше делом займись.

Дворник угрюмо подобрал свою метлу и, обернувшись к Ульяне, спокойно сказал:

— Дура. Плохо это.

И пошёл прочь к своему домику.

— Сам дурак. Небось, не проглотит она твой булыжник, — беззлобно отпаривала Ульяна и неторопливо заскользила к крыльцу, слегка покосившись на меня.

4

Рядом с главным, кирпичным зданием госпиталя, торец к торцу, стояло серое панельное двухэтажное строение. Неподалёку от входной двери, на скамеечке, сидел нахохлившийся боец в смело распахнутом больничном халате бурого цвета, придерживая красноречиво раскоряченные костыли. «Хирургическое отделение», — определил я. В просвет между этими двумя зданиями вела дорожка, плутая по небольшому больничному садочку и упираясь в ворота главного входа, видневшиеся отсюда. Параллельно основному корпусу и хирургическому отделению, со значением отделённые большой клумбой с россыпью красных и жёлтых, неведомых мне цветочков, располагались два барака, напоминающих наше инфекционное отделение. То, что было слева от меня, казалось необитаемым, зато к тому, что находилось справа, неторопливо шли, огибая клумбу, несколько занедуживших защитников отечества в одинаковых халатах. Этот барак и был, по-видимому, столовой.

По скрипучим половицам я миновал сумрачную тесную комнатку, на стене которой сиротливо белел листок с единственной различимой при таком освещении надписью «меню», и оказался в небольшом зальчике, уставленном столами и стульями. Свободных мест было предостаточно, и, чтобы не стоять столбом при изучении незнакомой обстановки — куда идти, дабы получить чай, — я сел в углу у окошка за незанятый столик, на котором стоял нехитрый пластмассовый прибор со специями и гранёный стакан, из которого торпорщились белые бумажные салфетки. Я почувствовал на себе взгляды и, привычно сотворив равнодушное лицо, отвернулся к окну. За деревьями виднелась крыша инфекционного отделения.

Не прошло и двух минут, как я услышал рядом с собой:

— Это вы корреспондент?

У моего столика стояла невысокая женщина, с любопытством разглядывая меня и теребя краешек синего передника, повязанного поверх белого, но уже не медицинского халатика. Не желая привлечь к своей персоне излишнее внимание, я кивнул и сразу почувствовал себя в центре вселенной. Всякий норювил рассматривает меня наилучшим образом. Женщина наклонилась над столиком и, глядя на меня весёлыми, чуть смущёнными глазами, понизив голос, добавила:

— Офицерские столики там.

И показала где. В указанном направлении сидели два типичных офицера, облачённых в спортивные костюмы. Хоть я и являлся офицером запаса после военной кафедры института, подобное деление на касты было мне безразлично, и я так же тихо ответил:

— Ничего. Мне тут больше нравится.

Женщина спросила:

— Покушаете чего-нибудь?

— Да нет. Чайку бы.

Женщина исчезла, и внимание ко мне стало ослабевать. Несколько солдат-срочников за соседними столиками вернулись к обозрению своих тарелок, а

офицеры и вовсе не прекращали своего разговора, безразличные ко мне.

Скоро у меня на столе оказалось сразу два стакана свежесваренного чая и тарелка с сушками, обсыпанными маком. Судя по железным чайникам, населяющих другие столики, из которых трапезничающие время от времени плескали себе в стаканы светло жёлтую жидкость, меня обслужили явно не по уставу сего хлебосольного заведения: как же, корреспондент наведался, пусть и проездом, напишет ещё про отсутствие чая в кипятке. Интересно, что бы было, прояви я желание откусать что-либо по полной программе. Глядишь, притащили бы мне черепаховый суп.

Я не стал пренебрегать сушками и, оглушительно дробя их зубами, с удовольствием прихлёбывал ядрёный чай, ненавязчиво блуждая взглядом по соседским столикам.

В зальчике сидели совершенно незнакомые люди, и мало того, что были мне чужими, но и казались к тому же абсолютно неинтересными. Для многих из них — если не для всех — и я был тем же самым: всего лишь деталью окружающего их пространства. Но если разобраться, каждый из находящихся здесь людей был уникальным существом с неповторимой, одному ему предназначенной судьбой. И в жизни каждого из них наверняка нашлись бы моменты, достойные пера Достоевского или Толстого. Залезешь на крышу высокого дома, посмотришь вниз — и людей-то не увидишь, так, шевелятся точки какие-то внизу. А опустишься на землю — каждая такая точка превращается в точку мироздания, в отдельный его кирпичик. Вникнешь в суть этого кирпичика и увидишь Вселенную. Вот только увидеть не всегда получалось, но уж взглядевшись, можно было и восхититься, и ужаснуться.

Только начав работать журналистом, и разъезжая по городам и весям по заданию редакции, я

встречался с людьми — как правило, с обычными, «маленькими» людьми, разговаривал с ними, составляя очерк или статью, и пытался разглядеть в этих маленьких людях именно Людей, с большой буквы «Л». И зачастую не мог этого сделать, даже если они легко шли на контакт (что было отнюдь не всегда), и охотно раскрывали свою душу (явление совсем уже маловероятное). Я искал в их душах полёт, какую-то мечту — настоящую, заветную, но находил именно «какую-то». Все их внешние успехи и достижения проистекали от мелкого желания устроиться в этой жизни, урвать причитающийся им кусок. Всем им было что-то нужно здесь, каждый хотел взять, а вот отдавать желали очень немногие. Встречался я и с такими альтруистами: серыми, незаметными, сломленными жизнью людьми, и с ужасом задавался вопросом — отчего они такие? Ведь ими двигали благородные помыслы! Я пытался понять, что с ними произошло, и выслушивал истории их жизней.

Поначалу они суетились, энергия была из них фонтаном — они не жаждали славы и денег, они просто постоянно пытались всем помочь, выбиваясь из сил, натирали мозоли и срывали горло, поскольку, помимо помощи деньгами и личным участием, очень любили давать советы. Они пытались осчастливить всех и каждого и неизменно получали по морде, что не охлаждало их пыл (они даже гордились следами от пощёчин, с готовностью подставляя под очередную оплеуху ещё не пострадавшую часть тела); они снова лезли в эти благие дебри, даже не подозревая, что устилают ими путь известно куда. Так эти странные люди бежали, шли и потом уже тащились по жизни, превращаясь в жалких неудачников, имеющих редкостный дар — раздражать абсолютно всех: и врагов и друзей (увы — немногочисленных). Они слыли идеалистами и идиотами, чудаками и чужаками, и оседали где-то по краям жизни, на берегах её потока, сидя у своих разбитых лодок, с грустью провожая взглядом чьи-то сверкающие яхты. Они ещё кричали с берега что-то вроде: «Опомнитесь! Куда плывёте? Жить нужно по-другому!», но их никто не слушал.

С ужасом вникая в эти жуткие биографии, я не верил, что доброта бывает наказуема, но глядя на этих людей, отмечал про себя, что они мне, почему-то, несимпатичны. Они были обессилены и вызывали лишь жалость.

Со страхом ожидая сугубо взрослого подтверждения детской мультяшной песенки со словами: «Кто людям помогает, тот тратит время зря, хорошими делами прославиться нельзя», я исследовал истории жизни эгоистов и откровенных негодяев.

Они строили блестящую карьеру, множили своё благосостояние, гордились своими успехами, холили себя и лелеяли. Им многое удавалось и удавалось легко, некоторых неудачи вообще обходили стороной. У них было всё, что можно в этой жизни купить, отсутствовали лишь настоящие друзья и — что явилось для меня открытием — настоящие враги. Враги эти являли собой жалкое зрелище, были

все как на подбор мелкими, банальными завистниками, равных же соперников у этих счастливых не наблюдалось. А время шло, и счастливицы эти теряли свой задор и энергию молодости, дряхлели, и им уже было наплевать на те радости жизни, что прельщали их раньше. Они становились раздражительными, брюзгливыми, не понимая причин своей смертельной тоски, смотрели на молодых и, страшно завидуя им, принимались, как и чудаки—альтруисты, бесконечно учить их жизни и критиковать любой их шаг, пусть даже и одобряемый ими самими глубоко внутри.

Глядя на всех этих людей — на преуспевающих карьеристов и несчастных неудачников, — я пытался определить, где находится та самая золотая середина, к которой бы мне самому хотелось примкнуть, и не находил. Я заполнял заметками свои блокноты — на будущее, в которое верил и ждал, что ещё чуть-чуть — и мне всё станет ясно, и я обязательно пойму, как надо жить. И непременно напишу то, что давно вертится на языке — возможно, обо всем этом, — но пока всё, как-то не даётся. Однако время шло, а ответ всё не находился, и таяла моя вера в удивительный рецепт, одинаково подходящий всем без исключения людям, непременно делающий их счастливыми. И совсем уже не писалось мне, и тошно было от этого, хотелось с чего-то начать, потому что я знал уже по своему небольшому, но опыту, как важно именно начало. Оно становится точкой отсчёта, стартовой площадкой. Работая даже над какой-нибудь тусклой статьёй, я увлекался, непонятно откуда вдруг возникали нужные, интересные мысли. Но часто они вводили меня в сторону от темы статьи, как бы начинали жить собственной жизнью. Я останавливался, понимая, что к статье это уже не имеет никакого отношения, возвращался к редакционной теме, проклиная свою работу, и на этом всё заканчивалось. Я снова и снова пытался найти такую точку отсчёта, но найти не мог, хотя чувствовал, что она где-то рядом. В моей голове был рассыпан бисер отдельных, разрозненных мыслей, но я никак не мог найти ту нить, что смогла бы объединить их вместе, в некое единое целое.

Через какое-то время всё это мне порядком надоело, я махнул на поиски рукой, отдавшись силе общего потока, который сам нёс меня, не давая утонуть и освобождая от необходимости грести и править в какую-либо сторону. Я привык к скуке, это поначалу пугало меня, но и к этому я тоже стал привыкать.

Я вздохнул, возвращаясь из грустных воспоминаний к невесёлой действительности, и занялся вторым стаканом чая.

Заскрипели половицы в прихожей, и в столовую вошёл Сафьянов, но на этот раз он был не в своём жутком красном халате, а в накинутом поверх опять-таки спортивного костюма, старого военного бушлата, который был ему нестерпимо мал. Настороженно покосившись в сторону тонкой перегородки, скрывающей персонал столовой, и из-за которой доносил-

сы бодрый грохот посуды, он быстро направился к офицерским столикам, прямо к тем двоим, что негромко о чём-то переговаривались. Те его заметили, и один из них, с аккуратными усами, иронично произнёс:

— Майор Сафьянов! Вам же сюда, насколько нам известно, хода нет. Что стряслось?

Сафьянов воровато оглянулся, скользнув взглядом по мне, и, грузно придавив хлипкий стул, обратился к собеседнику усача — седеющему офицеру с изрешеченному оспинами лицом:

— Выручай, Михалыч. Жрать охота — спасу нет. Я от тамошней каши скоро на стену полезу.

Михалыч гостеприимно распахнул над столиком руки:

— Что ж, отведай с нашего стола, мы люди не жадные.

Я заметил, как он незаметно подмигнул своему сотрапезнику, и тот осторожно наклонил голову, пряча в своих усах улыбку.

— Не валяй дурака, Михалыч, — сдерживаясь, продолжал Сафьянов. — Сам же вчера рассказывал, что тебе из дому жена ветчинки принесла. Поделится бы, что ли?

И он покосился на фанерную перегородку, за которой по-прежнему слышался грохот посуды и женские голоса.

— Ох, Василий Ильич, — погрозил Михалыч пальцем. — Заставляешь меня грех на душу принимать. Я-то, конечно, дам тебе ветчинки, не жалко, да не обратилась бы она для тебя отравой пострашней цианида.

— Да ладно тебе, Михалыч! Я уж и выписался почти. Савельич зверствует, всё на каше держит. Я-то себя знаю...

— Ой ли, — с улыбкой покачал головой Михалыч. — Ну, хорошо, что с тебя взять...

— Кроме анализов, — тихо вставил, не выдержав, усач.

— Не твоё собачье дело, Кравец! — рявкнул Сафьянов так, что на кухне за перегородкой что-то отчётливо и тяжело загромыhalo. — За своим геморроем лучше последи.

Усатый, как ни странно, не обиделся.

— Мой геморрой хоть в глаза не бросается, а вот из твоего жира не одну свечку богу чревоугодия, если таковой имеется, скатать можно, — спокойно ответил он и отхлебнул из стакана. Сафьянов сверкнул на Кравца глазами и всем корпусом повернулся к Михалычу, отчего несчастный стул жутко крикнул под ним.

— Михалыч, я тебя на улице подожду, — сказал он и поднялся из-за стола. Из кухни вышла уже знакомая мне женщина и, заметив спешащего Сафьянова, развела руками:

— Василий Ильич, вы то что тут делаете?

— К приятелю... Дела... — пробормотал на ходу тот и спешно скрылся за дверью.

Михалыч вздохнул и сказал усатому — Кравцу:

— Валера, никогда не шути с дураками. Особенно старшими по званию. Они всё воспринимают очень

серьёзно. И шутя могут испортить тебе жизнь. Он всё-таки зам. по тылу.

Усатый покивал головой, и они больше не разговаривали.

5

Я сидел на скамеечке в курилке инфекционного отделения. Желудок мирно бурчал после сушек с чаем и не думал расстраиваться.

Тоска меня потихоньку отпустила, и я наслаждался полным отсутствием каких бы то ни было мыслей у себя в голове. Редко такое удавалось, и в эти моменты я чувствовал порой какую-то умиротворённость и покой в душе. Становилось удивительно легко, и окружающая действительность начинала восприниматься как-то по-другому, с неким ожиданием неизвестно чего, но мозги, желая немедленно разобраться с непонятым явлением, включались, и это ощущение улетало, словно испуганная птица.

Зебра по-собачьи лежала у самого валуна и будто бы дремала. Мне-то всегда казалось, что козы днём всегда на ногах и только тем и занимаются, что щиплют траву. Трава, хоть и скудная, вокруг росла, но Зебра и не думала ею заниматься. Выходило, что и у коз случались разгрузочные дни.

«Ка-а-арр», — громко и отчётливо сказала небо, и на дорожку посреди пустого двора спланировала ворона. Наверное, это снова была та ворона, что разбудила меня утром. Значит, где-то рядом было её гнездо или что там у них имеется для проживания. Ртутно мигая в мою сторону глазом, она стала неторопливо прогуливаться неподалёку.

Из-за барака инфекционного отделения показался дворник. На полпути к своему сарайчику он неожиданно развернулся, заставив ворону взмыть в небо, приблизился к козе, ухватил её за верёвочную петлю на шее и, нисколько не церемонясь, отволок, как мешок с картошкой, подальше от камня, насколько позволила привязь. Зебра вяло мекнула, неуклюже поднялась на ноги, вертя головой и словно бы не понимая, что произошло. А дворник уже шёл к своему домику, даже не поглядев в мою сторону.

Тут распахнулась калитка, и на дорожке появился Сафьянов. Увидев удаляющегося дворника, он окликнул его:

— Нолич!

Дворник обернулся. Сафьянов остановился и начал неловко стаскивать с себя бушлат, отчего стало ясно, что он прячет за пазухой небольшой свёрток. Освободившись, наконец, от бушлата и обливаясь потом, он швырнул его в сторону дворника и двинулся к крыльцу отделения, явно желая, чтобы свёрток не бросался в глаза. Дворник подошёл к валяющемуся на траве бушлату, невозмутимо поднял его и понёс к своему домику.

Мне недолго пришлось оставаться одному. Вскоре на крыльце появился Игнатий Савельевич с утренней медсестрой. Девушка прижимала к груди серую папку.

— Только не забудь формуляры, Катюша, — сказал

Игнатий Савельевич. Сестричка кивнула и потрусила по дорожке к калитке. Доктор направился ко мне.

— Как чай? — добродушно осведомился он, усаживаясь рядом.

— Спасибо, хорошо.

— И как к этому отнёсся ваш желудок?

— Кажется, он не обиделся.

— Вот и славно.

Воцарилось молчание. Неподальёку обалдело стояла коза, мотая головой, где-то на дереве возилась ворона. На небе во всю синь жарило солнце, и от зноя спасал энергичный свежий ветерок.

Я достал сигареты и протянул пачку доктору. Он отрицательно помотал головой:

— Благодарю, пытаюсь бросить.

Из сарайчика вышел дворник. В одной руке он нёс какой-то садовый инструмент — помесь маленьких грабель с ручной мотыгой, а в другой — полотняный мешок с каким-то содержимым. Он прошёл мимо, будто нас и не было, и скрылся за калиткой. Игнатий Савельевич нарушил молчание:

— Клумбу видели у столовой?

Я кивнул.

— Нолича работа. Он у нас и садовник, и дворник, и плотник. Словом, и швец, и жнец, и на дуде игрец.

Я стряхнул пепел и спросил:

— А почему Нолич? Что за странное имя?

Игнатий Савельевич взглянул на меня пристально, будто бы испытующе, помолчал и ответил:

— Это целая история.

— Я мастер истории слушать.

Доктор невесело усмехнулся:

— Но боюсь, что я не мастер их рассказывать. М-да... Ну, да ладно. Только, прошу вас, Андрей, не надо об этом писать. Обещаете?

Я кивнул.

— Здесь никто не помнит его имени. Доподлинно известно лишь, что по отчеству он Арнольдович. Появился он полтора года назад. У нас в госпитале есть свой маленький автопарк, и вот однажды ночью Семён, водитель нашего грузовичка, привёз человека и сказал, что сбил его по дороге. Сам бледный и твердит через слово: «Не видел я его». К счастью, задел он его не сильно, даже сломано ничего не оказалось, одни ушибы.

Обошлись без милиции — пожалели водителя. Незнакомый скоро оклемался, но добиться от него вразумительного ответа, кто он и откуда, нам не удалось. Зато оказалось, что был ночной пешеход не в себе. Освоился он, авария забылась, стали думать, что с ним делать. Участковый наш помог — хоть и из милиции, но человек свой, так что ненужного шума избежали. И оказалось, что человек этот из деревни неподалёку от райцентра — земляк ваш, стало быть. И был он когда-то в своём уме, и семья у него была: жена и двое детей. Вот я говорю, в своём уме он был, а вы сами посудите, Андрей, разве это так, если он пил по-чёрному да жену с ребятами изводил по пьяному делу? Так вот и задумаешься: а здравомыслие ли это? Ну, да ладно, оставим философию.

И вот как-то зимой случился в его доме пожар — по той же пьяни ли, по неосторожности — неизвестно. Из огня только он один и вышел живым. А вся семья там осталась. Тогда-то он рассудком и повредился. Из всех документов на пепелище нашли только его обуглившийся паспорт. От странички, где было написано имя, осталось лишь отчество, да и то не полностью. И знаете, Андрей, что уцелело от слова «Арнольдович»?

Игнатий Савельевич пронзительно на меня посмотрел и выдохнул:

— Только частичка «ноль». Всё, что от человека осталось.

Игнатий Савельевич замолчал, посмотрел куда-то вверх деревьев и сказал, не глядя на меня:

— Позвольте попросить у вас сигарету, Андрей.

Доктор прикурил, и я увидел, как дрожат его пальцы. Он порывисто выдохнул дым, потёр лоб и продолжил:

— Несколько месяцев он провёл в психиатрической больнице. Потом его состояние признали стабильным и выписали. И он исчез. В деревне своей так и не появился. А через два месяца попал к нам. При нём был только обгорелый клочок странички из паспорта. Так он остался у нас и стал Ноличем. Ока-

залось, золотые руки у мужика. Определили мы его как вольнонаёмного, как и весь наш гражданский персонал. Участковый всё наседавал на него: мол, сходи в милицию, получи новый паспорт, да только без толку. Не хочет, и всё.

Наш главврач за него как за первого работника держится, ну и отстоял у участкового. Оставь, мол, человек, он и так сам себя изрядно наказал.

Не пьёт он ни капли — даже пиво. Вечно чем-нибудь занят. Домик сам себе поставил, снаружи от сараев не отличишь — это чтобы комиссии всяческие военно-медицинские не особо интересовались, живёт-то он здесь, выходит, нелегально. А внутри у него там всё как положено, по-людски. Только скромно очень.

Ну и, как всякий сумасшедший, со своими странностями он. От камня этого всех отгоняет — не нравится он ему чем-то. Мы-то уже привыкли, а так, если кто из больных усядется на него верхом, Нолич никогда мимо не пройдёт, и как бы человек ни был упорным (официеры, в основном), всё равно с камня стащит — хоть даже и силой.

Я с пониманием кивнул головой. Игнатий Савельевич продолжал:

— Я уж говорил ему, мол, дался тебе этот валун, хочешь, подцепим его хоть трактором и уволочём отсюда — так он не соглашается. Говорит: нельзя, тут я его вижу. Чудак...

Игнатий Савельевич замолчал. В железный бак посреди курилки полетел прожжённый до самого фильтра окурок.

— Пойду я, Андрюша. Надо бы и делом заняться, — доктор поднялся и пошёл к крыльцу отделения.

6

О будущем очерке по-прежнему не хотелось даже думать. Я лежал в одежде поверх застеленной койки и думал о рассказе доктора. Вот тебе и кирпичик мироздания. Вот тебе и судьба человека...

Отлежав спину и не желая более мириться с отсутствием пейзажа за окном, загороженным ветками стоящей поблизости вишни, я поднялся и вышел в коридор. Дверь в отдельную палату Сафьянова была закрыта, и оттуда не доносилось ни звука.

Странно было представить себе, что когда-нибудь этот пустой коридор бывает наполнен неспешным шарканьем ног пациентов, и в палатах слышны нескончаемые разговоры солдат-срочников, непременно помнивших железное армейское правило, гласящее, что чем бы солдат ни занимался, служба всё равно идёт.

Я двинулся к выходу, и тут дверь в кабинет Игнатия Савельевича открылась, и на пороге возник он сам. Увидев меня, он произнёс:

— Андрей, не затруднит ли вас посмотреть снаружи Нолича? Он мне нужен.

— Конечно, Игнатий Савельевич.

— Спасибо, Андрюша. Да, и попросите его захватить молоток и пару обойных гвоздиков.

Я сошёл с крыльца и направился по узкой дорожке к домику Нолича. «Действительно, сарай сара-

ем», — подумал я, останавливаясь у двери. Даже окошко с этой стороны было маленькое, к тому же завешенное изнутри белой тряпичей. Я потоптался у двери, прислушиваясь. В домике было тихо. Меня охватила робость. Я чувствовал себя так, как если бы в школе меня вызвали к директору (когда ещё нас не свёл ближе мой рассказ) и топтался бы у двери его кабинета, не решаясь войти. Я вздохнул и медленно протянул руку, чтобы толкнуть дверь. И тут только я понял, что кто-то смотрит на меня. Я повернул голову и увидел стоящего у угла сарайчика Нолича. Он был без рубашки и держал в руке рубанок.

— У открытой двери стоишь, да неходишь, — сказал он, глядя отчего-то не на меня, а куда-то в сторону.

— Игнатий Савельевич просил вас зайти. С молотком и парой обойных гвоздиков, — сказал я и отступил от двери назад. Нолич молча повернулся и скрылся за углом дома. Спустя несколько секунд он появился вновь — на этот раз в руке он держал молоток — и направился к крыльцу отделения.

Оставшись один, я решил обойти домик Нолича вокруг, чтобы посмотреть, где он был. С противоположной входу стороны у домика имелся небольшой навес, под которым уютно расположился верстак, а на самой стене сарайчика были аккуратно развешены несколько, вероятно, наиболее часто используемых инструментов — пила, топор и другие мелочи. На верстаке лежала реечка, а рядом — оставленный Ноличем рубанок. Вокруг стояли яблоневые и вишнёвые деревья, набрасывая вокруг лёгкую сеть тени и рождая ощущение уюта и спокойствия. У стены домика, обращённой в противоположную от корпуса инфекционного отделения сторону, к ограде из шиповника, стояла скамеечка. Сама же стена имела целых два уже нормальных, а не ложных, как на фасаде, окна. Я хотел было посмотреть сквозь одно из них внутрь, но тут появился Нолич. Словно бы не замечая меня, он укрепил молоток в зажиме на стене и стал возиться у верстака, примериваясь к реечке. Я почувствовал неловкость, но уходить мне всё равно не хотелось. Нолич приладил реечку на верстак и, повернувшись ко мне спиной, принялся ловко остругивать её рубанком. На его худой спине двигались лопатки, заставляя жутко вздрагивать длинный уродливый шрам, тянувшийся от правого плеча до самой поясницы, который я заметил только сейчас. Я растерянно смотрел на этот шрам и не знал, что делать дальше.

— Нолич, — неожиданно для самого себя позвал я. Он словно не слышал и продолжал работать. Нужно было выходить из неловкого положения и задать хоть какой-нибудь вопрос. В голове царил кавардак, моё молчание затягивалось, и я, шагнув к нему поближе, сказал первое, что высветилось в моём мозгу:

— Нолич! А почему вы не получите новый паспорт?

Ругая себя за идиотский вопрос, я смотрел в спину Нолича, не ожидая, впрочем, что он ответит. Но он перестал остругивать рейку, положил на верстак рубанок и повернулся ко мне.

— Карманы видишь? — спросил он и похлопал себя ладонями по груди, давая понять, где следует искать карманы. Я смотрел в его серьёзные глаза и ждал, что он улыбнётся и сразу станет ясно, что это шутка, но его худое лицо было непроницаемо. Он медленно повернулся вокруг, давая мне возможность вновь увидеть его спину, и, оказавшись опять ко мне лицом, повторил:

— Видишь карманы?

— Нет, — ответил я.

— Паспорт не нужен, — заключил Нолич без тени улыбки, развернулся к своему верстаку и взял в руки рубанок. Я понял, что вытянуть из него что-нибудь очень непросто, и тихо побрёл прочь, чувствуя себя ребёнком, которого «отшил» занятый делом взрослый. По сути, так оно и было.

У крыльца я столкнулся с загремевшей двумя пустыми вёдрами Ульяной, которая скатилась по ступням, ойкнула, огибая меня, и заспешила к калитке. «Хороша примета», — равнодушно подумал я, но подняться на крыльцо не успел — на этот раз на улицу вышел Игнатий Савельевич, явно намереваясь уходить.

— Как самочувствие? — спросил он, спускаясь по ступеням.

— Всё в порядке, Игнатий Савельевич.

— Вот и хорошо. А я по делам. Да, у нас тут небольшая неприятность — воду отключили. Так что, если захотите руки помыть, умытья, обращайтесь к Ульяне Петровне.

В комнатке у самого входа, на своём месте у столика, сидела сестричка, склонив голову в белой шапочке над книгой в самодельной газетной обложке. Легкомысленный русский хвостик, в который были собраны волосы позади шапочки, дрогнул — сестричка на секунду оторвалась от книги, взглянула на меня и вновь погрузилась в чтение.

— Что читаете? — спросил я её, останавливаясь в дверном проёме. Девушка закрыла книгу, заложив её пальчиком, и молча показала мне титульный лист. Я ожидал увидеть какое-нибудь устрашающее название, что-то вроде «Эти удивительные вирусы» или «Занимательная бактериология», но вместо этого прочитал: «Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине». Сестричка снова раскрыла книгу, давая понять, что разговора не получится. Я направился в свою палату, размышляя, чем же всё-таки заняться.

Пустота коридора неожиданно нарушилась самым решительным образом — из двери своей отдельной палаты, словно раскалённая лава из жерла вулкана, выплеснулся майор Сафьянов в развевающемся красном халате, наброшенном в крайней спешке прямо на голый торс, и понёсся прямо на меня. Под его бледным, мучительно сосредоточенным лицом вздрагивал в такт торопливым шагам целый набор подбородков. Озадаченный, я на всякий случай придвинулся ближе к стене. Сафьянов, не глядя на меня, добежал до середины коридора и, неуклюже повернув, ворвался в одну из дверей, с шумом захлопнув её за собой. На двери висела скромная табличка с надписью: «Туалет». «Ветчинка», — догадался я.

Лишь только войдя в палату, я понял, что делать мне здесь абсолютно нечего: тут же откуда-то из глубин моего сознания стала наползать тоскливая безысходность, навеванная лёгким запахом хлорки и унылым белым потолком, на котором будто бы отпечатались мои недавние воспоминания. Я глубоко вздохнул, прогоняя противное ощущение какого-то удушья, настигавшее меня всегда в минуты подобно-душевного кризиса. Оставаться одному означало продолжение борьбы с этим особенным духовным удушьем, и я пожалел, что Игнатий Савельевич ушёл — мне очень захотелось с ним пообщаться. Я снова вышел в коридор.

Недалеко у входа, у какой-то очередной двери, стояло полное воды ведро — одно из тех, что несли мне навстречу Ульяна. Было тихо, как вдруг из недр туалета донёсся глухой сиплый рёв Сафьянова:

— Вода! Где вода, вашу мать?! Ульяна! Нолич!

Коридор вновь заполнила тишина. И среди этого временного затишья из двери, возле которой стояло ведро, осторожно высунулась пухлая рука, без сомнений, принадлежавшая Ульяне, ухватила это самое ведро за дужку и аккуратно втянула внутрь помещения. Разыгрывался очередной спектакль.

— Нолич! — снова взорвалась тишина. Из двери, за которой исчезло ведро с водой, выплыла Ульяна и бодро отозвалась:

— Сейчас позову, Василий Ильич!
И заспешила к выходу, послушно принимая пока-
той спиной позывные из туалета:
— Пусть воды принесёт, чтоб вас... Козлы...
В коридор выглянула сестра и спросила:
— Что случилось?
— Вирусы, — отозвался я, решив непременно дож-
даться окончания представления.
— Какие вирусы? — сестра вышла в коридор и
установилась на меня. Я прижал палец к губам и шёпо-
том произнёс:

— Они просятся на свободу.
Из-за двери туалета, иллюстрируя мои слова, до-
неслось:
— Эй! Долго ещё ждать? Нолич!
Девушка зарделась и прыснула в кулачок. Я сно-
ва приложил палец к губам и, подойдя ближе, увлёк
сестру в её комнату. Там я заговорщицки на неё
взглянул и сказал:

— Сейчас Нолич принесёт воды, и они вырвутся
на свободу.
— Боюсь, что они уже вырвались, — засмеялась,
краснея ещё больше, сестра.
Сафьянов гулко и бездарно выматерился и сно-
ва затих. Я кивнул головой в сторону пленника и
спросил:

— Частый гость?
Девушка кивнула:
— Иногда месяца не проходит, как он опять тут
квартирует.
Я понимающе кивнул. Повисло молчание, и сест-
ра, смущаясь, принялась возиться с журналами, стоп-
кой лежащими на столе. Я вышел из комнаты.

— Ну, уроды, доберусь я... — угрожающе пронес-
лось по пустому коридору, и тут появился Нолич в
старой офицерской рубашке, неся ведро с водой. За
ним в отделение ворвалась Ульяна, и по лицу её было
видно, что она довольна тем, что так ловко сохранила
свои вёдра полными.

Торопясь, Нолич плеснул пару раз из вёдер на
дощатый пол.
— Тише ты! Ишь, плещет, — немедленно отозвалась
Ульяна. — Мне ж подтирать тут за вами.

Не опуская ведро на пол, Нолич постучал в дверь
туалета. Она с готовностью приоткрылась, оттуда вы-
сунулась нетерпеливая рука майора, ухватила ведро,
и дверь снова захлопнулась, заглушив злобную ти-
раду пленника.

Нолич повернулся, чтобы уйти, но его остановила
Ульяна:

— Ты погоди, вдруг ещё запросит.
Из туалета доносилось звяканье ведра, плеск воды
и ругань Сафьянова. Через некоторое время лягнул
засов, и дверь отлетела в сторону.

Сафьянов был в бешенстве. Красный халат, на-
бухший спереди от водяных брызг, был ему теперь
очень к лицу — багровому от гнева. Он понял, что стал
центром внимания, заметил, как из своей комнаты
выглянула румяная сестра, и готов был провалиться
от стыда. Остановив заплавленные глаза на Ноличе, он

швырнул ему пустое ведро и заорал, хватая ртом воз-
дух в жалких потугах сдерживать непечатные слова:

— Ты... Твою... Нарочно, да?
И, шагнув ближе, залепил стоявшему в обнимку с
пустым ведром дворнику неловкую глухую пощёчи-
ну. Ульяна ахнула, а Нолич отшатнулся, инстинктивно
выставив перед собой ведро. Все замерли, даже Са-
фьянов будто перестал дышать. Нолич медленно вып-
рямился, опустил ведро и вдруг неожиданно, совер-
шенно не к месту... улыбнулся — не издевательски, а
как-то по-детски и словно бы виновато. Сафьянов
удивлённо выдохнул, я увидел, как он сжал кулаки и
в следующее мгновение рванулся к Ноличу. Представ-
ление приобретало скверный оборот.

Нолич шагнул назад, всё ещё улыбаясь, я выныр-
нул из-за него и схватился за отвороты красного ха-
лата. Где-то хрустнул шов, Сафьянова развернуло в
мою сторону, и он, споткнувшись о мои ноги, кулём
повалился на пол, увлекая меня за собой. Я почув-
ствовал, как исчезла его ярость. Неожиданность про-
изошедшего обескуражила его, он забарахтался, си-
лая подняться. Я встал, освобождая полы его халата,
и он выпрямился тоже, держа за стену.

Все стояли, как статуи, и смотрели на нас. Сафья-
нов отдышался, оглядел зрителей, и в его глазах опять
мелькнула злость. Он смерил меня презрительным
взглядом и прошипел:

— Ну ты, писака... Со своим монастырём... суйсья.
Тут всё по уставу. Катись в свой журнал.

— Остерегайтесь кушать ветчину, майор. У вас от
неё падучая, — ответил я, потирая ушибленный ло-
коть. Сафьянов едко на меня посмотрел, небрежно
запахнул халат и выдохнул:

— Не твоё дело. Проблем захотел? Будут.

И стал чинно поворачиваться, чтобы удалиться —
именно «удалиться», как это делают особы высокопо-
ставленные и знатные, — как вдруг охнул, согнулся,
будто ему ударили поддых, и кинулся обратно в ту-
алет. Пискнула, давась от смеха, сестра и мигом скры-
лась в своей комнатке, Ульяна зажала рот обеими
руками, колыхаясь от хохота. Я рассмеялся, не сдер-
живаясь, а Нолич и на этот раз отреагировал не как
все: даже не улыбнувшись, он перехватил ведро дру-
гой рукой и зашагал к выходу.

— Сразу два, што ль, принеси, — бросила ему вдо-
гонку Ульяна. Я повернулся к ней и сказал:

— Умыться бы, Ульяна Петровна.

— Вот сейчас Нолич воды принесёт...

Я перебил:

— Да нет. Чего ждать-то? Мне б из ваших вёдер, —
и, сделав наивное лицо, пристально посмотрел ей в
глаза. Она поняла, поджала губы и побрела в свою
подсобку.

7

Я чувствовал себя вполне сносно, но на обед всё
равно не пошёл — глотать пустой чай, пусть даже и с
сушками, не хотелось, а есть что-нибудь посерьёзней
я не решился: «Ну его, обойдусь пока».

Сафьянов пламенеющим пятном метался между
своей палатой и туалетом, и Ноличу грозило бы бес-

конечно работать водоносом, если бы скоро воду не включили опять. Майора посетил вернувшийся Игнатий Савельевич, и после к нему пару раз заходила медсестра, от которой он однажды улизнул всё в то же известное место. Ульяне было уже не до недавнего смеха — посещать туалет для уборки пришлось чаще, и она негромко ворчала что-то себе под нос, передвигаясь по коридору с необходимым инвентарём. Зebra регулярно оказывалась у забора, куда её постоянно оттаскивал, не давая лежать у камня, неутомимый Нолич.

Я перечитал десяток старых местных газет и одну свежую, искурил полпачки сигарет и, бросив в очередной раз окурочек в бак посреди курилки, решительно направился к крыльцу, понимая, что иначе снова буду подвержен приступу смертной тоски.

Дверь в кабинет Игнатия Савельевича была распахнута, и я увидел его, сидящего за столом с газетой в руках. Он заметил меня и сказал:

— А, Андрюша. Заходите, если есть желание.

Именно это желание у меня и было, и я зашёл.

В кабинете было уютно, несмотря на присутствие типичных атрибутов медицинского учреждения — железного белого шкафа, заставленного изнутри всевозможными склянками и инструментарием, и такого же цвета лежака, застеленного жёлтой клеёнкой, один вид которой вызывал неудобство и озноб. Но всё это как-то быстро растворялось в пространстве, потому что истинным центром кабинета, создававшим уют, был стоявший боком к окну обширный стол Игнатия Савельевича.

Это был настоящий письменный стол тёмно-коричневого цвета, сработанный, как видно, давно и на совесть. Покрыт он был, правда, по-современному — большим стеклом, под которым лежал календарь и какие-то исписанные листочки. На столе стояла старомодная, под стать ему, лампа под зелёным абажуром (при свете точно такой же, наверное, когда-то корпел над своей «Правдой» в Кремле Ильич). Рядом с лампой стоял настоящий маленький чугунок с отбитым краешком — я и не подозревал, что они бываю такие маленькие, — из которого, ошетинаясь, выглядывала россыпь разнокалиберных ручек и карандашей. Чуть поодаль стояла рамка с фотографией, на которой была изображена красивая женщина. Ещё на столе помещался самый обыкновенный теле-

фон. С самого края, завершая композицию, лежала папка, набитая какими-то бумагами.

— Стол у вас... — восхищённо произнёс я, оглядывая мощные резные ножки.

— Что стол? — спросил Игнатий Савельевич, складывая газету.

— Не по уставу, — улыбнулся я.

Сбоку у стола стоял стул, на который и указал мне Игнатий Савельевич и ответил, понизив голос:

— По уставу жить, Андрюша, скучно и неинтересно, — и подмигнул. Он напомнил нашего Самсоныча и всё больше нравился мне. Вяло от него каким-то уютно, спокойствием и одновременно озорством, добродушным ребячеством.

Я сел на указанный стул, а Игнатий Савельевич постучал костяшкой согнутого указательного пальца по крытой стеклом столешнице и сказал:

— Этот стол я на нашей городской свалке приметил. Не то чтобы я был любителем подобных мест, просто случилось мимо проезжать, да ещё на служебной, госпитальной машине. Попробовал водителя — того самого, кстати, что Нолича сбил — остановить, вышел и давай любоваться. Походил вокруг, поохал, что, мол, такие вещи люди стали выбрасывать, и дальше засобирались. А Семен — водитель — и говорит: чего робеете, Игнатий Савельич, раз понравилось, давайте возьмём с собой. Погру-

зили его кое-как — тяжёлый он, просто ужас — да и отвезли сюда, в госпиталь. Так он здесь и прижился. И чугунок этот с той же свалки, рядом валялся.

И доктор постучал по оригинальной подставке для карандашей ногтем.

— Кстати, как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Гораздо лучше вашего майора.

— Катюша сказала, что у вас с ним произошла стычка. Надеюсь, всё в порядке?

Я кивнул и сказал:

— Пусть зло на людях не срывает и руки не распускает.

— Согласен с вами, Андрей. Вас не затруднит закрыть дверь?

Я поднялся и с пониманием выполнил просьбу Игнатия Савельевича.

— Василий Ильич трудный человек, — вздохнул доктор, пока я усаживался на стул. — Он здесь регулярно появляется, неумерен и неразборчив в еде, к сожалению. Ну, да не будем об этом.

Игнатий Савельевич откинулся на спинку стула и дружелюбно спросил:

— А как ваша статья? Идёт в гору?

— Вряд ли. Даже не начинал.

— Что так? А то начинайте хоть с нашего госпиталя.

Я пожал плечами. Игнатий Савельевич улыбнулся и спросил:

— Неинтересны здешние люди?

— Ну, отчего же. Взять хотя бы вас.

Доктор замахал руками:

— Ну-ну-ну, не надо. Я, собственно, и не себя имел в виду.

— Вообще я тут размышлял о том, что тот же Достоевский наверняка смог бы найти в любом человеке что-то интересное, достойное того, чтобы поделиться этим с людьми. Даже если с виду человек сер и неинтересен. Но для этого, во-первых, нужно быть Достоевским, а во-вторых, у меня иная задача.

— А какая у вас задача? Вы позволите поинтересоваться?

— Это не секрет. Я должен написать очерк о жизни и, так сказать, мирных буднях маленького военного гарнизона.

— Значит, и о людях тоже?

Я кивнул:

— Только материал явно проходной. Лишь для того, чтобы заполнить пустующие полосы в журнале.

— Это вы так считаете или такова точка зрения вашего руководства?

— И моего руководства, и моя.

— Но во имя чего? Зачем писать то, что всё равно никому не будет интересно?

Я пожал плечами, а Игнатий Савельевич продолжал:

— Неужели вы не согласны с тем, что, если уж чем-то заниматься в жизни, то нужно делать это хорошо?

— Согласен, конечно.

— Так в чём же дело? Создайте из рядового, проходного материала шедевр. Или вы думаете, что это невозможно? Что для этого надо быть Достоевским?

Я смутился, чувствуя, что доктор прав. Игнатий Савельевич сделал паузу, пристально взгляделся в моё лицо и спросил:

— Андрей, вам нравится ваша работа?

Я замаялся, но потом всё-таки ответил честно:

— Скорее, нет, Игнатий Савельевич.

— Почему же вы решили стать журналистом?

Я рассказал ему о своём отце, о его рассказах и рассказах его друзей, и о своём сочинении, умолчав только о том, что потом перенёс эти рассказы на бумагу. Игнатий Савельевич внимательно слушал меня, вертя в пальцах карандаш.

— Мне нравится писать, излагать свои мысли, — закончил я своё повествование банальной неуклюжей фразой и, похоже, покраснел. Доктор аккуратно вставил карандаш в чугонок и тихо сказал:

— Простите, Андрей, но мне кажется, что пока вы излагали не свои, а, скорее, чужие мысли. Простите, я совсем не хочу вас обидеть.

Я подумал, что если в этом госпитале и есть человек, на которого я не смог бы обидеться, то это непременно Игнатий Савельевич, такое я чувствовал к нему расположение, поэтому поспешил заверить:

— Ну что вы, я не обиделся. Честное слово. Пожалуй, вы правы...

— Неужели у вас нет своих размышлений?

— Есть, Игнатий Савельевич. Просто, наверное, до сих пор я не нашёл формы, чтобы их выразить. А чужие мысли... Даже то, что я писал для себя, по сути, пересказ.

И я открылся Игнатию Савельевичу, поведав о своих «Таёжных рассказах». Дослушав, доктор воскликнул:

— Вы видите! Может быть, это лишь начало своих мыслей?

— Я не знаю... Мне не кажется, что они могут быть кому-то интересны.

— Но позвольте, Андрей! Тогда то, что вы пишете для своего журнала, будучи не уверенным в себе, тоже не может быть интересным! Мне кажется, вам стоит об этом подумать.

Игнатий Савельевич подался вперёд, положив локти на стол, и заглянул мне в глаза:

— Вы сами сказали, что вам нравится писать. Ведь так?

Я горячо кивнул.

— Так пишите! Не для себя, для людей пишите! Передайте им свой интерес к тому, о чём вы пишете. Или боитесь не потянуть?

Я неопределённо пожал плечами.

— Глупости! — Игнатий Савельевич резко отпрянул к спинке своего стула. — Нельзя бояться! Тот, кто боится, а вернее, не может победить свои страхи, никогда не сможет найти свой путь. Оглянитесь вокруг, Андрей. Вглядитесь в людей, которые вас окружают, посмотрите на себя. Мы представляем из себя то, что заслуживаем в настоящий момент. Мы не умеем прислушиваться к самим себе, к тому, чего мы хотим по-настоящему. Я не имею в виду материальные блага, нет. Я о том, чем бы нам хотелось заниматься, что нам интересно, что по душе. Вслушайтесь — по душе! Ведь не зря так говорят. Но услышать свою душу ещё надо суметь. Большинству из нас доступен лишь голос тела, и в этом цивилизация преуспела. Машины, квартиры — те, что «со всеми удобствами», — ковры, что помягче, кресла, что поудобней, стол вот этот, чтоб тешить самолюбие! (Игнатий Савельевич ударил ладонями по столешнице так, что в недрах телефона слабо тренькнул звонок.) Душу мы слушать не умеем, свою душу. О чужой только печёмся, вон, понятие выдумали: «инженер человеческих душ». Свою ещё не достроили, а уже за чужую принимаемся, берёмся ей помочь. А как же мы хотим помочь душам других, когда своей душе помочь не умеем, ибо не слышим её?! Мы считаем себя свободными людьми, но часто ходим на работу, которую ненавидим, и отдыхаем от неё в конце недели и во время отпуска, считая себя именно тогда счастливыми! Но в таком случае наша работа есть не что иное, как рабство, Андрей! Работать не потому, что именно эта работа нам нравится, а для того, чтобы прокормиться, купить какие-то вещи. А работать нужно так, чтобы выходные были мукой. И вот тогда получится, что мы слышим свою душу и понимаем её, и

тогда мы — настоящие, свободные люди. Потому что такая работа, работа для души, помогает нам расти. Растить над собой. Душой расти! Прежде чем думать о счастье других, нужно позаботиться о себе — как бы эгоистично, на первый взгляд, это ни звучало.

— «Враче, исцели себя сам?» — вставил я.

— В точку, Андрей. Вот и вы топчетесь на одном месте, а вам необходимо двигаться на зов вашей души. И тогда проходной очерк станет шедевром.

— Вы идеалист, Игнатий Савельевич.

— Может быть. Даже наверняка. Я уверен, что все мы должны стремиться к совершенству, самосовершенствованию. И тогда будем теми, кем нам предназначено быть судьбой.

Я поколебался, но всё-таки спросил:

— А вы сами нашли себя? Вы счастливы?

Игнатий Савельевич невесело усмехнулся:

— Счастье... Это понятие слишком зыбко и неуловимо, на мой взгляд. У человека может быть всё из мыслимых благ на этой земле, он может быть здоров как бык, но оставаться глубоко несчастным. И напротив, можно быть задавленным проблемами, недугами, ещё Бог знает чем, а придёшь домой, в свой заветный уголок, откроешь, скажем, хорошую, умную книгу — и почувствуешь себя счастливым. Пусть на полчаса, на минуту, даже на мгновение, но — почувствуешь. И сразу — будто легче на душе, и силы появляются, чтобы идти дальше. Такими мгновениями мы, наверное, и живы. А нашёл ли я себя...

Игнатий Савельевич задумался.

— И да, и нет. Я стал врачом, потому что страстно этого хотел. Военным врачом — это уже был некий компромисс. Но большую радость мне доставляет не медицина, не научная сторона этого, а ощущение того, что я полезен людям, возможность живого общения с ними. Человек, попавший сюда, страдает не только физически. Когда мне удаётся его утешить, развеять его страхи, я чувствую себя счастливым. У меня не всё гладко в жизни (едва заметно он скользнул взглядом по фотографии на столе), так ведь совсем хорошо и не бывает. Если всё гладко, значит, что-то не так. Такой вот парадокс...

— И вы представляете из себя то, что заслуживаете?

— Именно так. Но всё проходит, Андрей. Остаётся лишь то, что внутри нас. Судьба — это не бич, а карта местности с указанием цели путешествия. И каким путём мы туда доберёмся и доберёмся ли вообще, зависит только от нас.

— А есть ли такая карта у Сафьянова?

— Конечно, есть. Только он никуда не хочет идти. Потому что следовать зову своей души не значит жить легко. Ведь закалённая сталь проходит множество испытаний, прежде чем станет закалённой. Человеческая душа растёт не «благодаря», а «вопреки». В этом вся штука, Андрей.

Игнатий Савельевич вздохнул и посмотрел в окно.

— А Сафьянов... Его устраивает то, как он живёт. Это мы с вами знаем, что он не живёт, а существует.

Впрочем, не нам об этом судить... Но вместо того, чтобы идти своей дорогой, он поставил у перекрёстка не то кабак, не то таможеню со шлагбаумом, не то ломбард и умудряется со всякого прохожего что-то поиметь. Иные душу слушают, а он — тело. Вон как его удвоил, тело-то.

— И вы думаете, что и у него душа говорит о чём-то?

— Наверняка, Андрей. Только голос её слаб, жиром задушен. Ведь в детстве, юношестве он, скорее всего, не был таким. Мечтал о чём-то — не о еде, не о мягком кресле, а о чём-то действительно прекрасном. А потом перестал мечтать и стал думать.

— А разве это плохо — думать?

— Мозгами нужно уметь пользоваться. Можно придумать атомную бомбу, а можно — атомную электростанцию. Или написать «Войну и мир».

— Ну, здесь я не согласен. «Войну и мир» нельзя придумать. Это не от ума, а ... от сердца.

— Вот видите, Андрей! Именно! Выходит, иногда полезно отключать мозги, а?

Игнатий Савельевич улыбнулся, но глаза его остались печальными.

— А как же тогда Нолич? — спросил я, и улыбка растянулась на лице врача. Он снова вздохнул, выбрал из чугунка великолепно оточенный карандаш и принялся вертеть его в пальцах.

— Нолич... Иногда мне не верится, что он бывший пропойца, опустившийся человек. Несмотря на его странности и причуды, мне он гораздо симпатичнее многих из тех, кого я знаю. И живёт он, Андрей, будто не умом, а сердцем. Зная про его болезнь, я не скажу, что он глуп — скорее, наоборот. Его чудачества и некоторая неадекватность ничто по сравнению с некоторыми поступками вполне трезвомыслящих людей, так сказать, из общества. Хоть я и далёк от психиатрии, глядя на него, смею утверждать — сумасшествие не есть безумие. Порой мне искренне жаль, что с ним нельзя поговорить — он словно заперт изнутри. Сами слышали: говорит он мало и только по существу, а часто понять его и вовсе бывает непросто. А иногда я прислушиваюсь к его словам, и имеет в виду совсем другое, будто что-то неизмеримо более важное.

Игнатий Савельевич замолчал, поднялся и подошёл к окну, из которого был виден сарайчик Нолича. Было слышно, как на улице каркнула ворона, потом донёсся голос Ульяны:

— Да оставишь ты её в покое, бес полоумный?!

Игнатий Савельевич вернулся к столу, достал из кармана брюк ключи, отпер один из ящичков и достал из него плоскую жестяную коробочку, которую протянул мне. Я взял её и вопросительно посмотрел на него.

— Откройте, — сказал доктор.

В коробочке я нашёл клочок бумаги со следами огня по краям. Это была часть паспортного листочка. Сверху были видны всего две уцелевшие буквы: то ли «си», то ли «сш». Строкой ниже стояла уцелевшая часть отчества: «ноль». Ещё ниже можно было

разобрать только загадочное «юге». Больше на листочке ничего не было.

Я вернул коробочку Игнатию Савельевичу. Он молча убрал её на прежнее место, посмотрел на часы и повернулся ко мне:

— Однако пора домой.

Я поднялся. Доктор снял халат, аккуратно поместил на вешалку и повесил в маленький фанерный шкафчик, неприметно стоявший в углу у двери. Мы вышли в коридор. Запирая кабинет на ключ, Игнатий Савельевич сказал:

— До завтра, Андрей. Готовьтесь к выписке.

Мы пожали друг другу руки, и он пошёл по коридору к выходу.

...Я всё-таки сходил в столовую и повторил чаепитие. На этот раз та же невысокая улыбающаяся женщина угостила меня печеньем. С удовольствием опорожнив, как и утром, два стакана чая, я вышел на улицу, но решил не возвращаться в отделение сразу, а побродить немного по дорожкам маленького парка, который отделял главный корпус из красного кирпича от госпитального КПП — небольшого домика у больших железных ворот. У домика на лавочке сидел благообразный старичок и разгадывал кроссворд в газете.

Я бродил по дорожкам парка, старательно избегая немногочисленных больных, проделывающих то же самое, и курил, отгоняя мрачные мысли. Но мозг снова и снова перемалывал одни и те же думы о предстоящих поминках Лёшки, о том, что не пойти на них не удастся, о бедной Дине, оставшейся одной с пятилетней Светкой, о Лёшиной маме, тяжело болевшей и вряд ли выкарабкающейся теперь. Я вспомнил о своих рассказах, которые дал прочитать Лёше и понял, что теперь уже никогда не узнаю о том, что бы он сказал о них мне. Я с ужасом подумал о необходимости писать проклятый очерк и снова пожалел, что не могу напиться.

Игнатий Савельевич был во многом прав. И в моей жизни надо что-то менять. Но что? И как? Я чувствовал, что решение где-то рядом, но ухватить его не мог.

Несмотря на то болото, в котором я увяз, всё ещё хотелось заняться чем-то стоящим, жгуче необходимым, подойти, наконец, к своей заветной «нетленке», которая неясно маячила где-то в далёком будущем. Ещё я чувствовал, что не готов к этому, что мне ещё нужно пройти через что-то, чтобы приблизиться к этим мыслям вплотную.

Я отправил в урну очередной окурочек, сплюнул горькую слюну и направился к инфекционному отделению. Дойдя до калитки, я протянул руку, чтобы её открыть, и вдруг вспомнил слова Нолича, которые он сказал мне у двери своего домика: «У открытой двери стоишь, да не входишь». Что-то неувлимо важное я услышал вдруг в этой простой фразе, застыв у калитки с протянутой рукой.

— Идёте, что ли? — раздалось сзади, выводя меня из ступора. На меня выжидательно смотрела Ульяна, возвращающаяся откуда-то.

— Да, да... Конечно.

Вечер обещал быть долгим и невыносимо тоскливым. Я слонялся по территории, надеясь столкнуться с Ноlichem и попытаться его разговорить, но он пропал где-то у главного здания, появляясь редко, бесконечно чем-то занятый.

Сафьянову, кажется, полегчало, он перестал носиться по коридору как угорелый и передвигался теперь по нему вальяжной походкой, как человек, которому некуда торопиться. Молоденькую медсестру, вечно читающую книжку, сменила женщина-вамп с пронзительным макияжем и волнующими формами. С грустью я отметил, что мне совершенно не хочется познакомиться с ней, чтобы скоротать предстоящую ночь, чем, без сомнения, я не преминул бы заняться в другое время.

В девятом часу я отправился в свою палату и завалился спать, строго-настрого запретив себе думать перед сном о чём бы то ни было.

Окончание следует.

Исетский леопардит

И в наше время Урал открывает людям новые минералы и породы. Примером может служить находка на берегу Исетского озера.

Летом 1973 года юные геологи из школы № 31 г. Среднеуральска со своими наставниками А.Г.Пешковым и геологом Л.И.Десятниченко нашли на западном побережье озера новую разновидность гранита, названную ими леопардовой шкурой, или леопардитом. Это был жильный крупнозернистый гранит с очками роговой обманки темно-зеленого цвета, напоминающей шкуру леопарда, только другой окраски. После полировки камень очень красив и может украсить любую коллекцию. Геологи Мурзинской партии проверили заявку юных изыскателей и дали заключение: камень представляет научный интерес, но запасы его малы. Кроме того, в связи с пуском на СУГРЭСе новых турбин уровень воды в Исетском озере поднялся и копь с леопардитом оказалась под водой.

Однако недавно удалось найти еще одно место, где есть леопардит — в окрестности того же Исетского озера, в бассейне реки Черной. Там находятся остатки медных шахт, заложенных еще в начале XIX столетия.

В местах, где первобытные люди в эпоху бронзового века добывали медные руды, на отвалах этих шахт встречаются два вида леопардита: серый, как и на Исетском озере, и зеленоватый, так как полевым шпат этих леопардитов окрашен солями меди в зеленый цвет и по составу, вероятно, близок к амазонитам.

В Верхнепышминском историческом музее и краеведческом музее школы № 7 пос. Исеть можно увидеть хорошие образцы исетского леопардита.

Василий ПОПОВ

Монета-клад

В мае 1804 года диктатор Наполеон Бонапарт был провозглашен императором Франции под именем Наполеона I. В честь этого замечательного для Бонапарта события монетный двор выпустил новую серию монет, включавшую, наряду с другими, и монеты достоинством в пять франков. Пятифранковики были большого размера и имели изрядный вес. Поэтому они не пришлись по вкусу населению. Естественно, что в подвалах банков казначейства скопилось множество пятифранковых монет, не находивших применения.

И тогда новоиспеченный император Наполеон придумал оригинальное разрешение создавшейся ситуации — приказал вложить (вчеканить) в одну из пятифранковых монет лично им подписанный чек на сумму в пять миллионов франков, дающий право на получение этой почти фантастической суммы из государственной казны.

Как только это стало известно, во всей Франции началась погоня за «счастливой монетой». Как по мановению волшебной палочки весь выпуск пятифранковиков оказался в гуще торговых сделок страны — в обращении. Начались азартнейшие поиски монеты-сокровища. В истории человечества не было более оригинально разыгранной лотереи.

Но до сих пор чек, лично подписанный Наполеоном, на сумму в пять миллионов франков не был предъявлен французскому банку. И поэтому возникает вопрос: существует ли вообще такая монета?

Некоторые отвечают на него так: «Наполеону следует верить».

Известно и другое. В 1912 году представитель французского правительства в ответ на запрос по этому поводу сообщил, что в государственном архиве Франции имеются документы, свидетельствующие факт выпуска монеты с личным чеком Наполеона внутри. Кроме того, он подтвердил, что предъявитель этого чека может в любой момент получить указанную Наполеоном сумму, но без наросших к этому времени (1912 г) процентов, которые составили тридцать один миллион франков.

В 2004 году исполнится 200 лет со времени выпуска загадочной монеты. В наше время лишь старые нумизматы знают о ней и продолжают поиски во всех странах мира. Ведь монета-клад могла быть завезена солдатами колониальных войск в Азию или вглубь Африки, могла оказаться в затонувшем корабле, а может, в 1812 году ее завез французский солдат и в нашу страну!

Пока тайна монеты-клада так и не раскрыта. Может, читателю этой статьи повезет?

ТУРИСТСКИЕ БАЙКИ

* * *

Смешной случай на одном из слётов. Группа участников в последние минуты перед отъездом заметила, что забыли взять личную посуду.

Забегали в хозяйственный магазин на привокзальной площади. Того, что нужно, не оказалось, и они купили детские разноцветные горшочки. Надо было видеть, как они подходили к раздаче и почти каждый говорил: «Мне чуть-чуть... неполный». А так как группы были большие (примерно по 16 участников), то все на поляне успевали посмотреть и посмеяться.

* * *

Случай на семинаре (не знаю, к смешному или грустному его отнести). Участница пишет письмо: «Дорогая мама! Я думала, что поеду на Кавказ, а привезли в ущелье Гоночхир. На ужин была овсянка и кисель, которых я не ем и не пью. Самое смешное - один парень при этом сломал зуб. Всю ночь шел дождь, все промокли и замерзли, я, кажется, уже болеваю. (Похоже на «Константин Макарыч, заberi меня отсели, а то помру»).

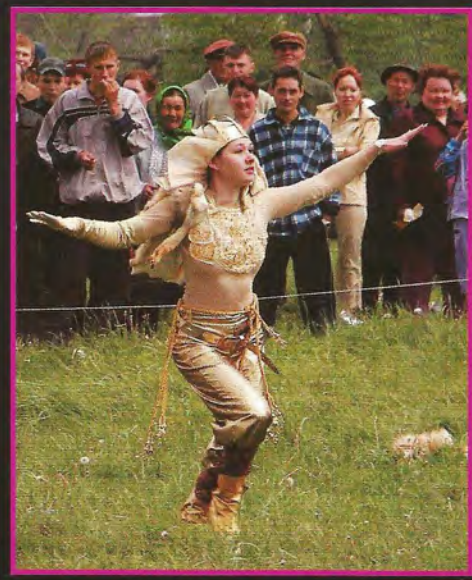
Через день мама получает следующее "письмо: «Милая мамочка! До чего же здесь хорошо, просто чудесно: альпийские луга, море разных цветов, красивые вершины. Это райский уголок Теберда-Домбай. Кормят очень вкусно и разнообразно. А на ночь ребята нас уложили в середин-

ку, а сами легли по краям, было тепло и приятно». Если первое письмо маму насторожило, то второе встревожило. Она отправилась в ЦО «Спартак» к заведомом туризма и альпинизма. Показав письмо, возмущалась: «Что у вас на семинарах творится! Наша дочь ещё несовершеннолетняя, а её уже укладывают!». Высокоставленные родители вместе с заведомом срочно вылетели на инспекторскую проверку. После этого случая инструкторы обязательно напоминали участникам, чтобы думали над содержанием своих писем и телеграмм.

* * *

На всероссийских соревнованиях по технике горного туризма команда решила разнообразить гамму цветов наших отечественных белых веревок (это чтобы отличать на скалах дюльфер от связующей и судейских страховок). Заготовили краситель, хозяйственное мыло, клей. Развели это все в ведре. Ушли на обед. А в это время местная корова выпила все содержимое ведра. Вот удивились хозяева коровы из соседнего кишлака, получив разноцветный йогурт.

(Рассказал
Заслуженный путешественник России
Виктор Растопшин).

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

- ответствие темам:
- * Урал – горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков
- * Предоставление информации о снимках:
- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)
- * Персонаж (если известно)

- 3. Информация об авторе**
- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения
- 4. Формат снимка**
- не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)
- или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой «ФОТОКОНКУРС». Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

МЫ - УРАЛЬЦЫ

Победитель фотоконкурса Юрий Дубровин

Снимки сделаны на празднике Сабантуй
в Нижнесергинском районе, 2004 год.

Бабье лето

Вовсю полыхало бабье лето. Полыхало утренними зорьками и яркими звонкими утренниками, украсившими тайгу золотыми и багряными узорами. Осень вплетала в зелень ельников и кедрачей золото ветвей плакучих берёзок и ало-красных рябин. По утрам почти ежедневно землю покрывал хрупкий иней, а из глубин таёжных урманов слышались призывно-трубные голоса могучих великанов-сохатых, зазывающих соперников на поединок. А на галечниках, на речных косах и отмелях то тут, то там всё чаще можно встретить глухарей и тетеревов, собирающих мелкую галечку. Вот ведь незадача – не наберёт птица полный зоб таких зёрнышек-камушков, и нечем ей перетирать грубую хвою, мёрзлые берёзовые почки с деревьев. Зимой всё заметёт снегами, укроет глубокими сугробами. Вот и, почуввав приближающиеся холода, инстинктивно летит боровая птица на галечные и песчаные косы. Ей просто необходимо готовить запас на суровую длительную зиму с трескучими морозами и колючими метелями.

А пока по тайге шагает бабье лето. На кедрях смоляно чернеют созревающие шишки, заставляя глотать слюну брусничники в сосновых борах гроздьями бордовых спелых ягод, и неяркое, почти осеннее солнце ласковым, нежным теплом заливает склоны и предгорья Уральского хребта. Сами же горы, неприступные и далёкие, скрыты в синеватой дымке, уже укрыты белыми снегами и манят к себе своей первозданной дикостью природы.

Горы, конечно, хорошо, но дома лучше. Вот этой проблемой я и решил заняться с самого утра.

Полевые работы мы закончили. Накопаны сотни кубометров канав и шурфов, даже перевыполнили план по маршрутам, но главная задача осталась нерешённой, результат равен нулю. А результаты в геологии – это конечно, вновь открытое месторождение или, на худой конец, какое-нибудь маломальское рудопроявление. Но ни того, ни другого нам не пофартило открыть. Единственная награда для нас в этот полевой сезон, за выматывающие многокилометровые маршруты, ночёвки у костра, несметные тучи мошканы, которые не давали не только работать, но и спокойно поспать или поесть, – это золотая осень. Осень, когда первые заморозки прибили мошку и комарьё.

Вот в такое время я и решил отправиться на резиновой лодке вниз по Грубе-Ю, а потом по Хулге до Саранпауля. Что может быть лучше, чем завершить полевой сезон отдыхом на реке! Лежишь полёживаешь в лодке, а река, покачивая, тихо несёт тебя вниз по течению. Не спеша проплывают мимо берега, поворот сменяет поворот. Можно, конечно, сидеть в лагере, ждать, когда прилетит вертолёт, и через пару часов быть дома. Но, к сожалению, с вертолётами в последнее время трудно, то их нет в аэропорту Берёзово, то, оказывается, нет денег в экспедиции для оплаты услуг авиации, то нет погоды....

Фото Ильи Абрамова.

От нечего делать все ребята занялись кто чем: кто заготавливает кедровые орешки; день собирают в кедрачах шишку, а потом весь день шелушат и сушат орехи; кто, ловит рыбу: солят и вялят, заготавливают на зиму; а кто валяет дурака — гоняют преферанс. В общем, все заняты своими делами.

На утренней связи по радиации я сообщил о положении дел в партии. И получил добро на выезд с участка на базу экспедиции. Вместо себя за начальника оставил Диму Пятунина, начальника горного отряда, на нем теперь будет «висеть» вся организация выезда нашей геологической партии на базу экспедиции в Саранпауль, а кто там будет первым — неизвестно.

Мне сплавляться по Хулге, это около трёхсот километров. Если сегодня к вечеру доберусь до устья, где Грубе-Ю, впадает в Хулгу, то дней за шесть-семь я доплыву до посёлка, до дома.

Дима, получив все мои наставления, сообщает:

— Славка Ванюта с тобой просится, я ему и говорю: проси начальника, ему и решать. Вообще-то парнишка местный, мало мальски Хулгу знает, думаю, обузой тебе не будет.

— Ладно, если так, скажи: пусть собирается, да побыстрее. До устья засветло надо добраться.

Пока я допивал чай, Славка успел перетаскать в лодку спальный мешок, небогатый рюкзакишко, рюхье да топор.

Перед отъездом обошёл лагерь. Попрощался с ребятами. Ещё раз простился с Димой и, оттолкнув со Славкой лодку от берега на глубину, всюю махая вёслами, отправились в путь.

Грубе-Ю своенравная горная река, сплошь пороги, перекаты и мели. Часто нам придётся брести рядом с лодкой в поднятых болотных сапогах: хотя и мелко, но течение до того сильное, что того и гляди или захлестнёт в сапоги, или свалит с ног. А где мель, там и вовсе воды сантиметров десять — двадцать, тут уж придётся тащить лодку за собой. Одно только успокаивает — что Грубе-Ю, вырвавшись из скалистых берегов, утратила свой коварный характер. Она больше не бьётся об отвесные скалы, не закручивается в тугие водовороты, норвя вырваться из объятий древних базальтов, а умиротворённо звенит, прозрачными струями между глыб и валунов по чистым отмытым галечникам вниз, на встречу с Хулгой.

Пока приноравливались к вёрткой лодочке и выводили её на струю, за поворотом скрылся наш лагерь — лагерь и наши товарищи.

— Вот и всё, Славка, табор остался за поворотом, а впереди на сотни вёрст никого и ничего..

— А далеко до Парус-Шора, Ген Иваныч, и что это за ручей?

— Парус-Шор как раз на полпути до Хулги, ручей так себе, но зато после устья мелей и перекаатов почти не будет.

— Это значит, до ручья километров восемь.

— Где-то так, может чуть больше. Вон, смотри,

впереди перекаат, слышишь, как река гремит, и течение побыстрее стало.

— Да, чувствуется, река полёрла как чумная, — Славка подобрался, перехватил поудобнее весло, — с этой рекой шутки плохи.

— Славик, когда войдём в перекаат, ты резко перед камнем отводи нос лодки в сторону, а когда зайдём за камень, я выведу корму. А потом то же самое, перед следующим.

— Конечно, Ген Иваныч, приходилось мне сплавляться по рекам, на резинке, да и на плоту тоже.

— Вот сейчас зайдём за поворот, и сразу перекаат, держись левее, ближе к берегу, там поглубже и каменюк поменьше.

— Хорошо, Ген Иваныч, понял.

За поворотом нашу лодку подхватило и понесло с невероятной скоростью прямо на камни, её швыряло из стороны в сторону, мы с трудом вывели лодку ближе к левому берегу. Только вышли на струю — перед носом лодки выросла огромная глыбина. Славка с трудом оттолкнул нос от камня, затем и я кое-как отвлёл корму в сторону. Нас несло вниз в вихре брызг, в пенящемся потоке. Заевайся на секунду — и точно, пришлось бы пешком возвращаться в лагерь. Обломки скал возникали то справа, то слева. Перекаат мы пролетели за пару минут, а казалось, что этому препятствию нет конца и края. И только когда нас плавно вынесло на длинное и глубокое плёсо, мы смогли свободно вздохнуть.

— Вот это да, на такой реке, пожалуй, я впервые, Ген Иваныч. Кувырнуться плёвое дело, а я даже и плавать не умею.

— А что же ты молчишь, давай-ка доставай спасательный жилет, оденешь и больше не снимешь до самого Саранпауля. Не хватало ещё ловить тебя в реке, как чебака. Впереди ещё пара таких перекаатов нас поджидают.

Лодка, плавно покачиваясь, скользит вниз по реке, берега сплошь поросли кедром, и изредка выглядят высокие ели. Озабоченные кедровки без устали снуют с берега на берег, торопясь заготовить впрок кедровых орешков. Сорвав с кедра приглянувшуюся шишку, птица тут же на земле ловко облущит и выберет из шишки только хорошие орехи, затем спрячет их в укромном местечке подо мхом, а где — порой и сама забывает. В урожайный год, когда орехов очень много, как в этом году, кедровка забывает даже, на какой стороне реки у неё и заначки. В большей степени благодаря этой крикливой птице кедр и не исчезает из тайги.

Поворот, и снова поворот, река становится поноводней и шире, наша лодка довольно успешно преодолевает последние перекааты. Вот прошли устье Парус-Шора, а дальше до Хулги можно плыть без опаски. Славка, свернувшись калачиком в носу лодки, мирно посапывает и мне остаётся изредка помахать веслом, чтобы лодку не закрутило течением, а то и вовсе, прильёт к берегу. Изредка закидываю блесёнку: вдруг что-нибудь да попадёт,

правда, продуктов взяли с запасом, и особой нужды в рыбалке и нет. Другое дело Хулга, там можно поймать и тайменя килограммов на десять, а это уже рыба, не то что постная и «деревянная» щука. А спиннинг, как и ружьё, на реке всегда должен быть под рукой.

На реке время проходит незаметно и быстро, я даже и не заметил, как из-за поворота показалась Хулга. Только по солнцу и можно определить, что день подходит к концу, да ещё эти непонятные тучи, нависшие серой пеленой на горизонте, усиливают впечатление приближающихся сумерек.

Вот и оно, устье, где Грубе-Ю, сливается с Хулгой. Потихонечку подгребая, причалил лодку к нашей старой стоянке, где ещё были видны колышки от стоявшего раньше навеса и темнело пятно кострища.

Не успела лодка ткнуться носом о берег, как Славка поднял голову: «Приплыли, что — ли, Ген Иванович?»

— Приплыли, приплыли — Хулга, здесь и ночевать будем. Давай выгружаться, что-то погода мне не нравится. Тучи днём только на горизонте были, а сейчас уже полнеба закрыли.

Перегрузили быстренько всё на берег, вытащили и перевернули лодку, чтобы вода стекла и за ночь высохла. На старые колышки растянули толстый полиэтилен — вот и крыша будет над головой. Пока я рубил и таскал лапник для лежанок, Славка развёл костёр, на таганке уже успел повесить чайник и с чем-то кастрюльку.

Осень всё же чувствуется, от реки сильно тянет холодом, и ветер заметно усилился, рвёт с деревьев оставшуюся листву, раскачивает вековые ели и лиственницы.

— Неужели погода испортится, Славка, осень ведь на загляденье чудесная была...

Утром проснулся, а вокруг белым-бело, снегу навалило чуть не по колено. Снег, кругом один снег. Снег на деревьях, снег на земле, и с неба медленно, как во сне, кружась, опускаются пушистые снежинки. Всё вокруг притихло, не шевельётся ни веточка, ни кустик, даже пичуги примолкли от такого вероломства природы. Вчера было лето, а сегодня зима! Вот это кино, хоть назад возвращайся, а может, пронесет и снег стает? Неужели так сразу и зима? А Славка посапывает, нодья ещё не прогорела и ему тепло. Под пологом всю ночь было тепло: нодью мы, конечно, на совесть сделали — не потушил её ни дождь, ни снег, ни ветер, буйствовавший всю ночь. Всю ночь ветер гнул и корёжил тайгу, скрипели под напором ветра великаны кедры и могучие ели, некоторые из них, не выдержав очумевшего напора, со стоном и скрежетом ухали на землю, увлекая за собой подрастающие молодые деревца. И только под утро угомонился, утих бесновавшийся всю ночь ветер.

Утро и не утро, а какой-то серый мутный расцвет, с трудом пробивающийся сквозь низко ползущие тучи. Хочешь, не хочешь, а вставать нужно — подшевелить нодью, подбросить свежих дровишек

и на завтрак что-нибудь сгношить Сухих дров поблизости, конечно, не найти, придётся идти в рядом темнеющий кедр.

Обходя мелколесье и тальники, загребая снег, направился к мандалу, где сплошной стеной высились необъятные кедры. Под густыми кронами деревьев сухо, ни дождь, ни снег не смогли пробить разлапистые верхушки кедров. Набрал приличную охапку сушняка и той же тропинкой вернулся к костру. Славка всё так же тихо посапывает под пологом. Стараясь не шуметь, подкладываю в костёр свежих дровишек, на таганок пристраиваю чайник и кастрюлю с водой для супа. Славка будто учуял, что завтрак готов, на четвереньках выполз из-под полога и только ахнул:

— Блин, зима пришла! Тут надо лыжи иметь, а мы на лодке.

— Вот такие дела, Славка. Пока ещё я окончательно не решил, или будем сплавляться, или весь груз прячем в лесу и возвращаемся пешком назад, в лагерь. Идти пешком в это время тоже не подарок, но хотя бы будем знать, что сегодня к ночи придём домой. А ты как думаешь?

— Я-то? Как скажете, так и будет. Но можно и попытаться спуститься по реке, редко выпадает такая возможность.

— Попытаться? Как-то странно ты говоришь Славка. Если мы отправимся вниз, то назад дороги не будет. Только вперёд и вперёд, что бы то ни было. Ладно. Раз так, то давай, заканчиваем с завтраком — и на корабль.

Хорошо, что мы вчера ещё догадались опрокинуть лодку, сейчас внутри она сухая, и мы, уложив всё своё имущество, тщательно завернули его полиэтиленом. Оттолкнувшись от берега, направили лодку на середину реки, на струю, где течение намного быстрее, чем у берегов.

Погода совсем не радует. К обеду снегопад сменился моросящим дождём, тучи всё так же сплошным покрывалом укутали всё небо, и нигде не видно просвета, всё серо и неуютно.

Славка укутался в телогрейку, а поверх натянул брезентовый плащ и, как кукушка, не сводит глаз с медленно проплывающих мимо берегов. Я же, наоборот, чтобы не замёрзнуть, беспрестанно подгребаю веслом то справа, то слева; глядишь, и лодка быстрее катит по реке.

Изредка смолю сигареты, по сторонам даже смотреть не хочется, до того всё тихо и однообразно. На свежевывавшем снегу не видно не единого следочка. Вся живность притаилась, привыкая к невиданной белизне.

По небу всё так же, цепляясь за верхушки елей, не спеша, нескончаемой чередой ползут серые снеговые тучи. Ни просвета, ни окошечка, через которое хоть бы пробился лучик солнца. Ветер сменил направление и сейчас дует нам навстречу; холодный и промозглый, сыпанёт в лицо то снежной крупой, то брызгами ледяного дождя. Лодка, ходко бежавшая до этого, резко застопорила ход. Под на-

пором ветра она запарусила и с трудом ползёт вниз по течению; хочешь не хочешь, приходится всю работу вёслами, особенно на затажных и длинных плёсах.

День пролетел незаметно. Лишь когда над рекой сгустились сумерки, поняли, как устали за этот день. Болела и ныла спина, а руки просто стали чужими. Всё тело ныло и стонало, просило тепла и отдыха. Но только когда совсем стемнело и берег потонул в надвигающейся ночи, решили причалить и заночевать. От одуряющей усталости даже не стали разводить костёр, а спальные мешки расстелили прямо на брезент, расправленный на снегу. Уснули мгновенно, будто в омут провалились.

Наступило очередное утро, ветренное и холодное. Из спальника выбираюсь, разгребая снег. Рядом, как в сугробе, присыпанный снегом, в спальнике дрыхнет Славка. Всё так же хмурится небо, кругом белым-бело. За ночь намело снега ещё больше. Лишь бы не было мороза, иначе река станет, и, хоть кричи караул, ни взад и ни вперёд. Река после прошедшего ночного ливня и беспрерывно идущего снега разлилась и расплескалась по широкой пойме долины. На крутых поворотах вода бурлит, собирается в стремительные валы и бешеным потоком выносятся на прямые плёсы. Плывут мусор, кусты и деревья, вырванные с корнем или поломанные, как спички, посредине.

От стука топора проснулся и Славка, разбросав снег, выбрался наружу.

— Вот это ночьёвка, это да! — похлопывая руками по бокам и потирая уши, подскакивает к костру и теплу. Чуть не околел за ночь. Давно не приходилось спать под снегом. В молодости, когда ещё пацанами были, на охоте вот так ночевали. Тогда нам всё интересно было, всё в новинку, и азарт. А сейчас чего, какая такая нужда в сугроб загоняет?

Как только мы оттолкнулись от берега, лодку подхватывает течением, река пенится и предупреждая накатывает волну за волной. Тайга безжизненна: ни птиц, ни единого звериного следа. Как в снежной пустыне. Только встречный ветер и живёт над этим уснувшим миром. Почти на всех поворотах громоздятся завалы. Толстые брёвна какой-то дьявольской силой цепко сплетены между собой, даже трактором, наверно, непросто их будет растащить. Одни деревья стоят как бы на голове, подняв высоко оголённые корневища, другие упёрлись в дно, залегли поперёк течения, подставляя сучковатые горбы стремнине, третьи, перегнувшись через соседние стволы, секут воду вершинами.

Где-то из-за поворота несётся глухой рокот воды, как ночной прибой у скал во время шторма.

Вот и пережат, лодку подхватывает течением и стремительно несёт, словно в трубу. Река горбится и вскипает вокруг глыб, торчащих то тут, то там из воды. Наготове, с вёслами в руках, встревоженно всматриваемся в приближающиеся валуны, окутанные пеной и бурунами воды. Но лучше не испыты-

вать судьбу, и с трудом, но нам удаётся отвести лодку со струи поближе к берегу, где течение поспокойнее.

— Ну вот, вроде пронесло, — перевожу дыхание (чёртов пережат!), дрожащими руками вытаскиваю сигарету. — Порули пока, Славка, а я покурю да спиннинг побросаю, здесь за пережатом яма хорошая, летом всегда таймень держался.

Кое-как, отдышавшись, уняв мандраж, взялся за спиннинг. Швыряю блесну вправо влево, результат тот же — пусто, не берёт. Ну и чёрт с ним.

— Тихо, Ген Иванович, потише, глядите: на конце плёса, вон чуть правее, ну, видите? — шепчет Славка.

— Нет, ничего не вижу.

— Да вот же! Ёлки-палки, ещё правее, стая уток плавает.

И только приглядевшись, среди серой ряби рассмотрел чёрные точки на воде, которые то появляются, то исчезают.

— Ну у тебя и зрение, я бы ни в жизнь не увидел.

— Привычка Ген Иванович, привычка. Каждый год, поди, на реке кувыркаюсь, видеть не будешь, значит, голодным останешься.

Славка, отложив весло в сторону, в спешке шарит ружьё, досылает патроны в патронник и ложится поудобнее в носу лодки. Мне ничего не остаётся, кроме как осторожно смотать леску и замереть на своём месте. Лодка, плавно покачиваясь, медленно наплывает на стаю уток. Те беззаботны — кто кормится, ныряя под воду, кто чистит пёрышки, а кто просто плавает, словно поплавков на воде. На нашу лодку пока ноль внимания, и только когда мы подплыли к какой-то невидимой черте, табун без видимой спешки дружно потихоньку стал удаляться; мы к ним, а они от нас, соблюдая какую-то определённую дистанцию. Стрелять, конечно, можно, но Славка всё что-то тянет, выжидает. И уж совсем неожиданно бахнули два выстрела, почти дуплетом. Эхо, слившись в один резкий грохот, прокатилось по реке и глухо увязло в заснеженной и сырой тайге. Утки махом поднялись на крыло и плотной стайей потянули вверх по реке, обогнув нас стороной.

— Ну и мазила, ни одной утки, — поддел я Славку, — утки под носом сидели, палкой можно было достать.

— Мне поближе хотелось, думал, две-три штуки добуду, а не получилось. Одна-то вон плавает.

И правда, среди волн безжизненно покачивалась вверх брюшком уточка.

— Ну, молодец, зазря я тебя критиковал. Одна тоже неплохо, в обед непременно заварим. Тушёнка надоела.

— Это точно, за всё лето мяса свежего не видели.

— Так давай прямо сейчас пристанем, заварим утку да пообедаем. Пережат этот меня что-то достал, руки до сих пор трясутся.

Причалили в самом конце ямы к большой чис-

товине. Натаскали сухих дров, плеснули немного бензина, и костёр запылал. Пока Славка ошпыливал и палил утку, я приготовил таганок, принёс с речки воды для варёва и чая.

День и есть день, хоть и пасмурный и ветренный, Но всё равно день, как-то и на душе теплее. Славка попробовал, как приготовилась утка, и торжественно изрёк:

— Готово! Прошу к столу.

Утка и впрямь готова, до невозможности жирная, но необычайно вкусная. Так давно мы не пробовали утятину! Умяли мы её без остатку с сухарями, запивая горячим бульоном, а затем чайком.

Солнце в этот день так и не показалось. С низовьев Хулги тянет холодный ветер и тащит над самыми верхушками лохматые тяжёлые тучи. Из-за ветра, дуящего навстречу, лодка заметно сбавляет скорость, парусит и упирается, нам приходится усиленно махать вёслами, особенно на длинных плёсах, где течение реки слабеет и лодка почти не движется. В этот день, видно, нам не удастся намного продвинуться вперёд.

Через три километра проплываем устье ручья Балабанты-Виз и густую тайгу. Убегающий по мандалам вверх сосновый бор. Где-то там, за мандалами, в осенней хмари схоронилось священное озеро Балабанты, самое большое и загадочное в округе. Напрямую до него всего километра полтора — два. Только всё никак не попасть на это озеро, на "изюминку" Приполярного Урала.

— А ты, Славка, на Балабантах был когданибудь?

— Нет, не приходилось, нам туда лучше не ходить. Старые люди туда приходят, там капища — святые места, поэтому и озеро священное. Люди идут к своим богам, а зря нечего ходить.

В чём-то, конечно, Славка и прав, есть такие места, где попусту нечего болтаться.

— Ночевать где будем, Ген Иванович?

— Хотелось бы на устье Балабан-Ю, вот только успеем засветло или нет? На стрелке неплохое место для ночёвки, там высоко и дрова есть.

— Знаю, бывал там, ночевали однажды, место там и правда неплохое, дальше хуже будет, сплошь одни горельники. Пожары тут бушевали недавно, весь сосняк погорел, а кедрача пропало сколько.

Незаметно на тайгу опустились сумерки, в темноте осеннего вечера размазались очертания кустарников и близлежащих ельников, а дальний берег и вовсе стал неразличим. Лодка чуть слышно скользит по тихой воде вдоль берега. За день до одури намахались вёслами и сейчас только подправляем, слегка подгребая, что-бы не крутило на месте.

Почти в полной темноте приплыли к устью Балабан-Ю. Причалив к берегу, вытащили спальники и раскидали их прямо на снегу, никаких сил больше не было — ни на костёр, ни на чего другое. Только в спальник — и спать, и спать. Стянув отсыревшие сапоги и скатав телогрейку, всё сложил в

спальник под голову, с утра одеть хоть тёплое. Забрался в спальник с головой и застегнулся на все пуговицы. Согревшись в спальнике, я скоро задремал. Снилось лето, и почему-то не тайга и даже не экспедиция, а какая то далёкая, чужая страна, где всегда жарит солнце и растут на ёлках бананы и апельсины. Приснится же такая ерунда, о чём и не думаешь.

Утро не принесло ничего нового, всё так же ночью шёл снег, и спальники замело, сравняло со снегом. Зима, зима безудержно давит и наступает со всех сторон, подминая под собой золотую осень. Заметно похолодало, даже уши пощипывает, значит, день будет морозный. Хоть бы один денёк без снега и дождя. Тучи уже не ползут, цепляясь за вершины деревьев, а проносятся со свистом в сторону гор. И не такие они уж и чёрные, какими были накануне. Похоже, за ночь они израсходовали весь свой запас снега и налегке несутся прочь. На востоке над верхушками золотится рассвет, а в глубине тайги ещё клубятся сумерки. Как не хочется выбираться из нагретого спальника на ветер и стужу...

Сегодня первым у костра оказался Славка, видно замёрз, и холод выгнал его к костру.

— Поднимайтесь, Ген Иванович, завтрак готов, чайку попейте, да и каша гречневая уже поспела.

— Когда это ты всё успел?

— Да я уже давно встал, замёрз как собака. Спальник совсем не греет, старый, однако и худой, как сама жизнь.

Позавтракали, как всегда, быстро, на раскачку просто у нас нет времени. Посидели чуть-чуть у костра, выкурили по сигарете, впитывая вместе с табачным дымом и тепло костра, которого так будет не хватать на реке.

И снова в путь. От Балабан-Ю на правом берегу появились первые горельники. Там, где года два назад темнели ельники и золотились янтарём светлые, звонкие боры, торчат обгорелые, почерневшие от огня и дыма обезображенные деревья; некоторые, не выдержав сильных ветров, рухнули на землю, и то тут, то там среди стволов деревьев вздымаются причудливые корневища, создавая фантастические и жуткие картины. Мёртвый лес — не пробежит зверь, не запоёт птица, лишь один ветер шумит, как бы укачивая уснувшую тайгу. Не скоро появится в этих местах шустрый соболь, не проложит свой след сохатый, не запоёт на утренней зорьке птаха. Много времени пройдёт, прежде чем здесь поднимутся к небу великаны кедры, сосновые боры — боры-беломошники.

— Ген Иванович, скоро уже и темно будет, хоть глаз коли, может, причалим да заночуем?

— Не спеши, пока ещё можно плыть. Скоро будет устье Енготы, а там и Нерка-Ю, глядишь, и до Савинской дотянем. Течение здесь хорошее, да и камней нет, глубоко тут, плыть можно спокойно. Ночевать то в избушке получше, чем в сугробе.

— Так-то оно так, в темноте-то мы избу и не увидим.

— Не проплывём мимо, не бойсь, она на яру крутом, а напротив курья здоровая — увидим.

— В избушке-то, конечно, просушились бы, насквозь мокрые, от этого и мёрзнем. А кто там воет-то, там, внизу? — Славка закрутил головой, приподнялся в лодке. — Вот, вот слышите?

И точно, снизу чуть слышно раздавался тревожный чей-то крик.

— Слышу-то слышу, но тоже не пойму, то ли птицы кричат, то ли зверьё воет. Пониже спустимся, там и разберёмся.

На душе сразу стало как-то муторно и неприятно. Одни на сотни вёрст, что случись — и помощи ждать неоткуда. Да ещё эта темнота вот — вот нарастает всё вокруг. Осенние ночи, хоть глаз выткни, ничего не увидишь. Минут двадцать плыли в тревожной тишине и мерном плескании волн, только непонятные звуки, доносившиеся до нас, нарушали спокойствие наступающей ночи. И лишь когда нашу лодку вынесло за поворот, всё стало на свои места.

— Славка, это же лебеди! Слышишь, как кричат, как там целый табун, да убери ты это ружьё, пальнёшь ещё случайно.

— И правда, лебеди, а я-то думал, зверь орёт. Их же там не один десяток, такой гвалт устроили. Аж уши вянут, в темноте и не утихомиряются, вот черти.

С души как камень свалился: всё же мы не одни. Где-то рядом лебеди устраиваются на ночлег, поэтому, видно, и развели такой переполох.

— Ну её, эту избушку, давай, Славка, тут заночуем. Пока ещё что-то видно.

— Давайте костёр разведём и тут, бензин у нас есть. А обсушиться и завтра сможем.

Через пять минут у нас уже полыхал костёр. На колышках вокруг огня парили, просыхая, портянки и сапоги. Славка, сидя у костра в носках, разглаживал, как он охотился и точно так же коротал осенние длинные ночи у костра.

Позавтракали и собрались, когда ещё не рассвело, столкнули лодку в воду, и снова в путь.

По утрам здорово подмораживает, но шуги пока не видно, а если так, значит, дня три в запасе у нас ещё есть. А за три дня мы должны добраться до дома. От перспективы вмёрзнуть в реке аж мурашки поползли по коже, вмёрзнуть в шугу или в лёд — это труба. От невесёлых мыслей меня отвлек Славкин шёпот:

— Вон! Вон они, в омуте у того берега, ох и много их там, — сигаретой машет в сторону противоположного берега.

— Вижу, вижу, не маши ты так своими руками. Лучше давай поближе подгребём и посмотрим их вблизи.

Стая белоснежных лебедей словно белой пеной накрыла тихую заводь в пойме реки. В предрассветных сумерках птицы, кажется, ещё безмятежно спят, спрятав свои горделивые головки под крылья. Но это только так кажется; стоило нам приблизиться к отдыхающим птицам, как раздался встревоженный голос лебедей. Не все, значит, спали, кто-то из них постоянно следил за рекой, тайгой — всем тем, откуда может грозить опасность. Лебеди встрепенулись, и над рекой разнёсся их встревоженный трубный крик. Стая дружно зашевелилась, медленно отплывая к берегу, отступая от приближающейся лодки. Мы замерли как истуканы, боясь шевельнуться, забыв про вёсла и про всё на свете. Лодка без управления, медленно кружась, проплывала мимо стаи лебедей, нас пронесло совсем рядышком, как вдруг неожиданно от стаи отделились десятка два птиц и, громко хлопая крыльями, с шумом взмыли в небо. Лебеди, набирая высоту, проплыли прямо над нами, медленно и плавно рассекая крыльями воздух.

— Смотрите, Ген Иваныч! Молодняк же это летит, видите, какие-то они серые.

И правда, на крыло поднялись молодые птицы, ещё не вылинявшие до конца. Плотную стайку мо-

лодьяка по краям сопровождали взрослые лебеди. Они выделялись и большим размером, и своей белоснежной чистотой.

— Так вот почему, Славка, они ещё не улетели на юг. Пока молодой не окрепнет, не наберётся сил для такого перелёта, лебеди никуда не улетят, и стая так и будет жить на реке.

Долго ещё, до самого поворота, пока мы не скрылись с глаз, нас сопровождали беспокойные крики лебедей.

Сегодня даже днём не стает корочка льда с бортов лодки, лёд с вёсел приходится частенько отбивать, иначе вёсла становятся тяжелыми и неуклюжими. Стараясь не брызгать водой, забрались в лодку — и снова вперёд. Медленно, слишком медленно отступают назад занесённые снегом берега. Плёсы, длинные и глубокие, навевают тоску. Чем дальше, тем река становится полноводнее и шире, всё меньше перекатов, где река хоть немного разгоняется, и лодка стремительно скользит вниз по течению. А на прямых и длинных плёсах течение ослабеваает, и не дай бог, если навстречу задует ветер — тогда лодка норовит, как парус, двигаться в обратную сторону. В такие моменты нам со Славкой приходится упираться что есть силы, грести вёслами, забыв про усталость и холод, чтобы хоть немного двигаться вперёд.

Как мы ни торопились, но к устью Ния-Ю засветло не успели. Темнота плотно окутала тайгу. Дальше плыть просто стало глупо, но мы всё же пытаемся добраться до устья, рискуя налететь в кромешной темноте, на какой-нибудь камень. Плывём практически наощупь, прислушиваясь, не зашумит ли впереди вода, перекачиваясь через торчащий из воды валун. Всё же наше упрямство оказалось не напрасным: на повороте с левой стороны реки, из просвета темнеющей тайги показалось устье. Ния-Ю — тихая и незаметная река, петляющая по болотам и торфяникам, а перед впадением в Хулгу вообще, кажется, не движется, и мы без особого труда направляем свою лодку вверх по Ния-Ю.

— Где же эта избушка, Славка, я-то был в ней всего один раз, да и то давно, сейчас уже и не помню.

— Метров двести — триста, да мы её увидим, она недалеко от берега.

Медленно продвигаемся вперёд, впритирочку к левому берегу, но никаких признаков избушки или людей не видно. Пустынно-тихий берег, тальники и снег, и больше ничего. Где-то же должна быть избушка, а возможно, там есть и охотники, тогда там есть и лодка, на которой, в крайнем случае, можно будет добраться до Саранпауля.

— Где же эта избушка, мы наверняка с полкилометра проплыли, а не двести метров.

Поднимаемся всё выше и выше, но ничего нового, никаких следов пребывания людей, кругом чистый, нетронутый белый снег. Плыли до тех пор, пока не упёрлись в пережат.

— Всё, Славка, впереди пережат шумит, слышишь? Я точно помню, до избушки пережатов нету. Теперь давай к тому берегу спустимся, посмотрим, что там.

Разворачиваем резинку и, прижимаясь к правому берегу, подгребая, начинаем сплавляться вниз. Плывём не торопясь, стараясь разглядеть в кромешной темноте признаки избушки. Но ничего, а прибавок к нашим бедам повалил густой и липкий снег. До снегопада хоть что-то было видно, а теперь — вообще ничего.

— Вот она! — всполошился на носу Славка, — вот она, чистовина, там наверняка и избушка.

— Ну и глазастый ты, чёрт, а я ничего не вижу, давай, причаливаем тогда.

Привязали лодку к кусту тальника и, полные надежды, увязая в снегу, отправились на поиски избушки. Чем дальше шли, тем быстрее таяли наши надежды на ночлег под крышей. Обойдя вокруг поляны, снова вышли на берег, всё ясно — избушки здесь нет. Снова одни, на сотню вёрст никого, и тоска накатила с новой силой. В груди что-то сжалось и защемило от беспомощности и одиночества. Хотя какое одиночество: мы вдвоём, а это совсем другое дело.

— Ничего в такой темноте на реке мы не найдём, давай лучше на ночлег устраиваться, и устал я сегодня.

— Если варить ничего не будем, зачем костёр? Утром раскочегарим, а сейчас лучше выспаться.

— И правда, где сейчас в темноте дрова найдёшь. Темнота, хоть шар выткни, и, раскатав спальник, в чём есть забрался внутрь, ладно хоть сапоги снял.

— Славка ты прям как эскимос: упал в сугроб, выспался — и дальше пошёл.

— Будешь тут эскимосом, я уж три дня не умылся, грязный весь, ледяной водой разве отмоешься. А ещё бабье лето называется.

Мне ничего другого не остаётся, как последовать за Славкой. Залезаю в спальник, но шапку и сырую фуфайку всё же снимаю и закладываю под голову. Усталость и апатия берут своё; не обращая внимания на валивший снег и холод, забываюсь в сто-рожком сне.

Наступившее пасмурное утро не принесло никакого облегчения. Болит спина и ноют руки, всё про-ст отдыха, но отдых будет только когда вернёмся домой. Всё так же идёт снег, с трудом нахожу место, где спит Славка — его спальник напрочь заровняло снегом; а на месте лодки просто сугроб. А на том берегу, на бугре, из-за кедра, как привидение, выглядывает избушка. И надо же — проплыли в трёх шагах и не увидели, а могли бы и поспать, как люди, в тепле и под крышей.

— Славка! Поднимайся, избушка-то, вон она. Вмиг из-под снега появилась заспанная физиономия.

— Где? — вытаращил глаза Славка, — где она, зараза? — И, увидев избушку на противоположном

берегу, окончательно проснулся: — Вот это да! Надо же спать в сугробе, когда изба в пяти шагах.

— Вставай, поехали в избушку. Растопим печь, немного обсушимся, заодно приготовим, что-нибудь поесть, эта тушёнка да чай уже надоели.

Через минуту мы были уже на той стороне, в избушке. В углу, в сторонке, были аккуратно сложены дрова, рулончиками заготовлена береста и даже на столе стояла заправленная керосиновая лампа. Но, похоже, и здесь давненько никого не было.

В избушке мы задержались часа на два, впервые за эти дни с утра до отвала наелись, немного отдохнули и отогрелись. Но сколько ни сиди, ближе к дому не будешь, пора двигаться и дальше.

Спустившись к устью Ния-Ю, мы только ахнули: от берега до берега по реке шла шуга. Осколки льда в снежной массе, чуть слышно шурша, проплывали мимо нас. Было жутковато смотреть на бесконечное движение ледяного потока. В любой миг шуга может создать затор на крутом повороте реки, намертво закупорить русло — и всё, труба. В таком случае выход только один — бросать лодку и пешком по колено в снегу пробиваться до дома.

— Вот это бабье лето, Ген Иваныч, в самую пору лыжи доставать, а мы на лодке. Но ничего, вдоль берега ещё можно пробраться. Днём всё равно потеплеет и шуга исчезнет.

— Значит, плывём. Сегодня мы с тобой просто должны добраться до Ясунта, там же у тебя вроде кто-то есть из родни. Поди не бросят в беде, на доральке-то за час доберёмся.

— Конечно, лишь бы только попасть в Ясунт, в любое время подбросят в Саранпауль.

День прошёл как обычно. К обеду поднявшееся солнце прогрело над тайгой воздух и стало очень напоминать весну. Вдоль реки потянул тёплый ветерок, снег загрузнел и местами стал подтаивать, по берегам защебетали птицы. С бортов лодки исчезла корка, прочно державшаяся последние дни, даже шуга и снежная каша исчезли, растворились. Только вода в реке оставалась такой же холодной

и неприветливой.

К вечеру, на закате дня, мы всё же сумели добраться до Ясунта. Из-за очередного поворота на высоком песчаном яру показалась деревушка, совсем махонькая, всего-то около тридцати домиков.

— Всё же добрались, успели, Ген Иваныч, я сейчас в деревню сбегаю, Никита дома должен быть. Он нас и увезёт, лодка его вон причалена, теперь нам и шуга не страшна.

— Ладно, иди давай быстрее, узнай, как там дела. Причалив к берегу, Славка исчез в деревне, а минут через пятнадцать вернулся со своим родственником.

— Вот, Ген Иваныч, чай зовут пить, а я им и говорю: торопимся, спешим, некогда чаи распивать, а им хоть бы что.

— Нет, Славик, конечно, спасибо, но нам действительно нужно быстрее в Саранпауль.

— Видишь, Никита, начальник говорит, что торопимся, чай не будем пить.

— Однако ладно, вам виднее. Подождите немного, тогда сейчас бензин принесу, и поедем.

Через час мы уже были в Саранпауле, Поблагодарив Никиту, выгрузили своё барахлишко, и лодка, набрав скорость, стремительно скрылась в темноте ночи.

— Вот и кончилось бабье лето, Славка.

— Да, зима на нас наехала, кое-как убежали, ещё бы чуть-чуть, и трудновато бы нам пришлось.

Занесли в сарай отсыревшие спальники, рюкзаки и прочую мелочёвку, под конец заволокли резиновую лодку.

И только когда Славка исчез в переплетении тёмных улочек посёлка, на меня накатила дикая усталость. Всё позади, пять суток сплошной нервотрепки. Отдых превратился в настоящий экзамен, который мы со Славкой в общем-то выдержали — пускай не на пять, но на троечку — это точно. Не запаниковали, не сорвались, всё выдержали, и всё осталось позади. Это и хорошо, скоро всё забудется, поблекнет острота ощущений в повседневной суете и однообразии стуженых зимних вечеров, колючих метелей.

Владимир ВОЛЕГОВ

«Сломатие» шеи,

или

На заметку начинающим экстремалам

В Закопане, в Польше, в курортной зоне среди гор приютилась мастерская для лыжников с примечательным лозунгом: «Ломайте лыжи, но не ломайте ног!» Слегка перефразировав для нашего случая, его можно представить в следующем виде: «Ломайте ноги, но не ломайте шеи!»

Затрагиваемая проблема очень актуальна в повседневной жизни человека, в его быту, хотя заголовок статьи может настраивать на ухмылку. Иногда полезно бывает припомнить события минувших дней, притупленные временем.

За многие годы работы тренером в плавании, а пролетело уже более 50 лет, пришлось повидать всякого и многое узнать у других специалистов, поделившихся опытом и практикой. Вот и повод, почему я делюсь своими наблюдениями по спасению людей, которых набралось, ни много, ни мало, 18 (спасенных мной) человек.

По многолетним данным института имени Склифосовского, расположенного в Москве, с травмами шеи, позвоночника восстанавливается только 3 % всех поступивших на лечение в госпитали, т.е. 97 % уготована иная стезя. Последние достижения в нейрохирургии вселяют надежду, и тому имеются подтверждения: у части подопытных крыс наблюдается заметный рост — регенерация — нервной системы в области позвоночника и появление части двигательных признаков. Однако и сейчас необходимо человечеству оберегать от травм свои жизненно важные органы и участки тела.

Археологические исследования дают повод поразмыслить и засвидетельствовать о том факте, что чаще всего у человека травмируются область головы, шеи и позвоночника. Неслучайно в животном мире нападающие на свою жертву, например,

тигр или рысь в первую очередь стремятся перекусить наименее защищенные шейные отделы. По этим причинам, надо полагать, у кочевых племен бытовала жестокая бескровная казнь противников, в частности, во времена Чингиз хана, связанная со «сломатием» позвоночника человека. В историческом прошлом человек умелый — хомо фабилис — научился пользоваться сначала палкой для нанесения ударов по голове выбранной жертве; уже затем у хомо сапиенса появляется увесистая палица, меч и прочее сокрушающее темя оружие.

Правила соревнований для хоккеистов требуют надевания шлема. Шлем был позаимствован у спортсменов, играющих в американский футбол — наиболее грубый из всех культивируемых командных игр. Очень часто у игроков страдала область основания черепа. Тогда-то пришли к выводу, что тяжелейшие травмы возникают из-за небезопасной экипировки спортсмена, и сделали вырез в шлеме. Шейные травмы в дальнейшем были сведены к минимуму. Итогами этих заключений воспользовались мотоциклисты, спортивные автолюбители и представители других экстремальных видов спорта. У них появилась специальная экипировка, обеспечивающая уменьшение травм головы.

Мебель и шишки у детей. Однажды (этот прием использовался мною неоднократно) в гостях я предложил родителям надеть имеющийся в доме хоккейный шлем ребенку, который уже или еще ходил под стол. Он несколько раз истошно кричал, плакал, предварительно ударившись головою о различные выступы мебели, выполненной в современных дизайнах. Через некоторое время поинтересовался у родителей, как идут дела с шишками на голове малыша. Ответ был такой: «От шишек изба-

вились и от шлема через неделю отказались!» Отсюда резюме: к сожалению, в большинстве своем мебельщики с дизайнерами забывают об элементарных мерах безопасности для головок маленьких сограждан, несмышлёнышей, будущего страны!

Стоит вспомнить опыт ведущего авиаконструктора страны С.В.Ильюшина, не допускавшего в конструируемых им творениях — самолетах деталей, способных нанести вред человеку. Если на пути к выходу имеется сантиметровый порожок, то его необходимо удалить, ибо в кризисной ситуации он станет непреодолимой преградой, а такие мелочи недопустимы!

Особенность детской анатомии, в отличие от анатомии взрослых людей, состоит в иных пропорциях тела и в первую очередь головы. Голова у несмышлёнышей (условно я их называю «головастики») непомерно больше, чем у взрослого. По этой причине центр тяжести тела у «головастиков» расположен значительно выше, чем у зрелых людей, и эта особенность определяется увеличением числа получаемых шишек и падений из-за несовершенства координации движения. Еще падения детей зависят также от непродуманных конструкций, не учитывающих детского фактора, их биомеханики, например, трехколесных велосипедов, или детских колясок, иногда опрокидывающихся при раскачивании.

По моему твердому убеждению, игрушки, велосипеды, коляски и прочие детские принадлежности должны быть приземленными, приземистыми, иметь большую опорную площадь, чтобы общий центр тяжести был приближен к земле, колеса должны соразмеряться со средствами передвижений. Родители при выборе детского инвентаря, должны учитывать причины возможного травмирования ребенка.

Удивляет меня специально отшлифованные каменные поверхности ступенек у многих подъездов во многих городах, например, у нового здания библиотеки В.Белинского или областного МЧС в Екатеринбурге. Резонно, по моему, шлифовать каменные вертикали зданий — цоколи, а не горизонта-

ли — тротуары и ступени, последние желательно оставлять шероховатыми.

В продолжение темы о скольжениях обмолвимся несколькими словами об обуви. Современные обувные подметки сейчас изготавливаются из синтетических материалов, они экспериментально не проверенные, не опробованные для различных условий и могут служить причиной падений. Дети и взрослые часто страдают от такой скользкой подметки, падают и травмируются.

Необходимо всегда предвидеть последствия необдуманных действий людей. Так, не желая своим любимым чадам причинить вреда, можно стать невольным палачом. Приведу только два примера, оставившие неизгладимое впечатление в памяти с детства.

Первый пример: к любимому племяннику домой пришел дядя. Он предложил: «Хочешь посмотреть Москву?». После чего кистями рук обхватил виски ребенка, затем приподнял, после чего поставил на пол ... и ребенок упал замертво. Причина трагедии — хрупкие отделы шеи не выдержали нагрузки, и шейные нервные окончания пострадали. До сих пор такие опасные «шутки», надо полагать, практикуются.

Второй пример: во время игры в «казаки разбойники» дома взрослые усаживают на плечи детей и с ними перемещаются из комнаты в комнаты. Дверные же проемы рассчитаны на размеры

взрослого человека, а тут прибавляются размеры ребенка. Вот и причина, чтобы снести темечко ребенку. Аналогичную ситуацию иногда наблюдаешь у взрослых (с живой ношей на плечах) при входе в электричку, в подземные переходы. Сколько случаев бывает в общественном транспорте, когда родители, вскидывая младенцев на руках повыше, ударяют их о поручни...

Часто видишь такую обыденную картину: ныряние в водоемы с берега. Так, после очередных и успешно сданных экзаменов студенты, специализирующиеся в плавании, отправились на пляж. Они решили поплавать и отдохнуть. Один из них, отличный пловец, решил продемонстрировать перед девушками, загорающими на пляже, свои достоинства. Он разбежался, нырнул с отлогого берега, предварительно прижав руки к телу, сразу же вынырнул, однако на поверхности воды остался неподвижным. Его товарищи тут же вытащили его на берег и стали выполнять искусственное дыхания. Искусственное дыхания при сложившейся ситуации делать не было надобности — пострадавший рефлекторно задержал дыхание под водой и не наглотался воды. В этом примере шейный отдел пострадавшего, естественно, не был обездвижен посредством подложенных с обеих сторон валиков из подручных вещей. Возможно, при переносе тела на берег из воды спасатели могли нанести дополнительные травмы нервным окончаниям позвоночника.

Юноша повредил шейные отделы на уровне 6 — 7 позвонка. Это очень и очень серьезная травма, которая проявляется в неспособности двигаться. Научное название тетраплегия — полная неподвижность конечностей. По зарубежным данным, 90 % пострадавших от этой травмы погибают в первый месяц. Функционируют же самые необходимые для человека органы: сердце, легкие с диафрагмой, зрительные, слуховые, пищеварительные, речевые. Моча постоянно выделяется каплями. Взор пострадавшего куда-то устремлен в пространство. Таковы первичные видимые симптомы, и они должны учитываться спасателями.

Даже хорошо проверенное дно открытого водоема перед плавательным сезоном — не всегда гарантия безопасности человеку. Так, на открытой акватории плавательного бассейна с 10-метровой вышкой произошел несчастный случай с прыгуном-разрядником. Он нырнул. Спортсмены, наблюдавшие за прыжком, были обеспокоены его длительным отсутствием на поверхности воды. Когда они стали выяснять причины, то на дне водоема перед их взором предстала страшная картина: голова прыгуна-спортсмена воткнулась в острый конец лома, или пешню! Как выяснилось позднее, зимой у рыбака из рук выскользнула эта злосчастная пешня и воткнулась в дно точно под 10-метровой вышкой!

Ранее приводимые цифры, по отечественным данным — 97 % и по зарубежным — 90 %, косвен-

но свидетельствуют об эффективности использования специальных «ошейников» — воротников, надеваемых пострадавшим на шею. Зарубежные телевизионные программы, демонстрируя искалеченных во время террористических взрывов или при автомобильных катастрофах, как правило, пострадавших показывают с надетыми «ошейниками».

14 августа 2003 г. в Екатеринбурге в одной телепрограмме был репортаж: мальчик при падении с третьего этажа повредил позвоночник. Однако при его транспортировке спасателями он был закреплен только ремнями к носилкам, на шее не было «ошейника» или воротника! Голова болталась. Это большое упущение — их отсутствие, у спасательной команды. Такая немаловажная деталь инвентаря должна быть на шее у пострадавшего с самого начала оказания помощи, тогда и число вылечившихся (их процент) в госпиталях обязательно увеличится, если их сравнить с нашими буднями.

Другой вопрос: как транспортировать пострадавшего в воде с травмой шеи, чтобы не усугублять ситуации? В учебниках по плаванию, прочих рекомендациях приводятся несколько методов транспортировки. Приведем лишь один, наиболее характерный: лежа на спине, спасатель руками держит пострадавшего за голову (или волосы), чтобы рот пострадавшего был на поверхности, и, работая ногами брассом, плывет на спине.

Однако приводимые примеры по транспортировке не гарантируют от дополнительных травм шеи.

Что же можно предложить? Наиболее простой, надежный способ транспортировки пострадавших — это использование спасателями доски длиной более 4 м. Можно воспользоваться таким популярным в плавании инвентарем, каким являются доски для серфинга. С одной стороны, этот инвентарь является надежной опорой для спасателя, с другой — на нем можно уложить спасаемого, самому спасателю лечь на нее и, затрачивая минимум энергии, плыть к обетованной тверди. На берегу пострадавшего переносят на доске в «скорую помощь». Этот простой и эффективный инвентарь должен исключить нанесение дополнительного увечья шеи и спинного мозга.

Из приводимых примеров можно сделать и выводы:

1) всегда обеспечивать неподвижность шейных отделов пострадавших и перевозить их только в лежачем положении;

2) спасательные бригады обязаны иметь необходимый инвентарь, в том числе «ошейник» или воротник; такой действенный «ошейник» обязательно иметь в каждом автомобиле наравне с аптекой;

3) научиться на практике пользоваться в критических ситуациях этим инвентарем.

Уместно вспомнить слова К.Шеннона: «Мы знаем прошлое, но не можем управлять им. Но можем управлять будущим, не зная его. Если можно уп-

равлять будущим, то почему нельзя с той или иной степенью точности предвидеть его?»

Вместо P.S.

Я обратился однажды к главе МЧС РФ С.Шойгу по поводу некоторых техногенных катастроф, произошедших в стране в последние годы. Затрагивалась также очень неблагоприятная сторона бытового травматизма. В ответ получаю следующее: «Справедливо и Ваше замечание, что проблему спасения попавших в беду людей следует начинать с решения задачи бытового травматизма». И далее: «Имеющиеся у Вас материалы по данной проблеме просим направлять в наш адрес по электронной почте».

Вологов Владимир Петрович родился в городе Дальнем, что расположился на Квантунском полуострове в Китае. С раннего возраста, следуя семейным традициям, приобщился к плаванию и другими видами физической активности. В 1959 году закончил Ленинградский государственный институт физической культуры имени П.Ф.Лесгафта (ГДОИФК) по специализации «плавание». Трудился по специальности на кафедре плавания в Омском государственном институте физической культуры (ОГИФК). В 1970 г. получил степень кандидата педагогических наук. За многие годы — с 1962 г. — автором опубликовано было более 100 трудов и статей. Вопросам безопасности человека в быту посвящено несколько публикаций в средствах массовой информации.

* * *

Пожелтевшая поросль
У знакомых дверей.
Осень — моросень, морось —
Проберёт до костей,
 В ворох ярких картинок
 Свесит космы дождя...
 Пышный праздник поминок
 По себе, для себя.
Листья ветрено бросит
В безнадежный полёт
Морось, моросень, осень —
Наваждение моё.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ГОРОДУ

Не надеюсь на благодать —
Город, дай мне хотя бы роздых!
Твой бензиново-тусклый воздух
Так нерадостно мне вдыхать!
 Не надеюсь на идеал —
 Но хотя б ощутить стремление,
 Непреклонное, как растенье,
 Находящее направленье
 Сквозь кирпич, бетон и металл.
Не надеюсь на тишину —
Дай и мне, и себе терпенье
Чуять в скрежете птичье пенье
И в февральских ветрах — весну.
 Не вгоняй жёстким ритмом в транс —
 Дай хотя б островок покоя,
 Дай увидеть в тебе родное,
 Беззащитное и живое —
 Наш последний взаимный шанс.

* * *

В прозаических буднях,
поэтических бреднях
Нам не то чтобы трудно,
и не то чтобы средне:
Нервно, маятно, смутно,
неизбывно метанье
Между стихосложением
И стихолажаньем.

* * *

Себе ли хозяйка, тебе ли награда —
Гадай хоть часы, хоть века.
Струящимся жестом, недвижностью взгляда,
Злой хлесткостью языка,
Атласной прохладой сверкающей кожи
(Не бойся задеть рукой!),
Такой узнаваемой и непохожей,
Предсказанной и чужой,
Куда-то стремится, зачем-то бьётся...
И — змейства не побороть! —
Упруго свивается в нежные кольца
Моя ядовитая плоть.

* * *

Я пишу тебе между строк,
Между делом и между прочим,
Как спешила на твой звонок
К телефону, к дверям... Так прочно
Был, казалось, устроен быт
На привязанности взаимной!
Поводок наш двойной забыт
Склеротичкой-судьбой, как видно.
Ты не лезешь в стихозный дым,
Ты боишься и слов, и слёз... Но —
Прочитай по глазам моим,
Что ещё ничего не поздно!

* * *

Улыбнувшись, тебе открою —
Хочешь — душу? Хотя бы двери...
Не могу быть твоей судьбою,
Не хочу быть твоей потерей.

Мне и весело, и печально:
Разговор, анекдоты, вечер...
Стрелки с наших часов в колчане
У Амура звенят беспечно.

* * *

Каплей в руки тебе упаду —
Как во сне, как в беде, как в бреду,
Без оглядки, без меры, без просыпа,
Я прильну, прирасту, прикиплю,
Прошепчу, как пароль: «Я люблю» —
И с тебя не потребую отзыва.

* * *

*«Сиротливо пеняется бокалы...»
Виктория Чемоданова.*

Как блистателен их парад!
Выстрел, пробка над головой...
Возвышается хрупкий ряд
Над едою и суетой.

Я приметам не верю, но
Разглядеть бы — как между строк! —
Сквозь искрящееся вино
Призрак, признак или намёк.

Заглянуть бы в тот тайный план,
По которому, не ленясь,
Сочиняет судьба роман
О себе. И ещё — о нас.

Что в нём следующей строкой —
Эпицентр или эпилог?
...Тонконогих бокалов строй
Строен, стоек и одноног.

Александр ДМИТРИЕВ

Новелла о Тиманской нефти

На северо-западе Урала, между главным хребтом и Тиманским кряжем, раскинулась обширная Печорская равнина. Некогда колыхалось здесь девонское море — вместилище накопившихся миллионы лет органических отложений, исходного продукта углеводородов. «Органическая» гипотеза происхождения нефти встречается и аргументированные возражения в научной среде. Впрочем, речь не о том...

Маслянистая жидкость, заполнявшая складчатые «ловушки», выбивалась на поверхность множества ключей, овеянных легендами аборигенов — коми-зырян. Воеводы, собиравшие в покоренном крае ясак, не единожды посылали диковинку государям московским в обозах с мягкой рухлядью. Но обитатели кремлевских палат, коль скоро топлива на Руси хватало с избытком, выказывали к «земляному маслу» лишь праздное любопытство. Облюбовали находку медики, нахваливавшие ее за лекарство от всякой хвори.

Петр I, усматривавший в «горячей воде» подспорье сводившимся для домен камским, бельским, чувсовским, тагильским лесам, расспрашивал о ее полезности лучших химиков Европы. Однако масштабного применения «домашнему зелью» царь-воин и преобразователь найти не успел. Премники же великого реформатора, коим промышленники-северяне демонстрировали «колодезное масло», с неизменной брезгливостью прикладывали к носам платочки: экое-де зловоние! Стоило ли, укоряли они президентов Берг-коллегии, изощряться в «небарышливом» промысле, если без надобности переставали на корню леса?

Но летело время, гибнущие под топором и от огненной стихии дубравы, корабельные рощи уступали место исполосованным оврагами степям. К середине XIX в. явственно истощились отведенные заводам лесные дачи Урала. Нехватка топлива обрекла российскую металлургию на черепаши темпы развития. Лидерство на мировом рынке перешло к внедрившим экономную коксовую плавку англичанам и немцам.

Донбасс и, особенно, Кузбасс еще пребывали в безвестности. Консервативно мыслящие ученые утверждали, что за пределами Каспийского побережья Россия нефти не имеет. Этого пессимизма не разделял Г.Д.Романовский, наш земляк, уроженец Миасса. Геннадий Данилович чуть ли не первым обосновал вероятность существования Урало-Волжской нефтеносной провинции. Вернувшись из командировки по США, Романовский призвал в

1866 г. «родное ведомство» искать жидкое топливо на всем пространстве Урало-Волжского региона. Характер залегания нефти в Поволжье он идентифицировал с почти аналогичным в штатах Огайо и Кентукки, а Печоро-Ухтинское месторождение отождествлял с Пенсильванским.

Витавшую в воздухе идею подхватил родовитый купец М.К.Сидоров. Арендовав казенный участок при слиянии Ухты с речушкой Неп-Иоль, он получил к началу 70-х гг. около 30 тонн нефти, экспонировавшейся на российских и зарубежных выставках. Неудача с доставкой к углубляемым скважинам бурового оборудования, увы, расстроила дерзкие планы энтузиаста-одиночки. Благородной цели — вытеснения с национального рынка американского керосина — Сидоров не достиг.

В связи с бурным развитием промышленности и транспорта в 80—90-х гг. потребление жидкого топлива в стране неуклонно возрастало. Острейший его дефицит портил настроение и пароходовладельцам, и мукомолам, и горнопромышленникам, тем более, что надежды на открытие коксующегося угля на Урале не оправдались. Вот почему местная и центральная пресса уделяла пристальнейшее внимание нефтяной проблеме, тщательному исследованию не только Ухты, но и всего Урало-Поволжья.

Подвижником, продолжившим самоотверженное начинание М.Сидорова, стал инженер-механик из Риги А.Гансберг. Вначале он являлся только пайщиком довольно пестрой по составу компании, капитал которой обеспечивался, главным образом, административной верхушкой Путиловских заводов. После открытия перспективного месторождения акционеры намеревались протянуть нефтепровод до г. Чердыни, откуда нефть в наливных судах можно было транспортировать к перегонным заводам. Они попытались заручиться материальной поддержкой чердынского купечества, но тратить деньги на предприятия, не обещавшие верного барыша, старозаветные «гильдейщики» не желали. В итоге компания распалась, а фирму с громким названием «Товарищество на вере А.Г.Гансберг, А.П.Корнилов и К^о» представлял только осаждаемый кредиторами Гансберг. Неподалеку от «избы Сидорова» было построено жилье для рабочих, возведена буровая вышка, позволявшая вести работы круглый год. С этого времени, несмотря на преследовавшие его неудачи, Гансберг накрепко связал свою судьбу с капризной Ухтой...

До начала XX в. царское правительство, натер-

повеяло от нефтяных монополий Закавказья, ограничивало доступ частному капиталу в Тимано-Печорский район. На севере нефтепромышленники могли обследовать недра лишь на небольших участках, приобретаемых у казны за довольно высокую плату на 5–12 лет. Поражение в русско-японской войне, революционные выступления трудящихся расстроили финансовую систему империи. В 1906 г. правительство Николая II было вынуждено для пополнения госбюджета широко распахнуть двери в «область Тиманского хребта» частным предпринимателям. Разыгралась ухтинская горячка. В многообещающий край устремились титулованные особы и бесталанная богема, отставные офицеры и иностранные подданные без определенных занятий. Преобладали же в разноликой, шумной толпе мелкие чиновники. «Опьяненная легкой наживой канцелярская мошकारа,— иронизировал знаток Севера, фольклорист Н.Шергин,— облепила печорский горизонт...» Крупные воротилы в заболоченные таежные дистрикты не спешили, боясь «просадить» в них капитал...

Скупка земель людьми без средств вызвала естественное беспокойство местной администрации. Летом 1907 г. на Ухте побывал вологодский губернатор А.Хвостов, изумившийся затишью вместо расписанного газетчиками «кипения жизни». Навтыкав заявочных столбов, «горе-промышленники» и не думали приступать к изысканиям. С нетерпением следили они, когда у «маньяков» вроде Гансберга ударит фонтан, чтобы втридорога перепродать землю воротилам нефтяного бизнеса. Все это побудило Хвостова отстаивать в правительстве идею северных земств об объединении капиталов казны и деловых соотечественников в Товариществе, способном на крупномасштабное освоение месторождения.

Поддержанные губернатором вологодско-архангельские земцы стали рубить просеку для «колесной дороги» к Ухте от сухоходной реки Выми. Промышленники Центрального и Петербургского районов склоняли вологжан к тому, чтобы магистраль прокладывалась в западном направлении. Уральцы же ратовали за выход дороги на юг, к Каме, для обеспечения жидким топливом волжско-камского флота и металлургических заводов. Примиря соперничавшие группировки, министр путей сообщения С.Рухлов заметил, что вначале нужно доказать наличие на Ухте промышленной нефти, а уж затем прикидывать оптимальное направление железной дороги.

Желающих получить нефть дешевле бакинской было предостаточно, однако от неизбежных издержек уклонялись и пароходовладельцы, и заводчики, и вожаки ярмарочных комитетов Ирбита и Нижнего Новгорода. Единственным актом «общественной инициативы» было появление на ухтинских пьесах отставного подполковника, некоего Ю.Воронова. Кто маячил за спиной и ссужал Воронова деньгами, определить трудно. Формальными ком-

паньонами гвардейца были виднейшие аристократы, но протезировали они ему недолго, так как Воронову не удалось вскрыть нефтеносных пластов. Гансберг был ближе к цели, но и он, скованный безденежьем, приостановил буровые работы.

Между тем газеты, как правило, замалчивавшие объективные причины, изобличали «происки» Нобелей и Ротшильдов, якобы искусственно притормаживавших нефтеразведки в Печорском крае. Министру торговли и промышленности В.Тимирязеву пришлось опровергать распространившиеся слухи о том, что Воронов — тайный агент Э.Нобеля и что последний будто бы подкупил Гансберга. Действительно, в феврале 1909 г. Нобель совершил вояж на Ухту, осмотрел выходы нефти, буровую Гансберга. Но маловероятно, чтобы рижский инженер принял его условия, ибо открытие нефти, которому были отданы лучшие годы и заемные деньги, было для настойчивого Гансберга делом чести, престижа.

Интерес товарищества «Бр. Нобель» к ухтинской нефти, как показывают архивные документы, современники явно переоценивали. Ознакомившись с положением дел на Ухте, многоопытный Э.Нобель понял, что в течение 5–10 лет у его фамильного товарищества вряд ли народится здесь конкурент. Безлюдной, непредсказуемой Тиманской котловине братья Нобели предпочли южную оконечность Урало-Волжской провинции, где к тому времени были выявлены нефтеносные песчаники Уральской и Тургайской областей.

Тем не менее, посещение Печорского края своим нравным «нефтяным королем» насторожило правительство. Ведь земли приунывших от томительного ожидания «столбопромышленников» могли в одночасье достаться претендовавшему на монополию синдикату «Бранобель». Во избежание нежелательной развязки Совет Министров объявил район северного Предуралья площадью 12 тыс. кв. верст «заведомо нефтеносным». Квази-промышленникам, чьи участки находились в заповедной зоне, ставилось условие: либо они приступают к нефтеразведкам, либо в трехлетний срок арендуемые десятины изымаются у них без всякой компенсации. Большинство мнимых нефтедобытчиков, получивших «ультиматум», тут же возвратило казне участки по их продажной стоимости.

Между тем разразившийся топливный кризис заставил деловые и парламентские круги требовать скорейшего освоения недр северного Приуралья. Под натиском октябристско-кадетской оппозиции правительство вновь ухватилось за энергичных частных предпринимателей. В 1912 г. путейское ведомство объявило конкурс на разработку проекта магистрали, призванной ввести в хозяйственный оборот ресурсы Тимано-Печорского края и «вытаскивать» железнодорожные грузы Сибири к Архангельскому порту. Обь-Урало-Беломорскую железную дорогу протяжением свыше 1,5 тыс. верст предполагалось вести на север от Надеждинского

завода (ныне г. Серов) вдоль восточного склона Уральского хребта. В его пониженной части дорога должна была разветвиться: на восток — к Оби (для вывоза сибирского леса, зерна, масла и т. п.) и на запад — расщель надвое нефтегазоносную территорию и выйти через Котлас к Архангельску. Готовность финансирования проектируемой магистрали выразили акционерные общества ряда горнозаводских округов Урала, тесно связанные с банками Петербурга, Лондона и Парижа...

За время изучения трассы, объема грузопотоков будущей «дороги века» на Ухте прочно обосновалась бакинская фирма «Русское товарищество Нефть», выкупившее участки первоначального компаньона — АО «И.Н.Тер-Акопов». Родившаяся еще в 1883 г. трехстепенная фирма постепенно набирала вес. С крепким орешком не совладали ни Нобели, ни владыка транснационального концерна «Ройял Датч Шелл» Генри Детердинг. Живучесть «Нефти» обуславливалась тем, что держателями ее акций наряду с русскими выступали французы. Международным был и состав правления, в котором не последнюю роль играл ставленник парижских банкиров Адриен де Фурту; с другой стороны, патронировавшееся фирмой Камско-Сибирское нефтепромышленное АО возглавлял небезызвестный Морис Верстрат, променявший дипломатическую карьеру на менеджерскую.

К 1916 г. «Русское товарищество Нефть» (точнее, русско-французское) подчинило себе АО «Океан», Бакинское нефтепромышленное общество завладело солидным пакетом акций АО «Эмба» и превратилось в трестовскую монополию с совокупным капиталом около 100 млн. руб. На ее ухтинских буровых было занято до 4 тыс. рабочих. Бурение полутора десятка скважин осуществлялось с применением новейшей техники, под руководством американских специалистов.

Наличие крупных запасов нефти в Ухтинском районе не вызывало сомнений у обследовавших его геологов. Мешали промышленной добыче «черного золота» два обстоятельства: малонаселенность территории и бездорожье. Неслучайно Обь-Урало-Беломорскую магистраль железнодорожный департамент рассматривал как первоочередную. Министерству земледелия предписывалось в кратчайший срок увеличить количество переселенцев из малоземельных губерний в Коми-зырянский край, где можно было выращивать рожь, картофель, а на пойменных лугах разводить скот.

Детердинги и Рокфеллеры с тревогой следили за тем, как в самом центре России, вблизи от мест потребления «раскупоривается» еще одно подземное нефтяное море... Но грянула Первая мировая война, за нею революция, и близкие к реализации проекты, сметы так и остались на бумаге. Наркомы советской эпохи по велению обожествляемого вождя единым махом «заселили» Тимано-Печорский край узниками ГУЛАГа. На костях великомучеников были воздвигнуты рабочие поселки и города, железные дороги к Инте и Воркуте, проложены сверхдальние трубопроводы. Но в раскрытии этого нового сюжета коротенькой новеллой не обойтись...

Победить терроризм – не значит уничтожить террористов

С апреля 1866 года, памятного внезапно прогремевшим выстрелом Д.Каракозова, неудачно покушавшегося на жизнь Александра II, и до июля 1918 года, когда Ленин и Свердлов санкционировали расстрел семьи Николая II, а затем провозгласили общую политику классового «красного террора», полвека российской истории было окрашено в кровавый цвет революционного терроризма. За это время жертвами террористов стали 17000 человек.

Терроризм и сегодня остается одной из главных трагедий человечества; в последние годы темпы роста террористических действий на территории России заставляют вспомнить о русской смуте начала XX века. Нас всех волнует проблема терроризма, потому что она стала частью реальности, от которой нельзя спрятаться. А это означает, что мы обречены понять это явление. У нас просто нет другого выхода.

Террористические акты стали совершаться в невиданных доселе масштабах: взрывы в Буденновске, Волгодонске, Каспийске, Москве...* Волна терроризма, захлестнувшая нашу страну в последние годы, заставляет еще раз заглянуть в то универсальное зеркало, каким является история. Она, как известно, имеет обыкновение повторяться. Тем важнее усвоить ее уроки.

Вообще слово «террор» (от латинского terror – страх, ужас) означает «устрашать», «запугивать». Именно это обстоятельство и определяет террор как особую форму политического насилия, характеризующуюся жестокостью, целенаправленностью и кажущейся эффективностью. Эти особенности предопределили широкое использование террора на протяжении человеческой истории в качестве средства политической борьбы в интересах государства, организаций и отдельных лиц.

Причина террора кроется в возрастании кризисных явлений, неспособности государства регулировать сложные социально-политические процессы, быстрой смене систем человеческих и политических идеалов и ценностей, в подключении к ак-

тивной политической жизни широких масс населения, лишенных политического опыта. В результате активизируется стремление использовать слаботи общественной и государственной системы и проложить «кратчайший» путь к поставленной цели, каким представляется путь насилия, путь террора. Центральным элементом террора является террористический акт, который, даже если он преследует далеко идущие цели, привлекает внимание общественности и государственных органов к конкретной политической проблеме или ситуации и имеет в качестве своей непосредственной задачи похищение политических деятелей или их убийство, получение денег, специальных материалов, оружия, словом, очищение дороги для реализации идей, которые должны привести к всеобщему благоденствию.

Почему именно в России терроризм принял столь широкие масштабы? С одним выводом, к которому пришли историки еще до Октябрьской революции, можно вполне согласиться – незавершенность реформ. В переходе к террору сыграли роль несколько факторов: разочарование в готовности народных масс к восстанию, пассивность большей части общества, желание отомстить за преследование со стороны правительства, несовершенное политическое устройство России и персонификация власти. Отсюда стремление подтолкнуть историю, ускорить ход исторического процесса.

Можно ли избежать кровопролития? Неужели нельзя обойтись без жертв? Зло порождает зло, карающее не только носителей этого зла, но и их потомков, не оценивающих старое зло как зло. Историческое преступление не остается безнаказанным для потомков, если их совесть о нем молчит. Кто знает, может быть, сегодня мы, потомки, расплачиваемся за грехи наших предков. Свидетельством тому служат террористические акты, совершаемые по всей территории России.

Что же такое революционный терроризм? Героизм или преступление? Убийство ни в коем случае не является выходом из тупика. Убийство – это вопиющее нарушение нравственных и моральных норм человека. Борец за справедливость, за граж-

* Статья была написана до трагедии в Беслане. – Ред.

данские и политические свободы, за мир, убивая, сам становится частью того произвола и несправедливости, против которой он борется. Нельзя построить мир честных и свободных трудящихся на крови людей. Кто дал право человеку распоряжаться судьбами пусть даже самых последних негодяев и разбойников? Отнять жизнь у человека — значит, лишить его всего, что у него есть. Это высший суд. Убивая, человек превращается в монстра, он теряет все человеческое, что было в нем от природы. А ведь именно духовное обнищание личности сделало возможным террор в таких масштабах.

Разумеется, история не судья кому бы то ни было и чему бы то ни было. Она лишь раскрывает перед нами страницы былого. Чтобы мы, потомки, больше узнавая о минувшем, могли делать собственные выводы о происходящем сегодня. История былых времен должна учить всех нас. Важно лишь правильно воспринять ее уроки.

Мы провели опросы на тему современного терроризма. Респонденты — люди разных возрастов, разного социального положения, разных взглядов.

Так, например, был проведен социологический опрос старшеклассников Орджоникидзевского района города Екатеринбурга, и их ответы были сопоставлены с ответами московских школьников. Старшеклассникам были предложены пять точек зрения, отражающих отношение к событиям, произошедшим 23 октября в Москве (захват террористами «Норд-Оста»).

Правительственная точка зрения. Ее последователи считают, что штурм ДК был адекватен действиям террористов, поддерживают идею самого штурма, его ход и последствие. Ее придерживаются в Москве 13,59% респондентов, в Екатеринбурге — 23,52%.

Нацистская точка зрения («славяно-фашизм»). Ее последователи не только считают, что русская нация превосходит по тем или иным критериям другие нации, но и ратуют за физическое уничтожение или изоляцию всех нерусских. В Москве этой точки придерживаются 21,14% респондентов, в Екатеринбурге — 18%.

Националистическая точка зрения (национализм). Ее последователи считают, что русская нация превосходит по тем или иным критериям другие нации, но они не призывают к физическому уничтожению последних, хотя и считают полезным ограничение гражданских прав нерусских. Их поддерживают 16,61% московских респондентов и 11,7% екатеринбургских.

Четвертая точка зрения — патриотическая. Ее приверженцы считают, что действия правительства и соответствующих органов неадекватны действиям террористов, жертв среди мирного населения можно было бы избежать. Граждане России оказались жертвами не только террористов, но и правительства. Представители таких взглядов отстаивают мнение о целостности России и об общечеловеческих ценностях. Терроризм, по их суждению, не

имеет национальности. В Москве придерживаются этой точки зрения 46,8% респондентов, в Екатеринбурге — 35,29%.

И наконец, одобряющая точка зрения. Ее последователи одобряют теракт как средство борьбы против государства за свои права и свободы, в том числе и за национальные приоритеты.

Приведенный выше опрос и статистика, полученная в ходе анализа, говорят о популярности в Москве ультраправых (нацистской и националистической точек зрения), в Екатеринбурге — нацистской и правительственной.

В воззрениях старшеклассников популярность ультраправых точек зрения в Москве, возможно, связана с проблемой незащищенности человека от терроризма, а также с тем, что в глазах этой группы террорист имеет четкую национальную принадлежность («кавказскую»). Главенствующей точкой зрения была патриотическая — как в Москве, так и в Екатеринбурге. Однако многие ее приверженцы не намерены были солидаризироваться с правительственной версией происходившего. И совсем малый процент респондентов (в Москве — 1,51% и в Екатеринбурге — 11,49%) высказали мысль о том, что действия террористов оправданны — как средство борьбы против государства за права и свободы. По этой точке зрения видны и количественные различия в ответах старшеклассников Москвы и Екатеринбурга. Пожалуй, причиной тому может служить следующее: события, произошедшие 23 октября 2002 года, могли как-то лично коснуться старшеклассников из Москвы.

Другой опрос, связанный с захватом террористами «Норд-Оста», проведенный среди старшеклассников Екатеринбурга, позволил выявить следующее: главными причинами больших человеческих жертв в ходе операции по освобождению заложников явились эвакуация и помощь заложникам (32%), неумеренное применение газа (31%), провокационные действия террористов (23%), неподготовленность штурма (14%),

Следующий опрос был проведен среди жителей Екатеринбурга в возрасте от 18 до 60 лет. В числе причин роста проявлений национализма и межнациональной напряженности в современном мире респондентами назывались: плохие условия жизни (34%), вызывающие действия национальных меньшинств (25%), неспособность властей справиться со всплеском национализма (17%), заинтересованность самих властей в раздувании национализма (12%), национальные предрассудки русского населения (12%).

Победить терроризм — не значит уничтожить террористов. Победить терроризм — значит уничтожить идею терроризма, привести мир к пониманию неприемлемости этой страшной практики.

Может быть, разумнее на первое место выдвинуть борьбу за добро, за любовь. Тогда противоположности добра — злу — не будет места ни в душе, ни на Земле.

КОЛДУНЬЯ

Сказка

Она жила в маленькой избушке, поросшей мхом, возле самого леса. Жила так долго, что старожилы селения Домреми, затерявшегося в лесах на границе Лотарингии и Шампани, затруднялись определить ее возраст. Она уже была старухой, когда их родители появились здесь. Именно потому, что она так долго жила, ее и прозвали ведьмой. Если бы не дым, струившийся из трубы, можно было подумать, что старуха умерла. Каждый день возле ее старого домика собирались дети и громко кричали, готовые кинуться в разные стороны, словно испуганные воробы, если приоткроется дверь: «Ведьма! Ведьма, наколдуй себе молодость!» Но старуха словно не слышала их.

Она не была ведьмой, хотя и в самом деле хотела вернуть себе молодость. Лишь ночами она выходила из своей избушки и шла в лес за травами. Некоторые жители уверяли, что видели ее на

кладбище, окружавшем деревенскую церковь; она ходила, якобы, меж могил, высматривая там что-то. На самом деле старуха ходила к огромному развесистому дубу, растущему у церковной ограды: только у его корней росла вероника, невысокая травка с мелкими голубыми цветами. А ровно в полночь, когда наступало полнолуние, старуха колдовала над котлом с кипящей водой.

Она уже почти отчаялась создать эликсир молодости, когда однажды ночью к ней пожаловал странный гость. Она не слышала, как он вошел, и заметила его только, когда он заговорил с ней.

— Я слышал, ты хочешь помолодеть? — спросил незнакомец, прищуриив насмешливые серые глаза.

Он был совсем юным, лет шестнадцати — семнадцати, почти мальчик, с внимательными глазами человека, умудренного опытом.

— Кто ты? И как здесь очутился?

— Я всегда там, где нужна моя помощь, — улыбнулся молодой человек. — Ты ведь хочешь вернуть молодость? Кинь вот это в воду, и ты помолодеешь. — Он протянул старухе высушенный цветок с ярко-алым бутонem.

— Ты — дьявол! — с ужасом прошептала старуха. — Ты пришел за моей душой! Сгинь, нечистый! — Она протянула руку к кресту, висевшему на шее.

— Лучше не надо, — поморщился молодой человек. — Неприятности не нужны ни тебе, ни мне.

— Так ты правда дьявол?

— Я? — Уточняя, он даже ткнул пальцем себе в грудь. — Не-е-т, я всего-навсего паж. Но его, случается, люди называют именно так. Хотя он сам предпочитает имя Люцифер. Ты знаешь, что значит это слово? «Несущий свет». Вообще вы, люди, дали ему так много имен, что порой я сам путаюсь в них, а уж как вы разбираетесь, ума не приложу! Особенно мне, да и ему тоже, нравится, когда его называют «Утренняя звезда». — Молодой человек бросил цветок

в кипящую воду и помещал вареву. — Вот и готово. Попробуешь? — Он зачерпнул половником жидкость и протянул старухе. — Не бойся, я не хочу отравить тебя!

— А за это ты потребуешь мою душу?

— Зачем она мне нужна? — засмеялся молодой человек. — Мне ничего от тебя не нужно, по крайней мере, сейчас.

— А потом?

— А потом ты станешь молодой и красивой, как была когда-то. Помнишь? Ну, решайся!

— Почему ты делаешь это?

— Просто так, — пожал плечами молодой человек. — У меня хорошее настроение, и я захотел помочь тебе.

— Я не верю тебе...

— Это твое дело. Я же не заставляю тебя снова становиться молодой, ты сама этого захотела, а я просто решил помочь.

— Просто так? И не потребуешь за это мою душу?

— Позабудь об этом! Говорю же — настроение у меня хорошее! Более того, я готов выполнить еще одно твоё желание, только позже. Но если ты не хочешь... — Молодой человек сделал вид, что уходит. — Завтра я тебе этого уже не предложу.

— Постой, я согласна!

Старуха припала губами к половнику и, не отрываясь, выпила все. Молодой человек улыбнулся ей и исчез, будто и не появлялся вовсе.

На слабых ногах она подошла к замутневшему зеркалу и испуганно взглянула на свое отражение. Оттуда на нее смотрела совсем юная девушка, лет шестнадцати — семнадцати, с большими красивыми ярко-зелеными глазами и вьющимися белокурыми волосами.

— Неужели это я? — спросила она сама себя. — Да, это я. Это я! — повторила она, наслаждаясь музыкой своего голоса. — Это я!

Девушка легко, словно птица, сбегала по лесенке и закружилась в неслышном вальсе. А в лучах восходящего солнца отчетливо виднелась Венера — Утренняя звезда.

Мальчик вернулся к своему господину.

— Я выполнил твою волю, Люцифер, — склонив голову, доложил он мужчине, сидевшему на троне, высокая спинка которого была украшена большими рубинами в виде черепов.

— Ее душа еще не здесь...

— Но Люцифер... — Мальчик шагнул вперед, однако мужчина жестом оборвал его.

— Не смей перебивать меня! Я помню наш уговор: если ты приведешь мне чистую юную душу, ты станешь не только моим пажом, но и учеником. Но берегись, если упустишь душу этой девушки! Тогда ты займешь ее место здесь! Ее, а не свое... Ты понимаешь? Надеюсь, ты не забыл забрать у нее весь накопленный опыт и память о прожитом?

— Нет, мой господин.

— Но оставил воспоминание о том, кто помог ей?

— Да, мой господин.

— Это твой первый успех. И никогда и ничего не смей напоминать мне! Подай мне камзол! И поживей, мне не нужен паж-размазня!

Она не знала о нем ничего — ни откуда он пришел, ни кто он такой, но сразу же почувствовала безграничное доверие, лишь только взглянула в его темно-синие глаза. Он назвал себя странствующим муз

ы -
к а н -
том

и в доказательство показал флейту, спрятанную за пазухой.

— А кто ты? — спросил он у нее.

— Люди называют меня ведьмой.

— Нет, — убежденно сказал он. — Ты не ведьма, ты совсем на них не похожа. Может быть, ты ангел, спустившийся на Землю, чтобы помочь людям?

— Нет, — печально улыбнулась она, — я не ангел.

— Жаль, ты очень похожа на доброго ангела. Хочешь, я что-нибудь сыграю тебе?

— Сыграй, — попросила она. — Мне еще никто ничего не играл.

Он поднес флейту к губам и заиграл. Ей показалось, что за спиной у нее выросли крылья, она взлетела над землей и полетела.

— Ведьма! Ведьма! — раздалась рядом злые детские голоса, сбросившие ее на землю. — Не сиди с ней, она ведьма!

Девушка вскочила на ноги, собираясь броситься прочь, но один из детей бросил в нее камнем и попал прямо в лоб. Испугавшись выступившей крови, дети разбежались, а она, закрыв лицо руками, расплакалась.

— Не плачь. — Он вытащил носовой платок из дешевой ткани желтоватого цвета и прижал к ране на лбу девушки. — Пойдем со мной. Правда, я не знаю, где буду завтра... Но тебе нельзя оставаться здесь. Пойдем?

Не отрывая рук от лица, девушка кивнула головой.

— Только не плачь. Все будет хорошо, — прошептал молодой человек, промакивая кровь и вытирая своей подруге слезы.

На следующий день, рано утром, стараясь не попадаться на глаза деревенским жителям, они ушли. Люди, собравшись на холме, долго смотрели им вслед. Какая-то женщина тихо спросила: «А может, она и не ведьма вовсе?» На небе слабо мигнула Венера, то ли соглашаясь, то ли отрицая ее слова.

Они останавливались в недорогих гостиницах, снимая две соседних комнаты, и вечерами он выстукивал ей по стене новые мелодии.

Дни летели незаметно, проходил месяц, а им казалось, что прошло всего несколько дней.

Они считали, что с ними ничего не сможет произойти, что они всегда будут вместе. Беда настигла их неожиданно: спасая в реке тонущего ребенка, молодой человек простудился. Через день он уже метался в бреду, а доктора лишь разводили руками. «Тут может помочь только чудо, — сказал один из них, старенький деревенский лекарь. — Молились за него. Все в руках божьих».

Она не спала ночами, карауля малейшее его движение и слушая бессмысленное бормотание.

— Ну кто-нибудь! — взмолилась девушка. — Спасите же его!

Сзади послышалось негромкое покашливание, и, обернувшись, она увидела своего старого знакомого.

— Ты? Что ты здесь делаешь?

— Ты просила о помощи, — ответил молодой человек с насмешливыми глазами, — вот я и пришел. Я же обещал исполнить твое желание. Помнишь?

— Мое желание? — удивленно спросила девушка. — Нет, не помню.

— Конечно, — улыбнулся молодой человек. — Это было так давно. Так у тебя есть желание? А то я пойду...

— Стой! — попросила девушка. — Спаси его. — Она указала на лежащего на кровати молодого человека.

— Ты просишь для него? Неужели тебе ничего не нужно?

— Спаси его, — повторила девушка.

— Хорошо, только... — Он запнулся.

— Только... Почему ты замолчал? — насторожилась девушка. — Ты не можешь?

— Могу, но это желание не для тебя, поэтому ты должна заплатить за него.

— У меня ничего нет, — грустно улыбнулась девушка.

— Ты ошибаешься. У тебя есть то, что нужно мне, — твоя душа.

— Так вот чего ты добивался! — протянула она.

— Моей души! Я так и знала, что все закончится именно этим.

— Что ж, я не заставляю тебя, и раз ты не согласна...

— Нет, я согласна! Не уходи... Я согласна... — совсем тихо прошептала она.

— Распишись. — Слово факир, он вытащил из пустоты исписанный мелким аккуратным почерком лист бумаги, перо и острую иглу и добавил зловецким тоном: — Своей кровью.

Девушка уколола палец иглой, макнула в выступившую кровь перо и подписала длинный документ, согласно которому после смерти ее душа переходила в полное пользование дьявола.

— Отлично! — ухмыльнулся молодой человек, вытащил из кармана пузырек и протянул девушке. — Дай ему выпить. А мне пора. Прощай, колдунья! — Он прижал левую руку к груди и, скривив губы в усмешке, исчез, будто его здесь и не было.

Девушка откупорила склянку, и комнату сразу наполнил запах мяты и полыни с примесью каких-то неизвестных ей трав. Она осторожно поднесла пузырек к губам молодого человека и вылила содержимое ему в рот. Молодой человек сразу после этого глубоко вздохнул, и на его лбу выступила испарина.

С момента его выздоровления она ни разу не вспомнила о цене, заплаченной за его жизнь. Ни разу до сегодняшнего дня. И сейчас, лежа без сил в постели и глядя на крышу храма Санта Мария Новелла, видимую из окна, она ни на мгновение не пожалела об этом. Дни, прожитые с ним, были самыми счастливыми в ее жизни, и лишь одно печалило ее — там они не смогут быть вместе.

FIRENZE

TOSCANA

Месяц назад он решил показать ей Италию, уверяя, что нет страны прекрасней, а самый лучший город там — Флоренция. Слушая его рассказы, девушка, даже не закрывая глаз, видела эти мощные мостовые, деревянные дома в несколько этажей в богатых кварталах и маленькие уютные домики ремесленников.

Они пришли в Тоскану, и в первой же деревне, где они пытались переночевать, к ним кинулись несколько мужчин, вооруженных вилами. Не зная, что произошло, и не желая этого выяснять у воинственно настроенных жителей, молодые люди поспешили убраться.

Когда до самого красивого города оставалось несколько часов пути, они увидели движущуюся по пыльной дороге длинную вереницу повозок. И слух словно обожгло одним коротким, но страшным словом: чума! Тогда они поняли, почему в маленькой деревне, названия которой они даже не запомнили, их пытались убить. Немногочисленные жители, не убежавшие в ужасе от болезни, открыли свое средство борьбы с Черной смертью — убийство чужаков, чтобы те, не дай бог, не занесли заразу.

Черный флаг, развевающийся по ветру на крепостной башне города, был замечен издали, и все старались подальше обойти проклятый город; они же двинулись против потока к поднятому над ровом мосту.

Перед массивными воротами, еще совсем недавно гостеприимно распахнутыми перед странниками, а теперь наглухо закрытыми, горел огромный костер.

— Зачем здесь развели огонь? — спросил молодой человек мужчину, который подкладывал в пламя ароматические травы.

— Заразу переносит подверженный тлену воз-

дух, поэтому я очищаю и облагораживаю его поднимающимися к небу столбами благовонного дыма: только так можно победить Черную смерть, — пояснил мужчина.

— Глупцы... Это не поможет вам, — пробормотал молодой человек и подошел к воротам.

На его отчаянный стук открылось окошко и показалась красноносая испитая физиономия мужчины. Хмуро оглядев молодых людей, он все-таки открыл небольшую боковую дверь и пропустил их внутрь. За их спиной тут же, неприятно грохнув, закрылась калитка, отрезая возможность покинуть город. Стражник почесал заросшую щетинной щеку, провояжая удивленным взглядом эту странную парочку: менестреля с небольшим заплечным мешком и совсем юную девушку, уверяющих, что они смогут помочь людям победить заразу.

С ужасом смотрела девушка на монотонно скрипящие повозки могильщиков, уныло ползущие по пустым улочкам. Лишь на перекрестке растерянный священник служил мессу для людей, испуганно наблюдающих за ним через щели в затворенных ставнях, да тоскливо перекликалась городская стража.

Они прошли дальше. Юноша знал, что возле храма Санта Мария Новелла есть хороший постоялый двор «Золотой лев».

Они увидели, как женщина умоляла священника исповедать ее умирающего мужа, но святой отец испуганно отодрал от своей сутаны ее скрюченные пальцы и поспешил прочь. Чуть дальше маленький, тщедушный монах, перешагивая через трупы, стучал во все двери, мимо которых прохо-

дил, прося впустить его, чтобы напутствовать умирающих. Но перепуганные жители не открывали ему, лишь в окнах мелькали их перекошенные ужасом лица. «Как страшно все это!» — прошептала девушка, испуганно прижимаясь к плечу молодого человека.

Они прошли мимо канавы, забитой мусором, нечистотами и дохлыми кошками. Он старательно прикрывал ей глаза ладонью, и девушка покорно утыкалась лицом ему в грудь.

Она почувствовала его присутствие, даже не открывая глаз.

— Разве уже пора?

— Просто я хотел напомнить о твоём обещании после смерти...

— Я все помню, — перебила она его.

— И ты ни о чём не жалеешь? — удивился молодой человек.

— Я ни на секунду, ни на мгновение не пожалела об этом, — еле проговорила она и облизнула пересохшие губы.

Он встал, подошел к столу и налил из кувшина воды в глиняную кружку.

— Неужели ты опять поступила бы так же? — спросил он, давая ей напиток.

— А разве это плохо — так сильно любить?

При этих её словах он вздрогнул, как от сильной боли, и на висках и над верхней губой у него появились капельки пота.

— Я знаю, что значит любить больше жизни, — прошептал он.

— Ты? — удивилась она. — Ты, посланник дьявола, знаешь, что такое любовь?

— А почему тебя это так удивляет? — грустно улыбнулся он. — Ты знаешь... — начал было он, но вдруг неожиданно смутился, не договорил, о чём-то задумался и замолчал.

— Ты хотел что-то сказать...

— Ты не поверишь, но я умудрился... Впрочем, это уже не важно... — улыбнулся он, а про себя подумал: «Умудрился полюбить тебя, моя маленькая колдунья». — Да, ты знаешь, все это время мне нравилось наблюдать за тобой. Более того, я поступал не совсем честно и читал твои мысли. — Он почему-то виновато взглянул на неё. — И я ни разу не услышал проклятий в свой адрес, — с удивлением добавил он.

— Я же знала, чем все это кончится.

— Не нужно было вам приходиться сюда. Зачем вы пришли в этот город, зная, что его жителей косит чума?

— Он знал, как помочь им. И я не жалею. Сколько мы успели спасти!

— А себя? Себя-то ты уже не спасешь! — горько произнес он. — Ты чувствуешь, как холодеют у тебя руки? Право, мне очень жаль, но ведь ты скрепила договор кровью. Если бы я мог повернуть время вспять! — воскликнул он.

— Я бы все равно поступила так же, — устало

произнесла она, чувствуя, что силы оставляют её, — и подписала договор.

— Договор, — усмехнулся он. — Почему-то я совсем не рад этому. — И тише добавил: — Странно, но я не могу причинить тебе боли. Мне больно, вот тут, — он прижал руку к левой стороне груди. — Что же со мной происходит? — Но девушка не услышала его, она смотрела в окно. Он тоже посмотрел на улицу.

— Это Венера, — сказала она, заметив в лучах восходящего солнца планету.

— Утренняя звезда, — вздрогнув, добавил он. — Что ж, мне пора.

— Нам пора, — грустно поправила она его и, обернувшись, хотела что-то добавить, но слова застыли у неё в горле.

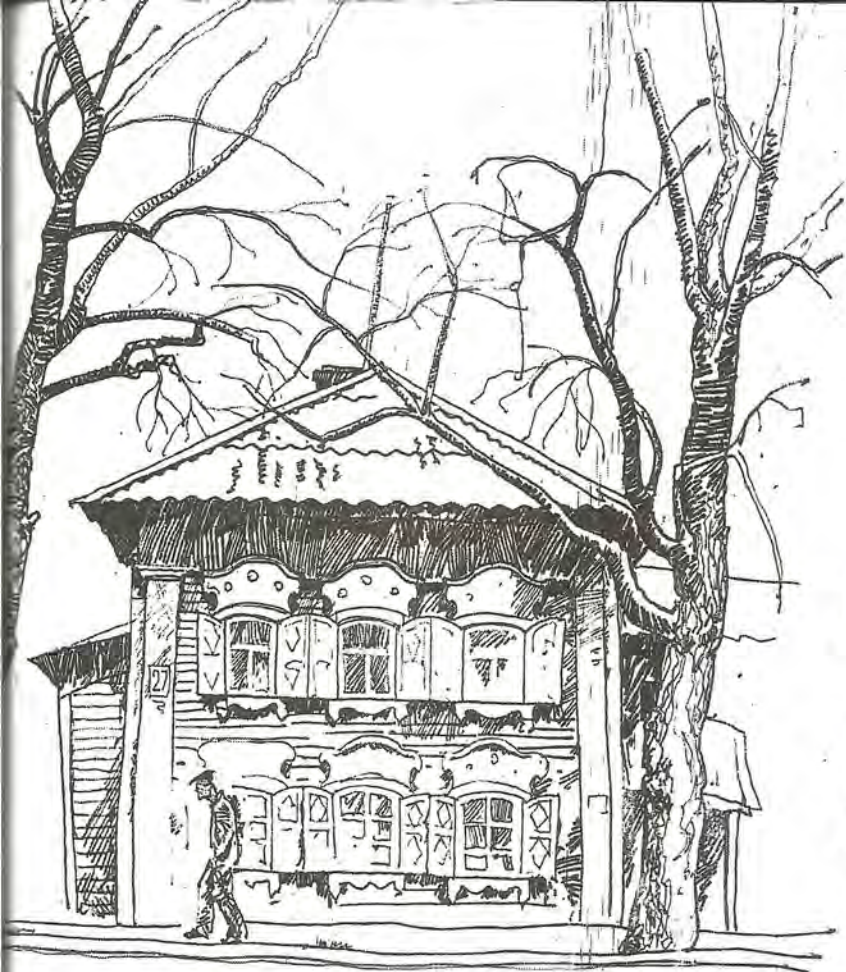
Его не было, он исчез, будто и не появлялся вовсе. И лишь на столе догорал свиток белой бумаги, испещренный мелким аккуратным почерком, с коричневой подписью внизу.

— Но почему? — прошептала она. — Этого же не может быть. Не может быть...

А за окном мигала, будто удивляясь происшедшему, Венера — Утренняя звезда.

Владимир СТРУГАНОВ,
фото автора

Нижнетуринский деревянный дом. Рис. Ю.Хохлявина.

По улочкам Нижней Туры

Не скрою: многие годы соседняя Нижняя Тура меня особо не интересовала, пока в краеведческом музее нашего города Лесного не увидела черно-белые фотографии наличников деревянных нижнетуринских домов, сделанные одним нашим краеведом десяток лет назад. Они удивили. Не скажу, что это были шедевры деревянной резьбы, но я поняла: что-то недоглядела, притом под самым своим носом.

Найдя единомышленника в лице В.В.Струганова, стала периодически вместе с ним наведываться в Н.Туру с фотоаппаратом. Хотелось успеть сфотографировать то, что осталось еще от старой деревянной Туры, ведь с каждым годом таких домов становится меньше и меньше. И стоило только приблизиться, немного приглядеться к этим неказистым, как мне всегда казалось, улочкам, как город преобразился.

Как назывались эти улицы, почти все носящие теперь революционные названия? Сколько лет тому или иному дому и кто жил в нем раньше? И почему эти дома исчезают с такой скоростью?

Ольга Карякина, г. Лесной.

Нижней Туры — 250! Из публикаций о городе известно, что в середине XVIII века по указанию В.Н. Татищева для одного из новых заводов было найдено место на реке Туре, где воды ее протекали у подножия горы Шайтан через огромное таежное болото. Здесь было легче всего запрудить реку, построить плотину, создать мощное водохранилище. В те времена река была главным источником энергии, и механизмы любого завода приводились в движение силой падающей воды. С сооружения плотины в 1754 году началось и строительство на левом берегу реки цехов Нижнетуринского железодельного завода.

Рядом с заводом возникло поселение, первыми жителями которого были крепостные и рекруты из Вятской, Оренбургской и Симбирской губерний.

И хотя Нижняя Тура была практически полностью деревянной на протяжении двух веков из своей 250-летней истории, более или менее обстоятельно рассмотрения ее деревянных домов и старых улиц в литературе до сих пор не было.

В книге «Нижняя Тура», изданной в 1999 году, достаточно подробно рассказано о ближайших селениях, о добыче золота и платины в районе п. Ис, о Нижней

Туре послереволюционной. Что касается сведений о жизни нижнетуруинцев, их домах (в первую очередь тех, что принадлежали местным знаменитостям), городской архитектуре — то этого практически нет. Похоже, не сохранились архивные сведения и об исторических названиях улиц, носящих сейчас сплошь революционные имена. Можно только предполагать, что старейшими улицами являются нынешние Чапаева, Заводская, Советская, Ленина, Карла Маркса, расположенные в непосредственной близости от реки Туры и электроаппаратного завода (бывшего железодельного). К старым улицам города, вероятно, относится и Шихановская, названная в честь руководителя нижнетуруинских большевиков — забойщика Исовского прииска П. И. Шиханова.

Пионерская и Садовая, примыкающие к теперешним Васильевским дачам, возникли уже в советское время.

Не являясь ни историком, ни краеведом, ни даже, собственно, жителем Нижней Туры (живу в соседнем закрытом городе Лесном), решил хотя бы в малой степени пополнить скудные сведения на сей счет или, по крайней мере, дать толчок к их накоплению.

Со слов горожан, в старой части города до революции, параллельно реке Туре, располагались ули-

цы с традиционными для таких поселений названиями, отражающими, так сказать, их содержание. Если на улице жил священник — Поповка, если находился трактир — Кабачная, если улица вела к храму — Церковная. А какие красивые названия — Вересовка, Лазаревка... Из прежних названий сохранились лишь Набережная и Заводская. Улица Чапаева, пересекающая большинство из перечисленных, судя по старинным открыткам, называлась Церковный проулок.

Как стремительно исчезают в Нижней Туре деревянные дома! То ли по причине бесхозности, то ли из-за людской небрежности: они разрушаются, выгорают. А ведь некоторые стояли, пожалуй, не меньше века.

К сожалению, приходится констатировать, что муниципальные органы Нижней Туры практически не обладают историческими сведениями о таких домах, да и не проявляют заинтересованности в этом. Например, удивительно было слышать из уст сотрудника отдела архитектуры: «Мы не увлекаемся историей, нам некогда...» А жаль, ведь строения могут попасть под снос, и среди них, не исключено, окажутся образцы нижнетуруинского деревянного строительства — уж точно — дома, с которыми связаны примечательные факты истории города. Даже если они и не имеют высокой художественной ценности, в этих постройках отражен быт людей определенного времени. Эти дома — результат их труда, их умения, их понимание красоты и удобства.

Кое-какие сведения о деревянных домах любезно предоставило БТИ, хотя самые старые из них датируются только 1918 годом — что вызывает большие сомнения (возможно, в этом году новой властью проводилась лишь перерегистрация жилья).

В Нижней Туре наряду с одноэтажными, немало и двухэтажных деревянных строений. Для тех и других характерно оформление фасадов в основном пропиленной резьбой (изредка встречаются объемная, еще реже — глухая резьба). В качестве примеров рассмотрим лишь некоторые из этих домов.

На улице Ленина (бывшая Кабачная) своим довольно красивым и ухоженным видом привлекает внимание дом № 16. (В книге о Н. Туре здание представлено как памятник архитектуры XIX века). Со слов горожан, до революции дом принадлежал купцам Задворновым. После в нем располагалось управление завода. Потом здание было передано городской администрации, а в 90-х годах минувшего века продано частному предпринимателю. Им оно частично и отреставрировано с изменениями во внешнем облике (не стало окон первого этажа). Фасад украшен ажурной пропиленной резьбой.

Ленина, 16.

Двухэтажный деревянный дом на ул. Ленина, 50 уже, похоже, необитаем: заколоченные досками окна первого этажа, выбитые – на втором, упавший забор... Дата постройки – 1901 г. Когда-то, наверное, был одним из самых заметных домов города. Да и сейчас еще, несмотря ни на что, смотрится добротнее и интереснее некоторых, расположенных по соседству. Резьба наличников выполнена скромно, со вкусом, гармонично сочетается с резьбой карнизов. Через разбитые окна в комнатах можно увидеть лепнину на потолках.

Угол Чапаева-Володарского

Одноэтажный деревянный дом на углу ул. Чапаева и Володарского (бывшая Поповка), дом под номером 25, построен до 1918 года. Принадлежал он нижнетуринскому смешторгу (продовольственный магазин). Со слов горожан, ранее здесь располагался Дом пионеров. До революции в доме жил священник, который позже был репрессирован. Фасад также украшен пропиленной резьбой.

В просторном бревенчатом одноэтажном доме с деревянным навесом над высоким крыльцом с перилами, что по ул. Ленина, 106, сейчас располагается Нижнетуринская центральная городская библиотека им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Построен дом в 1934 году, т. е. в этом году можно отмечать его 70-летний юбилей. Ранее здесь располагалась городская поликлиника. Снаружи здание в хорошем состоянии. Аналогов по внешнему виду в городе, по-моему, нет.

Библиотека На ул. Ленина, 106

Надеюсь, что в связи с юбилеем откроются дополнительные сведения или подробности по истории (в том числе и архитектуре) старого уральского городка.

Акулы реки Тобол

Редко вспоминаешь фразу: «удивительное – рядом, надо только шире раскрыть глаза». И неужели ты, наш дорогой читатель, способен поверить, что в водоеме возле твоего сада когда-то плавали ихтиозавры? А жаль, что не веришь. В нашей жизни бывает всякое...

Как-то не верится - жить на Урале и заниматься дайвингом. Хотя, если посмотреть внимательно на карту, озер и карьеров в нашей области хватает. Что же можно увидеть в них, кроме чистой и прозрачной воды?

Знатoki утверждают, что пресноводные рыбы, многочисленные раки и разнообразные растения – это далеко не все. Времена перестройки и бурного накопления капитала наложили свой мазутный отпечаток. На дне водоемов покоятся угнанные и разукомплектованные автомобили, мотоциклы, тракторы и иное машинное хозяйство. Особое место занимает стеклотара. Ведь у нас как? Давние традиции

пития на берегу активно развиваются и поныне. Погружения в таких местах обычно вызывают у дайверов ностальгию желудка и гастрономический интерес. Но все это становится обыденно уже через пару десятков погружений. По-настоящему удивить здесь наших ныряющих граждан - не просто. Однако возможно все. Одну из таких ярких поездок совершил дайвцентр «Тритон» в октябре 2004 г. на реку Тобол.

Небольшая, неглубокая петляющая речка встретила нас крутыми глинистыми берегами. Многочисленные рыбаки по ее берегам молчаливо свидетельствовали - рыба здесь есть. Наш гид Костя рассказывал, что, кроме рыбы, здесь встречаются и ...кости животных: «река в этом месте промыла поздние породы и обнажила коренное дно древнего материка». Мы были в восторге и с ожиданием думали о том, что же покажет нам дно этой реки. Погружение началось парами, уже под вечер. Пасмурно, моросил дождь, и под водой видимость - не больше

метра. Для подготовленных дайверов этого достаточно. Помню, как сейчас: «Ухожу под воду первым. Из желтоватой воды прорисовывается дно – серая глина вперемежку с камнями. Буквально через несколько метров вижу торчащую изо дна кость. Поднимаю - большой обломок ребра какого-то древнего монстра». Что ж - неплохое начало! Ближе к фарватеру реки – почувствовал течение, которое подхватывает тебя и неумолимо начинает тащить. Не может быть такого на Урале!!! Вот вам и настоящий дрейф-дайв!

Разве могли мы подумать о стольких находках, когда наш автобус петлял по узким улочкам коллективного сада в нескольких километрах от Кургана. Костя говорил, что раньше эти территории входили в состав самого большого в мире океана Тетиса. В нем обитали аммониты - головоногие хищные моллюски. Рядом с аммонитами

Наши увлечения

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

жили белемниты - тоже десятиногие головоногие хищники, ихтиозавр. Все это мне живо припомнилось, когда мой бадди- партнер неожиданно поднял со дна огромный фрагмент позвонка животного. Первая мысль - неужели мамонт? Затем находки стали появляться все чаще и чаще. Приходилось уже всплывать на поверхность и передавать их в сопровождающую лодку. Так продолжалась почти час - дно лодки было всё покрыто экспонатами. В конце погружения стали приближаться к обломкам старинной пристани. Вдруг вижу: через всю реку протянута сеть, в которую меня неумолимо затягивает течение. Отвернуть - невозможно. Сеть мгновенно цепляется за все многочисленное оборудование и начинает не спеша сжимать меня. Правая рука рефлекторно выхватывает с пояса подводный нож. И режу сеть, освобождая с каждым взмахом разные части снаряжения. Боюсь только одного - чтобы сеть не успела вырвать изо рта регулятор. Тогда без воздуха мне придется туго. Но вот натяжение сети ослабло, леска обмякла, я понял - выкарабкался! Выхожу на берег - со

всех элементов снаряжения висят рваные лохмотья сети. Вид хоть и боевой, но комичный. На берегу уже целая гора находок - коричневые и темные кости, челюсти, позвонки, ребра, плечевые лопатки. Дмитрий и Ольга, тоже дайверы, показывают всем свои необычные находки - окаменевшие зубья древних акул! Эти черные и до сих пор острейшие зубы производят настоящий фурор - никто из присутствующих особо не верил, что именно здесь, где течет небольшая речушка среди садов и огородов, когда-то водились эти океанские монстры. Татьяна тут же звонит домой и рассказывает об увиденном маме. Мама охает и пребывает в полном недоумении - что случилось с дочерью, чтобы такое выдумать?..

И правда, смешно вспоминать все наши удивленные лица. Эмоции переполняют. Вновь убеждаюсь: мы живем в удивительном крае!

Под самый вечер последними из воды вышли Андрей Пименов и Евгений Кремлева. Им повезло, наверное, больше всех - они нашли на дне огромный бивень мамонта. «Дрейфуя по течению, в мутной воде мы наткнулись на предмет, напоминавший бревно. Возможно, мы бы и не обратили на него внимания, но бревно было неестественно загнутым и полым внутри. Мы поднялись на поверхность и вызвали сопровождавшую группу моторную лодку, после чего предмет был поднят на поверхность» - вспоминал Андрей уже в Екатеринбурге.

Анастасия НОВИКОВА

ЭВЕРЕСТ ШКОЛА МУЖЕСТВА ЧЁРНОЕ НЕБО

Наблюдательный совет журнала «Уральский следопыт»

О Виноградском,

Ожидая в редакции прихода Евгения Михайловича, я была готова ко всему. Человек, который в пятый раз покоряет Эверест – это уже не просто человек, это легенда. Однако я была поражена до глубины души. Он не выглядит на свои 58 лет!!! Нет! Этот молодой и симпатичный мужчина с мягким прищуром глаз был готов отвечать на самые мои коварные вопросы. Возможно, здесь, на равнине, для него все намного проще и обыденнее...

И НЕ ТОЛЬКО

Эверест, Е.Виноградский и «Уральский следопыт».

В этом году исполнилось сорок лет, как Евгений Михайлович занимается альпинизмом. Он не пропустил ни одного сезона: «Так получается, что каждый год — экспедиция. Один раз не был в горах, когда с Конюховым Федором шел на яхте через океан. У нас было в проекте восхождение, но Федя отказался».

А начиналось все очень забавно, в духе коммунистических лозунгов. На первом курсе медицинского института восемнадцатилетний Евгений увидел объявление: «Альпинизм — школа мужества!». «Не знаю, чем бы я занялся, ни увидь тогда это объявления. Физически был развит: увлекался и гимнастикой, и стрельбой, и тяжелой атлетикой, и на лыжах бегал. Скорее всего, серьезно я бы ничем не занялся. Если не в альпинизм, я бы в туризм попал. У меня были друзья туристы, с которыми я ходил в Полярный Урал. Зимой ходили. Очень серьезно. В тот момент была развилка, когда я один раз в горы съездил, а потом какое-то затишье в секции. Помню, сильно переживал... А затем были первые маршруты, общение с друзьями, песни у костра, палаточная жизнь. Мы же выезжали на тренировки сразу после занятий, в пятницу, и возвращались только в понедельник утром». И опять на занятие — Евгений Михайлович много лет спортивный врач. Эта профессия не один раз помогала Виноградскому выручать своих друзей и членов команды. А сколько было обморожений! Однажды, покоряя высшую точку бывшего СССР — Пик Коммунизма — некоторые из членов команды сильно померзли. «В соседней экспедиции погибла двойка. Наши ребята пытались к ним пройти. Время

потеряли». Виноградского, как врача, доставили прямо в палатку к «померзшим», и он приступил к работе. «Колол уколы, потом им меньше отрезали. Это объективная опасность». Бывает и такое, что спасти не удастся. Высоко, кислорода мало, холод. У некоторых развивается горная болезнь. «Головная боль, тошнота, рвота. Симптомы самые разные. Это уже в зависимости от того, как быстро человек поднялся на высоту. Бывают тяжелые случаи, вплоть до отека легких, мозга — и гибель. На Эверест в последний раз мы взойшли в четыре приема. Это

И правда, какие зарюки могут быть в горах? Помните, как у Владимира Высоцкого: «если сразу не разберешь, плох он или хорош». Образуется закрытое общество. И здесь главное — терпимость, это половина успеха. «И к слабостям и к недостаткам». Ссоры, конечно, случаются. «Организационные моменты, ведь их очень много в экспедиции». В последней, на Эверест, когда маршрут был не проложен — неизвестно как пройти тот или иной участок, что будет дальше, за ним, — группа оказалась на высоте семи тысяч метров без возможности поставить палатку. «Паша С. предложил провести канатную дорогу и на сорок метров уйти в сторону. Мы посмотрели: ну, совсем дикая мысль. Эти конфликты — текущие.

Профессионалы в альпинизме тем и отличаются, что имеют огромную выдержку. Нужно уметь сдерживать свои эмоции». Евгений Михайлович говорил о воле к победе, о том, что в горах очень важно иметь голову на плечах. «Если голова у тебя неправильно работает, ты упреешься: будешь идти, превозмогая боль — и умрешь на пути к вершине. Тоже это не правильно. А вот определить грань... Тяжело-то ведь с первых шагов. Гора же стоит и ещё столетие будет стоять. А если ты сейчас неправильно силы считаешь — друзей подведешь и сам на вершину не попадешь». А вершина — это главное. Первым на неё обычно ступает руководитель группы. Однако случаются и исключения. В последнем восхождении на Эверест первым вступил Глеб Соколов: «Перед вершиной мы остановились, подождали и пропустили Глеба вперед. На Эвересте он впервые». Иногда, случаются, конечно, форс-мажорные обстоятельства. Но где же их не бывает? У альпинистов, например, бытует мнение, что гора сама может «не

помогло акклиматизироваться. Однако был всё же в практике альпиниста Виноградского печальный случай. В Гималаях на спуске один из членов команды, тоже врач, тяжело перенес высоту. «У него произошло состояние, близкое к отеку легких, я пытался ему помочь». Врача звали Юрой. На спуске он погиб.

После, конечно, было ещё много восхождений. И школа мужества пройдена не раз. В Гималаях в 1989 году для сборной страны, в составе которой был и Евгений Михайлович, ставится сверхсложная задача. Пройти Канченджангу, третью по высоте вершину мира, на восьми тысячах метров. «Конечно, было сложно, но команда подобралась очень сильная. Чего там за четыре месяца только не случилось: и снегом нас засыпало (безумные снегопады), и на маршруте невозможно было двигаться, и ветер был такой, что палатки срывало. А однажды ночью уронило транзитную сетку из снега, которая оберегала палатки от разрыва ветренными потоками». Всё же прошли. Прошли и лавину на Ходже Главной, когда ночью на высоте в 7, 5 тысяч метров палатки с альпинистами засыпало снегом. Спасло чудо. У Виноградского ночью край упал, и он окапывал палатку. «Я смог по её верху выбраться и откопать других. Сашу придавило, его полностью распластало. Он мне потом говорил, что дал себе две минуты жизни. Там на самом деле — минуты».

Я смотрела в спокойные глаза этого героя и поражалась. «Тут уже бояться нечего, — продолжал он, заметив моё изумление. — Глеб, тоже из той команды, говорит, что вообще сознание потерял. Главное, все живы -здоровы. Помню, когда спустился, меня спросили: «Не собираешься завязывать с альпинизмом?» Я — реалист. И никогда себе не даю никаких зарюков».

пускать» человека. На одном из «восьмитысячников» в Гималаях Евгения Виноградского постигла такая участь. «Мы работали уже полтора месяца — хотели проложить новый маршрут, но очень тяжело шло». На том пути их не раз засыпало и срывало палатки, приходилось снова топтать дорогу. Уже около самой стены — началось: жуткие снегопады, лавины. «Мы чувствуем, что если ещё немного здесь задержимся, нас просто снесет». Естественно, группе пришлось спускаться. Метет пурга, полное отсутствие видимости. «На веревке висишь, смотришь — посыпало. Прижался. Через тебя снег — река течет, и ты думаешь: сорвет, не сорвёт». Затем острый гребень и ненадёжная страховка. Это потом, отсидевшись несколько дней в базовом лагере, у группы возникает идея предпринять еще одну попытку. И вновь около второго лагеря небо темнеет. Полностью все сначала. «Ну, нельзя. Не пускает гора, значит так и надо».

Однако, несмотря на это, НАДО. Все же есть люди, которые раз за разом собираются на равнине, чтобы покорять вершины. «Достигать наивысшего результата, проходить самые сложные маршруты и прокладывать новые. Быть первыми там, где до тебя никого не было». К этому прибавляется холодный простор ледяного могущества и неподкупаемая простота, спокойствие всего сущего и единение с природой. «Здесь каждый находит своё. Меня увлекает сам процесс экспедиции, жизнь, работа на маршруте. И очень здорово, когда спускаешься вниз. Рассказываешь друзьям, как ЭТО было... Рвусь в горы, а оттуда — к друзьям». И только в горах бывают «такие краски, закаты и восходы; абсолютно черное небо». Он улыбнулся мне ещё раз прищуром своих глаз и добавил: «Главное, не забывать про здоровое чувство самосохранения». На том и разошлись.

Фотографии предоставлены Е.Виноградским.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Редакция «Уральского следопыта» от лица своих читателей поздравляет Евгения Михайловича Виноградского с днем рождения!

Хроника первого восхождения на Эверест по северной стене, 2004 год

25 февраля — отъезд в Гималаи.

26 февраля команда через Катар прилетела в Катманду

1 марта. Катманду.

Только вчера к 5 часам вечера пришли все грузы. В Катманду +22+24 С.

14 марта.

Первая группа в составе: Павла Шабалина, Ильеса Тухватуллина, Андрея Мариева, Юрия Ермачека, Николая Жилина поднялась (для акклиматизации) на вершину Ама-Даблан. Вторая группа находится в лагере на высоте 6200 м. Погода плохая.

15 марта.

Вторая группа в составе Петра Кузнецова, Николая Чёрного, Владимира Архипова и Глеба Соколова поднялась на вершину Ама Даблам.

7200, освободили верёвки от снега, поправили палатку и переночевали».

9 мая.

Группа «Сибирь» (Петр Кузнецов, Евгений Виноградский, Глеб Соколов, Владимир Архипов) благополучно спустилась на отдых в базовый лагерь. В тот же день их увезли для полноценного отдыха в пос. Джомолунгма, в «зеленую зону». Там по плану группа пробудет 4 дня

13 мая.

Группа «Сибирь» (Петр Кузнецов, Евгений Виноградский, Глеб Соколов, Владимир Архипов) вновь отправилась наверх. Провешано еще 3 веревки на 8000 метрах экспедиции. До штурмовой отметки еще 500 метров вертикальных скал!

17 мая.

Группа Паши Шабалина спустилась на отдых в базовый лагерь. ... Вчера в 16 часов по местному времени со стороны классического маршрута кто-то сбросил пустой кислородный баллон, который чудом пролетел мимо ребят, никого не задев. Сегодня в 6 утра история повторилась...

22 мая.

С 19 числа погода просто дрянь. Группа Кузнецов-Архипов-Соколов-Виноградский спустилась вниз, так как наверху работать невозможно: видимость 40 метров, и снег повалил. Синоптики обещают небольшое улучшение погоды, начиная с завтрашнего дня. Если завтра погода хоть немного улучшится, то группа Шабалина утром выходит наверх.

29 марта. Тибет. Завтра выезжаем на «джипах» и надеемся прибыть в базовый лагерь. Груз следует за нами на трёх грузовиках, какое-то время потребуется на оборудование базового лагеря — примерно 2-3 дня.

В Тибете утром 28 марта произошло землетрясение. Сила подземных толчков достигла 5,8 по шкале Рихтера

Достаточно холодно, на высоте 6200м температура около -13—15С°, на 6900м уже -19С°, сегодня ветер 6—8м/с. Погода радует. Но примерно один раз в четыре дня дуют сильные ветры, приходится даже держать палатку.

От группы Ермачека пришло сообщение: они упёрлись в сложные скалы, ищут возможность для ночёвки. Впечатления от стены: сланцевые ступеньки наоборот, гладкие, скользкие, организовать страховку невозможно, ненадёжно, неприятно.

14 апреля. Базовый лагерь. 21-30 по местному времени.

Виноградский: «Наш путь лежит прямо по центру, чуть левее висячего ледника. Одна из проблем сейчас в том, что где-то на 6900 надо ставить лагерь, а места под него нет в принципе. Другая проблема состоит в сильном ветре и пылевых снежных лавинах, а когда днем пригревает солнце, то, бывает, и камни летят»

5 мая.

Руководитель экспедиции Виктор Козлов передаёт:

1-го, 2-го, 3-го на стене никто не работал: был очень сильный ветер, который не позволял работать. Сегодня погода более-менее наладилась, сейчас на стене работает группа Пети Кузнецова (группа «Сибирь»: Евгений Виноградский, Глеб Соколов, Владимир Архипов), вчера они поднялись на

осталось совсем мало, т.к. 4 июня экспедиция сворачивает базовый лагерь... Муссон близко, но пока погода позволяет работать на высоте!

Еще из разных источников известно, что высотные шерпы отказались идти выше 7400 после того, как один был травмирован, но после помощи от доктора Бычковского смог самостоятельно спуститься вниз. Эти два дня группа Кузнецова занималась еще и заброской кислорода в высотные лагерь. Николай Жилин вновь спустился на отдых,

а Юрий Ермачек завтра выйдет наверх.

30 мая 2004. Сегодня в 10-00 (по местному времени) на вершину Эвереста по новому маршруту — центру Северной стены — поднялись Павел Шабалин, Ильяс Тухватуллин и Андрей Мариев!

31 мая 2004.

Сегодня в 9-15 (по тибетскому времени) на вершину Эвереста поднялись Петр Кузнецов, Глеб Соколов и Евгений Виноградский! ПОЗДРАВЛЯЕМ!!!

1 июня 2004.

Все восходители вернулись в базовый лагерь. Экспедиция завершилась.

24 мая.

Погода улучшается. Группа Шабалина начинает работу наверху. Виноградский уточняет, что еще одну веревку провесали выше 8400. На 8200 стоит лагерь — сделана площадка. Завтра Группа Кузнецова выходит в лагерь на 6200. За ними пойдет Кошеленко...

29 мая. Группа Шабалина вчера ушла «в отрыв» с маленькой палаткой. Достигли высоты 8600, там сложные скалы, провесили одну веревку. Если группе Шабалина не удастся выйти на вершину штурмом из лагеря 8600, они должны будут спускаться вниз совсем — с 25 числа они работают выше 8000 метров, ночь на 8300, две ночи на 8600! А группа Кузнецов—Соколов—Виноградский завтра поднимается в лагерь 8600, минуя 8300, и 31-го тоже делает попытку штурма вершины. Времени

Стародубцева Наталья Сергеевна родилась в 1979 году в городе Шимановске Амурской области. С 1986 г. живет в г. Нижний Тагил. Закончила филологический факультет НТГПИ. Печаталась в местных, областных и российских изданиях, лауреат всероссийского литературного конкурса «Дебют» в номинации «Поэзия».

* * *

На севере пить чай. Там ветер треплет юбки.
На севере печаль в заснеженных глазах.
Когда бы не тонуть на полусгнившей шляпке,
На севере б грустить и путаться в словах.
А я еще плыву летального исхода,
И черное пальто стоит на берегу,
Дыханье затая... хорошая погода...
Не выходи, Гайдэ, останься где-нибудь.

Второе стихотворение о метро и пальто

Я буду с тобой драться так,
Как будто бы слева другое слово.
Я буду убийцей, а ты — так
Понятно. Но ты будешь ты — снова.
Мы сядем в метро: ты — в пальто, я —
Как будто бы справа другое имя.
Ты будешь убийцей, а я — я.
Мы выйдем другими, но мы. Или

Мне тяжело видеть море таким нелепым.
Ты — фотоснимок. На берегу чаек —
больно глазам - видеть. И мы лепим
тонкие домики с запахом пусть чая. К
нам приходили они и несли вишню.
Ты закрываешь халат, а зимой, дома,
все заметет от меня до тебя. Вишню
будет смеяться над нами, надна... Дома
ходят трамваи, ты знаешь. Зимой хуже.
Было бы легче, если бы мы были:
Ты — фотоснимок, а я — только я. Ну же,
Сделай хоть что-нибудь — я не могу. Или

Мы выйдем убитыми. И () так
Воздух окажется нам ненужным.
Ты будешь чувствовать себя — никак
А я буду чувствовать себя Лужиным
(филологическое образование, видишь ли)

* * *

Арочный вздох парабол длиннее пули,
Киндер латает снег и глотает полднем,
Пользуясь тем, что бабайки давно уснули
И не считают жертв по-японски в столбик.
Через дорогу сны промерзают — в кожу,
Меньше бутылок, воздух почти несносен,
Мы начинаем есть уже то, что ложат.
Все (.) потому что так, а совсем не осень.

* * *

Тема упряма, как дура (у, прямо как дура):
Можешь схватиться за гвоздь, коли стены не носят,
За толкование поз, если это фигура
Женская, т. е. не шахматная, т. е. вовсе
Необъяснимая.

Можно выйти на улицу — с шармом,
Выкатить бочку вина загадочному другу.
После — убить его.

Видеть свой точный, со шрамом,
Профиль в трамвайном окне, уходящем по кругу.
Можно не видеть,

но выдержать слог — непременно,
И становиться прозрачней и злей, как китайцы,
Чтоб разгрызть, словно яблоки, верные вены,
Переплетенные между собою, как пальцы.

* * *

Алоэ. Нити ливня. Навсегда.
Ты враг мне. Ну и пусть. Ты угадала
Исход, уход и ливни. Ты — когда
Я вне тебя: порезы и оскалы
Бумажные (тьфу-тьфу). Тебе легко,
Сжимающей колени, то ладони.
Твой саван — лабуда и молоко,
Проросших злаков ничего. Мы тонем,
Располовинясь, рassiамясь. Раз
Уж — ничьи, допытываюсь: ровней
и не были?
С похмелья пили квас.
Забыла все уже, - и мне — не вспомнить.

* * *

Замочных скважин только вздор, а так —
 Незлая неподсмотренность пейзажа,
 Прикольные неверности, folk-лажа,
 Соленые развалины атак:
 Уснувший город в точке 2 а.м.,
 Где ты никак не хочешь вспомнить номер
 Моей квартиры. Девушка! I am —
 Почти живая, и никто не помер
 Из тех, кого ты не — скажу — куда.
 Когда я говорю: такой-то город,
 Ты видишь снег и здание суда,
 Не знаю, почему. Ты ищешь повод
 Оставить местность телефонных поз,
 Разбитых бирок и торговых марок...
 Я здесь — убить тебя. Угу. Всерьез —
 Писать тебя, легко и без помарок.

* * *

Ведь не пугают вещи про смех и запах.
 Контурный остров выжил, а я простыла.
 Осень не старит, пред-почитая плакать.
 Мне же — искать дорогу, п.ч. забыла.
 Всех геодезий карт оказалось мало.
 Меридианы лопнули, запад длится.
 Пишешь на лево, а точки уходят прямо,
 Не по-китайски, т. е. Мои границы
 Тоже не раз нарушены были, детка,
 Ты поправляйся, завтра поедем в город
 Пить лимонад и печалить собой проспекты.
 Я забираю имя твое как довод.

* * *

То в небе, то в лужи — какая баня:
 Я тебя ненавижу, ты — ищешь меня глазами
 Ты — соскучившись в стельку,
 а я — расстилать другому:
 Вымирающий, что ли, вид ни в какую кому
 Не впадающих. О, и не голос, ни рук — я знаю —
 Сigaretная дрожь,- до бретелек тебе родная,
 Ничужое дитя, не мое, улыбаясь нежно.
 Ничего, кроме памяти: бережно и безбрежно.

* * *

Это - когда ни к чему не присобачишь начала,
 Взглядом на голый перрон выйдешь,
 шатаясь как вот —
 что получилось. Итог: «я» тут совсем одичало,
 переломав каблук, «ты» превратилась в живот.
 Завтра — каникул и слез — очень.
 Не холодно, ведь и
 «мы» не бывает уже. Мама, прости, если что.
 Ногти кусая, а там, дома, хорошие дети
 Ходят любить во дворе и не теряют пальто.

* * *

Бедный Эдгар Аллан По,
 Головой качая,
 Угорает нынче по
 Коньяку и чаю.

Нитакой себе он враг,-
 Лучше пистолета:
 Завтра кончится табак
 И начнется — нету.
 Если хочешь — умирай,-
 Повторило слово.
 Тишина стоит как край.
 Ничего — такого.

1

Я не знаю, прости,-
 ты — молчишь,
 киллер — сдох, стипы — ноль,
 Провода околели в своем электрическом сне.
 Сколько стоит зима,
 проведенная вместе с тобой,-
 Никаких институтов, «газелей»: бумага и снег?
 Говоришь, мы замерзнем,
 поскольку горячей воды,
 Отопления, света, а также желания нет.
 Я пойду торговать курагой, несобой от булды,
 И мы купим вина и, возможно, тебе сигарет.
 Я во вторник умру, так как март и не хватит у. Е.
 Офигевшие дети орут и взрывают почтамы —
 ты не будешь звонить! Я забыла — ушла, не поев
 И не тронув тобою придуманный чай... ярытам.*

* ярытам (татарск.) — люблю

2

Ты собираешь манго или мне
 Так кажется? От пива ноют точки.
 Там — распускают волосы и строчки
 Пока не строят, п. ч. нет.
 Там в окна дышат: ждут, когда уйду,
 И выжигают нежности на коже,
 Даваясь на брудер — что? Одно и тоже
 В бесячем там: истерики во льду.
 Там водку жрут. Там север. Я не дам,
 Чтобы они твои сожрали манго.
 Я тьма над голубым Ян-тце-Киангом.
 Я черный плащ. Я дура... ярытам.

3

Когда ты чиркнешь плавником
 и нарежешь воды,
 Блестя каблуком как гудбай — эти —
 левые — груди! —
 Дешевой кофейни тебе и блондинок на блюде,
 А я — отстрелялась. Пока. Загибаю следы.
 И — не досчитаешься окон в зрачке или дам —
 С утра разбредемся
 в трамвайном углу непочтений:
 Вас можно? — Возможно. А на фиг?
 И сам себе гений
 Бодяжить полночное. Как тебя там...
 ярытам.

Пока живу — надеюсь, или СУДЬБА ОФИЦЕРА

Ныне не только краеведы и члены генеалогических обществ, но и простые граждане начинают всерьез заниматься поисками своих предков и стучаться в двери самых различных учреждений и архивов. Мне довелось познакомиться с работницей одного из местных ВУЗов. Ее фамилия... (впрочем имя и фамилия не имеют никакого значения в моем рассказе — это ее просьба). Она поведала мне эпопею своих генеалогических поисков.

В своем раннем детстве она застала в живых свою прабабушку, чистокровную полячку, уроженку бывшего Царства Польского, входившего в состав Российской империи, к тому времени вдову с почти 50-летним стажем. Она всю сознательную жизнь прожила в России, среди русских, мужем ее был русский офицер, но она так и не выучила как следует русский язык и даже в преклонном возрасте говорила с заметным польским акцентом. Рассказывала о прошлой жизни, а о своем муже, прадедушке героини нашего рассказа, сказала, что погиб на войне и был очень храбрый офицер. И только значительно позже, когда за лишнее сказанное слово можно было уже не опасаться, она узнала правду, ту немногую правду, которую знали ее родители.

Ее прадед — активный участник Русско-японской войны 1904–1905 годов, герой I мировой, был выдан своими соседями — приверженцами новой власти, схвачен и вскоре расстрелян красными. Случилось это в 1920 году. От него осталась

одна фотография, где он снят в солдатской форме с несколькими боевыми наградами на груди, полустертая карандашная надпись на обороте и... память.

Наша героиня решительно толкнула двери тех самых «компетентных органов», которые знают решительно все и обо всех, в том числе давно ушедших. Поначалу, узнав, что прадед был расстрелян в 1920 году, с ней и говорить не хотели: шла Гражданская война, и никаких приговоров не составляли — вывели за околицу и шлепнули как классово-чуждый элемент, в лучшем случае зарыв на глубину штыка саперной солдатской лопаты, а чаще всего бросив просто так...

Но настойчивость просительницы, как ни странно, привела к самым неожиданным результатам. Вняв ее настойчивым просьбам, криминалисты сумели прочитать почти всю полустертую надпись на обороте фотографии, и это придало ей силы в дальнейших поисках. И оказалось, что расстрельное дело было, сохранилось и больше 80 лет лежало в пыли архива и ждало своего часа и своего кропотливого и равнодушного исследователя.

Она как-будто перенеслась в то уже далекое и безжалостное время русской смуты, последствия которой не изгладились до сих пор.

С душевным трепетом она перелистывала страницы. В деле оказались: донос, написанный корявым, малограмотным почерком, несколько

протоколов допросов, краткая биография и приговор. Основным обвинением, которое вменяли русскому офицеру-фронтовику, было то, что у него при обыске обнаружили оружие: его личный револьвер и шашку, винтовку и какое-то количество патронов. Этого было достаточно, чтобы обвинить в контрреволюционном заговоре с далеко идущими целями и решить его судьбу. Сохранился и протокол о приведении приговора в исполнение, аккуратно подшитый к делу.

Но вот тут нашу искательницу ждал большой сюрприз. На последнем листке, подшитом уже за протоколом, оказался потрясающий документ — предсмертное письмо прадеда жене и детям! Ясно осознавая, что его завтра расстреляют, этот человек мужественно и спокойно обращался к своей семье с последними словами прощания. В конце письма была приписка с просьбой передать письмо после его смерти жене.

Но эта потрясающая история, как ни странно, имела продолжение...

Наша героиня, ободренная находками и узнав, что в Москве существует Российский государственный военно-исторический архив, где хранятся документы Русской армии до 1917 года включительно, решила поехать в столицу и продолжить поиск. Откуда ей было знать, что за время Первой мировой в России было произведено в офицеры около 200 тысяч человек, что отлаженный веками архивный механизм в годы этой величайшей войны начала XX века даст сбой, что и Октябрьский переворот, Гражданская война и прочие катаклизмы тоже не сопутствовали сохранению многих и многих архивных дел и послужных списков офицеров... Но поистине — нашей героине способствовала госпожа Удача: послужной список ее прадеда оказался цел и невредим. С замирающим сердцем она держала его в руках.

Ее прадед родился в Зауралье в 1875 году, был призван в армию и успел за долгие годы своей военной службы принять участие во многих боях и походах. Ходил в Китай в 1900 году, усмирять так называемое «боксерское восстание», участвовал в боях Русско-японской войны 1904—1905 годов, многие годы был на сверхсрочной службе на границе империи в Приамурье, потом — в центре России и на самом ее западе. В Царстве Польском, под Варшавой, он перед самой мировой войной и выбрал себе в жены молодую, красивую полячку. Впервые, спустя много лет, удалось точно установить даты рождения прадеда и его супруги, их отчества, забытые за многие годы, и проследить тот поистине боевой и героический путь прадеда от простого малограмотного солдата до боевого офицера.

К 1916 году он имел уже 20 лет выслуги, 8 наград, среди них Георгиевский крест IV степени; очень редкую среди русского воинства награду — немецкий (Баварский) крест за воен-

ные заслуги, полученный в самом начале XX века; серебряную медаль «За поход в Китай», золотую медаль «За усердие» и другие. Он дослужился до самого большого чина, который мог получить солдат — до подпрапорщика, но велико было желание стать офицером. И вот осенью 1916 года с фронта он едет в Киев и пытается поступить в военное училище. Однако возраст (ему уже шел 42-й год) и низкий уровень образования, казалось бы, закрыли ему этот путь. Но, видно, настойчивость в достижении цели у них была в роду. Вернувшись в свою часть после неудачной попытки поступления в военное училище, он подает рапорт по команде о своем горячем желании все-таки добиться офицерского чина. К рапорту прилагал многолетний послужной список, ходатайства начальства, и — о чудо! На самом высоком уровне ему было дозволено, в порядке исключения, «вне правил» (так и написано в послужном списке), без экзаменов и прочих испытаний поступить в Киевское военное училище. Прошло несколько месяцев, ускоренный выпуск, и уже в марте 1917 года при Временном правительстве он наконец-то получил заветные золотые погоны.

Война ранней весной 1917 года еще не закончилась, еще впереди было последнее летнее наступление русской армии на фронте, а потом непобедимая русская армия рухнула, и Российская империя перестала существовать. (Ловлю себя на мысли, что ситуация, спустя столько лет, повторяется...) Большинство офицеров не могли и не хотели признать новую власть. Они вновь взяли в руки оружие, чтобы остаться верным своей воинской присяге, которую дают только один раз в жизни.

Концовку этой истории вы уже знаете. Воистину, пока мы помним человека, он жив!

Рис. Бячеслава Михрюкова.

Особенности организации путешествия на велосипеде

Велосипедный туризм имеет свои преимущества — по сравнению, например, с пешеходным. Во многих местах, где пройдет пешеход, может проехать и велосипедист. Утомляемость у последнего значительно ниже, а скорость передвижения в несколько раз больше. Поэтому велотуристы имеют более широкие возможности в выборе маршрута. При правильной нагрузке, с учетом возраста и физического состояния туриста велосипедные походы доступны и полезны людям самых различных возрастов и профессий.

Наиболее целесообразна численность группы велотуристов — 4–8 человек. Все участники будущего путешествия должны обладать знаниями по сборке, регулировке и простейшему ремонту велосипеда, хорошо владеть техникой езды на нем.

Начинающим туристам следует выбирать маршруты по населенной и менее пересеченной местности с развитой дорожной сетью; для групп, имеющих достаточный опыт, доступны маршруты и более сложные.

Однако при выборе маршрута необходимо стремиться, чтобы почвенные условия (большое количество заболоченных и песчаных участков) не создавали излишних трудностей, климат и дороги были благоприятны для путешествия, а бездорожные участки и участки со сложным, пересеченным рельефом не превышали 10–15% общей протяженности маршрута.

Велосипед как средство передвижения позволяет выбирать маршруты почти с любым рельефом местности и любыми дорогами. Не так трудно небольшие отрезки пути пройти пешком, ведя машину в руках или перенося через встречающиеся препятствия. В зависимости от рельефа местности, погоды и качества дорог группа средней силы за время отпуска может пройти от 400 до 1000 км.

Велосипед легко перевозить на всех видах транспорта. Это дает возможность путешествовать в отдаленных от жительства туристов местах и пользоваться на некоторых участках маршрута железнодорожным, автомобильным, речным или морским транспортом.

Организация движения

В колонне велотуристов головным едет наиболее опытный участник, знакомый с дорогой или лучше других предварительно изучивший ее. Чаще всего это руководитель группы. Он ведет учет пройденного расстояния (по счетчику) и поддерживает установленный режим движения. За ним едут менее сильные. Замыкает колонну сильный, опытный турист. У него ремонтные материалы, инструменты, аптечка. Он следит, чтобы не было отстающих, и оказывает помощь тем, у кого случились неполадки с велосипедом или багажом.

Связь по линии поддерживается установленными сигналами; при вынужденной остановке хотя бы одного участника останавливается вся группа. Во время движения соблюдаются следующие интервалы между велосипедистами: на нормальной дороге — 2-3 м, на полевых и лесных дорогах — 5-6 м, на особо сложных и мокрых участках, а также на спусках — 10-12 м.

После первых 20-25 минут движения делается общая остановка для проверки велосипедов и устранения обнаруженных недостатков в регулировке машины и упаковке багажа.

Привалы в пути, в зависимости от рельефа местности, качества дороги и погоды, устанавливаются разной продолжительности. Если дорога хорошая, местность ровная и ветер не мешает, целесообразно придерживаться такого режима: 27 минут

езды — 3 минуты пешком, 23 минуты езды — 2 минуты пешком, привал 5 минут. Если рельеф местности, состояние дороги и другие факторы заставляют часто сходить с велосипеда, можно двигаться 50 — 55 минут и 5 — 10 минут отдыхать. При сильном встречном ветре время движения пешком увеличивается за счет сокращения времени на остановки. Такие пешеходные паузы позволяют «размять» работавшие члены, восстановить правильную циркуляцию крови, ввести в норму ритм дыхания. Такой активный отдых лучше пассивного отдыха лежа или сидя.

Следует предостеречь от увлечения большими скоростями: они не только требуют больших затрат физической энергии, но и невольно заставляют сосредоточивать все внимание на небольшом участке дороги перед колесом. Все остальное, часто очень интересное, ускользает от внимания велотуриста.

В конце дневного перегона пешеходные паузы можно увеличивать. В описанном режиме движения при скорости езды 12 км/час средняя скорость будет 10 км, а при 15 км/час — 12, 5 км.

В течение 6 — 7 чистых ездовых часов (больше ехать не следует) велотурист без труда может покрыть 60 — 70 км, в благоприятных условиях (ровный профиль, хорошее состояние дороги, попутный ветер) — до 100 км,

В горных районах с сильно пересеченным рельефом и бездорожьем нагрузка на ходовой день не должна превышать 30 — 40 км. Средняя скорость при этом будет колебаться от 5 до 15 км/час. А так как фактическое «рабочее время» составит всего 4, 5 — 6 часов в день, то часовая скорость будет колебаться от 6,5 до 17 км.

Вес багажа не должен превышать 10 кг для женщин и школьников 9 — 10-х классов и 16 — 18 кг для мужчин.

Не менее 2/3 дневного перехода туристы должны проехать в первой половине дня, до большого привала.

Путешествуя в центральных и южных районах, целесообразно придерживаться следующего распорядка дня:

подъем в 5.30-6 часов; 10-15 — минут утрення зарядка, 10-15 минут — туалет; затем завтрак и сборы в путь; дежурные поднимаются раньше и готовят завтрак (лучше приготовить его накануне вместе с ужином, а утром подогреть). Начинать движение не раньше чем через 0, 5—1 час после принятия пищи.

В 11 — 12 часов устраивается большой привал продолжительностью 4 — 5 часов для отдыха, обеда и намеченных мероприятий. Приходится он на самое жаркое время дня.

В северных районах слишком ранний подъем нецелесообразен: еще холодно и все мокро от росы. Из-за этого туристы будут отправляться в путь с мокрыми ногами, мокрыми палатками и вещами. Дневной привал соответственно можно делать короче, а все мероприятия проводить после остановки на ночлег (кстати, летние вечера на севере достаточно светлые, а местные жители в это время свободны от работы). Такого же режима можно придерживаться и в южных районах в пасмурную и прохладную погоду.

Дневной переход следует заканчивать за 1,5 — 2 часа до наступления темноты, чтобы иметь возможность засветло устроиться на ночлег, осмотреть, почистить и, если надо, отремонтировать велосипед, выкупаться или умыться и отдохнуть до сна. Без крайней необходимости откладывать ремонт машины на следующий день нельзя. Как на продолжительных, так и на малых привалах после небольшой разминки нужно заняться велосипедом и лишь потом приступить к еде и отдыху.

Установленные графиком нормы и время передвижения могут быть нарушены из-за проколов шин, мелких, а иногда и крупных поломок велосипеда, неблагоприятных условий погоды. В любом случае без уважительных причин график похода нарушать нельзя, иначе это приведет к тому, что намеченные мероприятия не будут выполнены или для них потребуются дополнительное время.

Через каждые 4 — 5 ходовых дней устраивается дневка.

130 слов от Теплоухова

Теплоухов Александр Ефимович — лесовод и археолог, писатель, родился в селе Карагайском Оханского уезда Пермской губернии 21 августа 1811 г. в семье крепостного господ Строгановых.

Уже с детства он обратил на себя внимание администрации и был определен в школу сельского хозяйства и горных наук, учрежденную в Петербурге графиней Софьей Владимировной Строгановой. В 1830 г. Теплоухов окончил курс школы по горному отделению с аттестатом высшего разряда и в течение четырех лет занимался в Петербургской главной конторе Строгановых. Чувствуя склонность к сельскому хозяйству, Теплоухов попросил разрешения заняться изучением лесных наук в Тарантской королевской лесной академии в Саксонии, на что и получил согласие. По возвращении в Россию он получил дарственную от крепостной зависимости и был назначен в 1839 г. преподавателем лесных наук в школе графини Строгановой.

Для практических занятий по лесоводству Теплоухову предоставили две дачи в имении Строгановых Марьино. Здесь он стал проводить первые опыты применения германской системы лесного хозяйства к местным условиям. Эти опыты описаны им в статьях, помещенных в «Лесном журнале» за 1841-1842 гг. Издававшее этот журнал «Общество для поощрения лесного хозяйства» поручило Теплоухову составить руководство для устройства лесов в помещичьих имениях, которое и было издано за счет общества в 1847 г.

Ученики, занимавшиеся под руководством Александра Ефимовича лесными науками, по окончании школы отправлялись в Пермский майорат Строгановых, производили съемку и таксацию заповедных лесов. Затем Теплоухов уехал в Пермь работать в качестве главного лесничего и члена главного управления лесами майората.

После отмены крепостного права Теплоухов стал главноуправляющим пермским майоратом. Он много работал над опытами по акклиматизации и росту древесных пород в питомнике, устроенном им в селе Ильинском — месте своего постоянного жительства. Наблюдения, сделанные им за время долголетней практики в качестве лесоведа, послу-

жили материалом для многочисленных статей в различных русских и немецких повременных (периодических) изданиях.

К концу жизни Теплоухов стал интересоваться археологией, занятиям которой посвятил все свое время, после того как оставил службу в качестве заведующего майоратом Строгановых. Толчком к этому послужило обнаружение им в окрестностях села Ильинского ямы, наполненной костями и обломками старинной глиняной посуды. С тех пор он отыскивал и собирал на территории Пермской губернии всякого рода древние вещи, из которых у него составилась целый музей. Результаты этих занятий археологией описаны им в нескольких журнальных статьях.

Теплоухов был почетным членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) и Лесного общества в Петербурге, действительным членом Пермского губернского статистического комитета, а также комитета лесоводства при Императорском обществе сельского хозяйства в Москве и Антропологического общества в Вене, членом-корреспондентом Петербургского общества для поощрения лесного хозяйства и других обществ, как отечественных, так и иностранных.

Умер Теплоухов 17 апреля 1885 г. в селе Ильинском Пермской губернии. В «Ученых записках Императорского Казанского университета» (1857, кн. 2) были опубликованы «130 слов провинциальных и технических, употребляемых в Пермской губернии и относящихся до крестьянского хозяйства, лесоводства, горного дела и судостроения», собранных Теплоуховым. Предлагаем вниманию краеведов этот забытый теплоуховский словарь.

Араи — мокрые полосы земли, ложбины, перемежающиеся суходолами, по берегам реки Камы. Они наводняются весенней водой и зарастают обыкновенно ольхой, ивами, березняком.

Бадья — кадочка, иногда с отворяющимся дном, коей из рудников поднимают руду. В варницах соляных: цилиндр из железа или дерева с клапаном на дне, часть рассольной трубы.

Бака — то же, что губа, нарост на дереве, гриб. Из березовой баки делают трут.

Бархоть — большой величины барка или плоскодонное судно, употребляемое для сплава по Каме соли из Ново-Усольских промыслов; величиной меньше лады.

Быки — толстые деревянные горбины, набиваемые снаружи стен судов для прочности их и легкости на воде.

Бык — лось трех, четырех и более лет.

Вискирь — корни сваленного бурей дерева с земляным пластом и назёмом, поднятые вверх.

Владеет зверем собака, когда от природы одарена способностью и приучена отыскивать сохатого по следу.

Волик — годовалый лось.

Венец — часть рудничной крепи (в шахтах), состоящая из 4-х бревенных обрубков, соединенных в виде четырехугольника, с пазами в углах.

Ветренница — щель в дереве; ветренничное, щелеватое дерево.

Галка — головня, кусок горящего дерева, уносимый ветром во время лесного пожара.

Гапиль — верхние венцы на шахте, выше поверхности земли, для удержания внешней воды от стока в шахту; около них набивается снаружи земля в виде вала.

Гарь — обгорелое лесное место, покрытое мелким кустарником с одичалою почвою.

Глаголь, или очеп, жаровец — вертикальный ворот с горизонтально в середине его прикрепленным брусом, по которому подвигается крюк или блок для поднятия тяжести, обыкновенно руды, добываемой из шахты.

Голицы — простые, не обтянутые оленьей кожей лыжи.

Голубник — дрова еловые из сушняка.

Голубняк — на корню засохшее дерево: береза, более сосна, с отвалившейся корой, отчего дерево получает голубоватый цвет и годится особенно на дрова.

Губа — нарост на дереве, из коего делается иногда трут.

Дубравы — лесные покосы, на коих стоят деревья единично и куртинами.

Дуплянка — кадочка, сделанная из дупловатого гнилонутрого дерева осины.

Егер — плохой, чахлый сосняк на сыром месте.

Елань — лесной покос чистый, без деревьев.

Жаровый лес — высокий, прямой строевой лес, в густом насаждении выросший, в противоположность слову бабовник.

Жировать — говорится об оленях или сохатых; жируют, значит, избирают пригодные для пропитания постоянные места, пристанища.

Закавержелое дерево — засохшее, окрепшее.

Закорёнок — комлеватое дерево, внизу толстое, суковатое.

Зверь — выражение у косвинцев на Урале, коим означает лось.

Изгороды — по пермски огороды; бывают следующих родов: чистовой или обыкновенный огород, состоящий из перпендикулярно воткнутой в землю кольев и горизонтально вложенных между них жердей. Шатник — из трех жердей, густо переплетенных тонкими гибкими жердями в вертикальном положении (плетень); вместо кольев ставятся столбики. Тын или частокол делается из толстых, в два и три вершка в диаметре, в одну сажень длиною кольев, вставленных в землю и укрепленных сверху перекладиной, заземленной в поры каждого кола. Косой огород — между кольями вставляются жерди в косвенном направлении. Подпалочный, чистовой огород — с перекладинами, кои укрепляются одним концом на земле, а другим придерживают в выемках горизонтальные жерди. Из описанных здесь изгородей тын и шатник употребляются для загораживания овощных огородов, хмельников, денников; чистовой и косой огород, особенно первый, для огораживания полей и лугов; подпалочный огород делается около вновь расчищаемых в лесу угодий.

Катище — см. плотбище.

Козочик — самка куниц.

Кокора (копань, корга) — еловое или пихтовое дерево, выкопанное с большим корнем в виде крюка, употребляемое как основание при устройстве барок или вообще плоскодонных судов.

Копань (тугунье) — то же, что кокора.

Косой изгород — см. изгороды.

Листопадчик — мастеровой или крестьянин, занимающийся выжегом угля в листопад (осенью) из готовых дров.

Лузан — шерстяная ткань, надеваемая охотниками на плечи от мокра и отличающаяся на заднем конце кошелем (калауз), для кладки съестных припасов или настрелянной дичи.

Лутошка — тонкая липа, с которой содрана кора, обыкновенно для плетения лаптей, а также и для другого употребления в крестьянском хозяйстве.

Лесовать — ходить по лесу за охотой и на звериный промысел.

Матица — дорога лесная, по коей вывозится оследник из мест порубок; поперек сей дороги кладутся жерди в одну и полторы сажени друг от друга.

Матица — главный брус, лежащий по низу и в длину барки, для связи.

Матка — балка в крестьянской избе, которая служит подпорою для потолочин.

Метоватое дерево — двугорбое, имеющее две извилины по своей длине, изогнутое в две дуги.

Наволоки — ровные, низменные места в долинах рек, впадающие в извилины оных.

Наплав — древесина, образовавшаяся по краям раны, произошедшей от сдирания коры по длине дерева.

Нарты — род лыж, отличающихся своею длиною, на которых звероловы таскают за собой провиант во время лесования.

Новина — пашня на расчищенном месте в лесу.

Няры — коты, сшитые из оленей кожи, имеющие на носках загибы сверху, коими привязываются над огнем во время сушки; их носят при лесовании.

Обичка, обвичка, ободок — круг или обод, вынутый из пластинки осинового дерева в сите или решетке.

Огнива — стойки деревянные, коими украшаются стены в шахтах, то есть горизонтальных ходах рудников.

Огород чистовой — см. изгороды.

Огородник — жерди или тонкие бревна, коими огораживают по сторонам дрова в плотях, сплавляемых в Верхокамье и сплавляемых в усольские соляные промыслы.

Озды — толстые бревна, тесаные топором для связи стен барок, обыкновенно числом 6.

Оли — болотистое место, поросшее мелким, худого качества лесом.

Остров — жердь с оставленными до некоторой длины и с заостренными сучьями, устанавливаемая на полях во время жатвы для сушения снопов.

Осек — изгорода из поваленных в виде вала деревьев, не очищенных от сучьев.

Пала — выжигание подсек.

Пальники — места с обгоревшим лесом.

Парма — еловый лес на болотистом, мокром месте.

Пасынок — годовой побег дерева.

Пелева, кукулина — семенные головки льна, оставшиеся после отделения семени.

Пень — бревно не тоньше 14 вершков, вынутое с корнем, образующее на камских судах нос и корму.

Подкурень — помосток на 8 стойках, на коем отдыхают работники для спокойствия от комаров (куреньем).

Подпалочный огород — см. изгороды.

Подполица — пустое место около пола, оставленное под рост травы, которая скашивается, иногда же вместе с паром вытравляется скотом.

Подчерченное дерево. Сдирается кора с толстых деревьев на полторы четверти, дабы оные посохли.

Плотбище — место, куда свозят бревна зимою для сплава (катище).

Покосы, гаревые и дубровные — покосы в лесах, в нагорных местах, на коих стоят деревья и кусты единично или группами, гнездами и даже сколками.

Подсека — срубка и жжение леса для пашни.

Погон — пространство между стенами, внутри коего устраивается конная машина для поднятия рассола.

Пожег — костер горизонтально сложенных дров или бревен, на кои навалена руда для обжигания.

Пожежник — дрова или бревна, употребляемые для обжига руд.

Поносные — большие весла на носовой части судна для направления плава.

Порубни — половины толстых бревен, нашиваемые на барки снаружи у днища, числом 6, для охранения барки от проломов в случае прижатия к берегу.

Поршни — обыкновенные коты (обувь) без опушной, стягиваемые ремнем.

Присады — наносные места, образовавшиеся подле берегов реки.

Плои — рукава Камы, кои только в большеводие покрываются водою. По ним стягивают плоты до места назначения.

Порожник — деревянный помост в варнице, идущий наклонно от дверей к устью подциренной ямы.

Проуга — скважина, прорубаемая в комлях бревен для сплавивания деревянными иглами.

Патерик — бревно в 5 сажень длиною.

Подметины — толстые жерди, подкладываемые под плоты для равномерной кладки и осадки дров.

Путики — ловушки, ямы для ловли оленей и лосей на Северном Урале.

Пыхик — молодой теленок оленя, не старше месяца.

Рогали — ручки у сохи, за которые держит сие орудие земледелец во время пахания земли.

Ромша — кольцо, сделанное из виц, коим соединяются плоты или ставы, чтобы при плаве не расходились.

Ромшить — счаливать между собой части плотов.

Росоха — толстая кривая доска, к коей прикрепляется снизу орало, а сверху рогали.

Росохи сохи (на пермских варницах) — бревна, поставленные попарно, в наклонном между собой положении; верхние концы их соединены перекладом для поддержания желобов, по коим течет рассол.

Рубеж — деревянный брусок, употребляемый крестьянами для означения счета, с помощью нарезки на нем рубчиков при приеме и отпуске материалов.

Резатый — работник обыкновенно из мальчиков или стариков (на заводах), отмечающих число принятой руды или других материалов нарезыванием на деревянном бруске зарубок.

Саблеватое дерево — изогнутое, горбатое, кривое в одну дугу.

Садзвое дерево — выросшее в равномерной густоте, розное, прямое, высокое и мало сучковатое.

Сахирь — жердь, имеющая при вершине сук, коим поддерживаются горизонтальные жерди.

Серповатое дерево — изогнутое, горбатое, кривое в одну дугу.

Ситовый — дряблый гнилой лес; говорится о деревьях переросших и загнивших.

Согры — болотистые места, ключевины в росте.

Созоватое дерево — с красной, гнилой сердцевинной, имеет наросты, не достигает полных возрастов.

Соза — гниль в дереве.

Скалины — пласты березы, идущие на стропила под палубу судов для охранения от течи.

Сколок — небольшая роща среди полей.

Слань — фашинник, считается кубическими саженьями.

Стожар — большой кол, около коего мечут стога (зароды) сена или кладут снопы хлеба в кладухи (клади).

Стеновой лес — лес, стоящий стеной, резко отделяющийся от окружающих полей, лугов и прочих угодий, не имеющий внутри пустых мест.

Сутунок — толстый отрубок дерева в 3 или 4 аршина, употребляемый на оконные косяки, на колеса для тетивы.

Суковатка — борона из еловых жердей, коей боронят на новине и у которой сучья заменяют зубья; она делается около аршина высоты, аршин ширины и полтора длины.

Сухара — сухое, на корню стоящее дерево.

Севачка — деревянный ящик с ручками, у коего дно — решетка для просевки руды.

Сетиво — лубяной круглый коробок с холстинным днищем, из коего крестьяне рассевают на поле зерно.

Седулка — дощечка, приколачиваемая к рычагу рассолодобывающего ворота, к коему припрягаются лошади: на ней сидит мальчик для понуждения лошадей.

Тарай — низменное сырое место, поросшее болотистыми, преимущественно дудчатыми растениями.

Тетива — у водяного колеса наружный круг, в который вделываются водяные ящики (ковши).

Тугунье — см. копань.

Тын — см. изгороды.

Ухватные столбы — по берегам Камы вкапываемые столбы для удержания и прикрепления к ним дровяных плотов во время приплава их в полную воду.

Холуи — заломы или завалы на реках и речках, преграждающие плавание и произошедшие от скопления валежника, колодника, сучьев и проч.

Чистовый огород — см. изгороды.

Шарник — мелкий ельник.

Шатник — см. изгороды.

Швабра — метла из мочала, употребляемая при чистке печных труб.

Шолупина — небольшая трещина в дереве, заплываемая серой.

Шошка — виловатая подпора, которой подпирают стоги сена.

Южак — двухгодовалый лось.

Рис. Вячеслава Микрюкова.

ИЗВНЕ

Два человека в камуфляже и с оружием уже почти целый час блуждали по степи, не встречая ни друзей, ни врагов. Последняя стычка состоялась, когда их группе повстречался отряд таких же, как они, искателей приключений. Тогда им повезло — их командир первым увидел врага.

Но и у противника была пара опытных бойцов, и победа стоила путешественникам жизни одного из товарищей. А до того были и другие сражения, и были потери. На сегодняшний маршрут они вышли впятером, а теперь их осталось лишь двое.

Но уже целый час ничего не происходило.

— Это начинает утомлять, — сказал один из двоих, снимая маску с лица, чтобы напиться воды из фляжки. Молодой парень был лучшим стрелком отряда и считался лидером группы. Ответом ему было лишь угрюмое молчание напарника.

— Делаем привал на пять минут и продолжаем движение, — принял решение командир. — Надо же найти сегодня этот проклятый портал. Иначе целый день зря пропадет и завтра придется все начинать сначала. Оружие держи наготове.

Искатели приключений повалились на траву.

— Это еще что за хреновина? — вдруг спросил командир отряда, указывая в безоблачную голубизну неба.

— Откуда здесь НЛО? — удивился его напарник.

На высоте не более ста метров от поверхности земли мирно плыла самая что ни на есть настоящая «летающая тарелка». В диаметре она была метров двадцать.

— О как, — выразил обоюдное удивление командир. — А ведь неплохо сделано.

— Неплохо, — согласился второй путешественник. — Только что нам делать? Вот как шарахнет она сейчас сверху чем-нибудь лазерно-плазменным. Тогда день точно пропал зря.

— Что делать, что делать. Принцип, я думаю неизменен, — сказал командир вскидывая к небу свой реактивный гранатомет...

* * *

Принтер проглотил бумагу и принялся печатать отчет. Не то чтобы эта бумажка будет нужна во время завтрашнего доклада, но создать вид

серьезности поможет. Надо же убедить людей, что мы целых две недели не просто кормили в лесу комаров. Раз уж ничего материального мы им представить не можем, придется поддерживать интерес публики любопытными рассказами. Впрочем, для тех, кто завтра меня будет слушать, этого достаточно. Все маловерующие уже давно отсеялись и нашли себе другие увлечения. Хотя найти действительно реальное доказательство было бы здорово. Но, наверное, этим счастливичиком буду не я.

От невеселых мыслей меня отвлек телефонный звонок.

— Я разговариваю с Ярославом Лукиным? — после вежливого приветствия поинтересовались на другом конце провода.

— Да, — подтвердил я. — С кем имею честь?

— Мое имя вам ничего не скажет. Я представляю при личной встрече. Если вы, конечно, согласитесь...

Если загадочный собеседник хотел таким образом заинтриговать меня, то он этого добился. Разумеется, я согласился и назначил время встречи.

Склонный к таинственности гость был у дверей моей квартиры точно в назначенное время. Им оказался молодой, очень хорошо одетый человек — типичный представитель менеджеров высшего звена современного российского бизнеса.

— Анатолий Тоссер, — гость сдержал свое обещание, едва я закрыл за ним дверь. — Прежде чем я расскажу о приведшем меня к вам деле, скажите — я имею честь разговаривать с Ярославом Лукиным, руководителем «Центра изучения неопознанных летающих объектов»?

— С одним из руководителей, — подтвердил я. — А в остальном верно.

— Значит, мне дали верный адрес, — сам себе кивнул Анатолий. — Видите ли, хотел бы предложить вам небольшую работу. Вы ведь свободны в течение ближайших нескольких дней?

Гость, похоже, подготовился перед визитом — после экспедиции у меня оставалась почти неделя отпуска. Впрочем, это не секрет.

— Видите ли, я руководитель внутренней безопасности российского филиала компании. «Новый мир». Вам известно это название?

Хоть я никогда не понимал людей, тратящих

время на путешествия по нарисованным компьютерами мирам, вместо того чтобы просто выйти на пикник в ближайший лесок, название фирмы, лидирующей в области виртуальных игр, мне было известно. Реклама делала своё дело исправно — от нее сегодня даже в лесу не спрячешься. Только какой интерес может быть у руководителя внутренней безопасности российского филиала компании «Новый мир» Анатолия Тоссер... а ловцу «летающих блюдцев»?

— Видите ли, на одном из уровней одной из самых популярных наших игр произошло нечто странное, — ответил Анатолий Тоссер на мой незадаанный вопрос. — У нас завелись НЛО...

Утром следующего дня я прибыл в центральный офис российского филиала компании «Новый мир». Он (то есть офис) занимал девятиэтажное здание в деловом центре города и сам по себе символизировал финансовый успех новейших компьютерных технологий.

— Должен вас сразу предупредить, что я действую по своей инициативе, и возможности мои, хотя и велики, но все же ограничены. Мне не удалось убедить руководство в необходимости привлечения специалиста из вашей области. По-моему, они не понимают серьезность проблемы — сразу же предупредил Анатолий, встретивший меня у поста охраны.

Предъявив необходимые документы угрюмому охраннику, Тоссер довел меня до своего кабинета, где передал меня уже ожидавшему нашего прибытия специалисту из своего отдела. Тот молча пожал мне руку и повел куда-то вглубь здания.

— Для начала вам надо понять, что такое виртуальность, и научиться жить в ней, — сказал Тоссер, когда мы уже выходили из его кабинета.

После довольно-таки долгого блуждания по коридорам, когда наконец я уже окончательно потерял ориентацию, мы добрались до рабочего места моего неразговорчивого провожатого. Теперь без посторонней помощи я вряд ли смог бы найти выход из чертогов «Нового мира».

Кабинет человека, собравшегося учить меня жизни в виртуальном мире, был гораздо меньше, чем у Тоссера, но тоже создавал впечатление, что его владелец получает очень высокую заработную плату. Лишь здесь, усадив меня в удобное кресло, мой новый знакомый соизволил заговорить.

— Меня зовут Дмитрий Дыбенко. Я занимаюсь информационной безопасностью, или, проще говоря, выполняю роль администратора одной из игр. Прежде всего, я хотел бы знать, насколько вы знакомы с компьютерами вообще и виртуальностью в частности?

Я ответил, что примерно знаю, «с чем едят» PC и Internet, но виртуальность считаю блажью бездельников и никогда в ней не был.

— Ну, последнее утверждение можно оспорить,

— засмеялся Дмитрий. — Виртуальность позволяет зарабатывать мне и моим коллегам вполне реальные деньги. Но перейдем к делу.

— Раз ты ни разу не был в виртуальном мире, я позволю себе маленькую лекцию. Надеюсь, ты не против? — Дмитрий решил, что мы уже достаточно долго знакомы, чтобы перейти на ты. А я решил, что мне — все равно, и приготовился слушать лекцию.

— Все русские виртуальщики очень гордятся, что современную VR изобрел наш соотечественник, — Дмитрий явно приготовил свой рассказ заранее — больно уж гладко говорил. — Хотя сам Александр Лукьянченко всегда говорит, что он лишь сделал первый шаг, доказавший, что доступная всем VR возможна в принципе. И он, конечно же, прав — без всего того, что было сделано после первых успехов, его ЧИП-программа — не более чем забавная заставка с интересным психологическим эффектом. Кстати, у нас в России сокращение ЧИП расшифровывается как Человек, Интеллект, Программирование.

Можно сказать, что ныне существует целая наука, занимающаяся вопросами программирования человека. Чтобы научиться жить в виртуальности надо научить свое подсознание пользоваться оборудованием и создавать «обратный эффект».

Например, что нажатие одной клавиши означает бег, а другой — стрельбу, а если на стакане с неизвестным в реальности напитком описан его вкус и действие на организм — имитировать нужное.

Если бы мне лет пять назад сказали, что кому-то нужны драйверы для человека, я бы очень долго смеялся...

Тут бы мне встать и уйти. Нормальный человек так бы и поступил — потому что нормальный человек не позволит пихать в свою голову какие бы то ни было драйвера и программы. Что заставило меня остаться? Да, наверное, то же, что заставляло мотаться по лесам и степям в поисках следов пришельцев...

Приняв мое молчание за готовность загружать мои мозги чем угодно, Дыбенко пододвинул ко мне монитор — явно одной из новейших моделей — и запустил какую-то программу...

Через пару минут, поняв, что какофония цветов на экране не производит на меня никакого впечатления, Дмитрий выудил из глубин своего стола пиллюлю подозрительного ядовито-желтого цвета, налил воды в стакан и предложил все это «богатство» мне.

— Надо немного растормозить подсознание, — пояснил он вида, что я не горю желанием глотать невесть что.

В первый раз бывает трудно войти даже в открытую дверь. И ведь я проглотил проклятую пиллюлю!

— Теперь точно подействует, — Дмитрий вновь

запустил ЧИП-программу. Он оказался прав — действительно, подействовало...

Анатолий Тоссер присоединился к нам, когда рабочий день близился к концу. К этому времени головная боль, вызванная интенсивной работой мозгов в непривычном режиме, наконец утихла, и я смог начать соображать.

Анатолий вошел в местную локальную сеть под своим именем и запустил видеоролик.

— Это не бог весть какой секрет, но все же доступ мы решили ограничить. Так, на всякий случай, — пояснил он. — Это мы «засняли», когда один из игроков додумался прислать на адрес игрового администратора вопрос: за каким чертом мы запускаем по уровням НЛО?

Эх, если бы я не знал, что плывущие в безоблачных небесах объекты есть лишь результат работы компьютеров!

— Нам пришлось остановить сервера, отрезать все каналы связи и протестировать игру, чтобы убедиться, что это не программный «глюк» и не игры хакеров. Тарелки появились вновь, как только игровой мир ожил!

То есть мы полностью не отмели первые две версии и продолжаем копать в этих направлениях. Более того, мое предположение о том, что произошло нечто невероятное, не поддерживает никто кроме Дмитрия. Но, я думаю, третья версия имеет право на жизнь.

И я прошу вас, Ярослав, не о многом. Просто побродите по уровням, посмотрите, что у нас там «летает», и скажите мне свое мнение. Лично мне. И больше ничего...

* * *

Нагрузка на мои бедные мозги оказалась столь велика, что единственное, что я смог сделать, придя домой — это лечь спать. А с утра, едва проснувшись, я вновь отправился в «Новый мир». Там меня запихнули в виртуальный костюм и подключили к игре.

На «земных» уровнях постоянно было множество народу — они выполняли роль «курса молодого бойца». Здесь неопытные игроки постоянно гибли и возрождались вновь, чтобы обрести навыки выживания в виртуальном мире игры. А вот «тарелки» здесь появлялись крайне редко — существовало лишь два свидетельства полетов НЛО над «Землей». Так что мне волею неволей пришлось пробиваться «наверх». Сделать это в одиночку для меня было просто невозможно. И лишь помощь Дыбенко, пристроившего меня в команду очень опытных игроков, недавно начавших прохождение «Мира Смерти» в скоростном режиме, позволила мне преодолеть земную половину игры раньше, чем я умру от старости.

Поначалу я был лишь обузой для отряда и держался в команде лишь благодаря авторитету администратора игры. Тут Алекс Стрелок был прав

— напарник из меня был никакой. Но я весьма быстро учился, а навыки искателя «летающих блюдечек» оказались полезны и здесь. Я лишь дополнил их опытом владения разнообразным оружием. Причем наловчился стрелять из пушек, по большей части не имевших прототипов в реальном мире, так что однажды сумел подстрелить своего обидчика — Алекса Стрелка. Нечто под названием «термальный разрушитель», гулко ухнув в моих руках, превратило ковбоя, который, кстати, в одиночку шел в нашем темпе, в пылающий факел.

Мой «подвиг», с одной стороны, вызвал восхищение всей команды, а с другой — опасения, что Стрелок теперь станет нашим принципиальным врагом, что замедлит движение. Хотя Алекс играл в «Мир Смерти» не дольше меня — то есть два дня, он уже сумел создать себе славу непобедимого 1-го бойца. Разница между победами и смертями у него была невероятно велика. Но, к счастью, мы уже приблизились к переходу на новый этап настолько, что всем стало не до личных разборок. Нужно было захватывать корабль пришельцев для полета на вражеские планеты, а не отстреливать друг друга. Последнее, конечно, невероятно увлекательно, но все же цель игры в ином.

При посадке наш звездолет, естественно, разбился вдребезги. Да он нам больше и не был нужен — в пределах космической империи врагов действовала система нуль-транспортировки. Входишь в кабинку, нажимаешь кнопочку и уже выходишь из такой же кабинки, но на другой планете.

Падение корабля не осталось незамеченным, и нас встретили. И хорошо встретили. Первая высадка окончилась уничтожением всей команды — монстров набегала тьма, и нас буквально размазали по поверхности планеты, едва мы выбрались из корабля.

* * *

Обычный, рядовой монстр представляет собой довольно-таки уродливое существо примерно двух с половиной метров ростом. Враги должны вселять желание их уничтожить — тут программисты «Мира Смерти» постарались на славу. Даже самый принципиальный пацифист взялся бы за оружие, увидев перед собой чешуйчатое страшилище, покрытое отвратительной слизью.

Эти чудища были основной боевой единицей врага. Вооруженные ручным оружием, они выполняли роль пехоты, а также могли управлять самой разнообразной боевой техникой — от шагающих танков до огромных космических дредноутов. Был также огромный набор всяческих опасных уродцев, постоянно стремившихся у нас что-нибудь откусить.

Но, кроме хоть и сильных, но туповатых монстров, были враги, наделенные интеллектом. Они

выполняли роль одиночек-диверсантов и командовали отрядами монстров. Их можно было не только уничтожить, но и брать в плен. «Какая война без захвата «языков» и допросов с пристрастием?» — решили авторы «Мира Смерти» и сотворили персонажей, способных некоторое время вести осмысленный разговор. Правда, все общение обычно сводилось к тычкам стволом оружия в тело такого существа — оно начинало говорить после строго определенного количества ударов — и выяснения, где прячется очередной отряд врага.

Именно во время одного из таких допросов я впервые увидел тарелку.

Шел уже четвертый день игры, а результатов поиска не было. Это начинало меня беспокоить. Отпуск подходил к концу, и, соответственно оканчивалось время, которое я мог посвятить «Новому миру» и его игре.

Очередной наш пленник был на своей планете крупной «шишкой». Точнее говоря, он был здесь самым главным. Причем он представлял собой не просто нарисованного злодея. Тот, кого мы допрашивали, являлся частью программы, отвечающей за само существование этой части виртуального мира, и потому из него можно было вытрясти очень много информации. Надо было только трясти посылнее — «предел прочности» этого представителя местного населения был очень велик.

Разозлившись на упорного пленника, наш командир выволок его на балкон и принялся пинать его ногами (руки он уже отбил), а один из своих стволов разломал об очень прочную голову монстра. По-моему тут авторы перестарались с реалистичностью и дали лишний козырь противникам виртуальных развлечений. А может, они сочли, что так люди могут потешить свою природную жестокость. И пусть уж игроки знают, что война — жестокая штука. Когда наконец монстр согласился выложить секрет расположения местных нуль-Т кабин, мы все здорово утомились.

За самим допросом я следил не слишком внимательно, кому-то ведь надо было наблюдать за окружающим миром. И поэтому первыми заметил парочку «летающих блюд», явно вывалившихся откуда-то из подпространства.

— Это еще что такое? — спросил командир отряда когда я обратил его внимание на объекты в небе. Он, как и все члены группы (кроме меня, разумеется), счел «тарелки» частью игры.

— Йцуке, — против всех моих ожиданий, пленник ответил. — Хотят наши планеты...

За последние дни я научился неплохо разбираться в эмоциях инопланетных существ. И наш пленный монстр явно боялся и ненавидел хозяев тарелок в небесах гораздо сильнее, чем нас, только что превративших его тело в отбивную.

— Мы не знаем, конечно, где в очередной раз

появятся «тарелки». Поэтому тебе придется побродить по игре. И постарайся не присоединяться ни к каким группам. Есть мнение, что «блюдца» не любят шумных сборищ. А сборища у нас очень шумные. Встреча игроков обычно приводит к стрельбе из всех стволов. Ведь, в конце концов, они ради этого к нам и идут, — так напутствовал меня Дыбенко.

Так что, поразмышлять над вопросом, что же, собственно, происходит, я смог уже, находясь в мире игры. Итак, что я имею? Ко мне пришел человек, которого я совершенно не знаю, и предложил заняться невесть чем. Его история и привязка к моим увлечениям выглядит, честно говоря, не слишком правдоподобно. Я, хоть и предпочитаю проводить время вдали от цивилизации (еще большой вопрос что для меня важнее — надежда действительно найти реальное доказательство наличия пришельцев или сам процесс поиска и романтика, влекущая обычного туриста), но телевизор я иногда смотрю, в том числе и программы, посвященные криминалу. И то, что я не понимаю, какими неприятностями может грозить мне новое знакомство, это еще не значит, что их не будет. Современная жизнь, она такая — учит, еще не обжегшись на молоке, дуть на воду.

Как оказалось, я выбрал не самое лучшее место для размышлений...

Как и положено рядовому игроку, впервые вошедшему в этот мир, я начал игру с первого уровня.

Десантный вертолет доставил очередного спасителя земной цивилизации (то есть меня) на окраину полуразрушенного города. Судя по тому, что мне рассказали во время недолгого полета, на Землю-матушку вторглись некие жуткие и невероятно хорошо вооруженные монстры из далекой-далекой галактики. Что им у нас понадобилось, объяснялось с гастрономо-сексуальной стороны — тут программисты «Нового мира» не слишком себя утрудили. Надо посоветовать им проконсультироваться у хорошего автора современной фантастики. Хотя бы у того же Лукьяненко. А то получается слишком уж резкое несоответствие между технологиями двадцать первого века и сюжетом, который и в прошлом веке считался примитивным.

Итак, я находился в начале первого уровня. У меня было «тело», выданное Дыбенко из личных закровов. По сути, это был обычный «солдат» в легком бронекостюме и шлеме с маской из стандартного набора, но программист «Нового мира» добавил кое-какие, как он сам выразился (не вдаваясь, впрочем, в детали), прибамбасы. Из оружия мне посоветовали взять компьютерный аналог пистолета «Гюрза-2005». Этот ствол принадлежит к классу полностью сбалансированного оружия и позволяет вести прицельную стрельбу одиночными выстрелами на расстоянии до пятидесяти метров, а в автоматичес-

ком режиме способен обрушить на противника свинцовый дождь, выстрелив за пару секунд все двадцать зарядов обоймы. Лучший выбор для неопытного игрока, по словам все того же Дыбенко, сделать было невозможно. Еще у меня был ранец с каким-то снаряжением, которое, как предполагалось, содержит все необходимое для моей миссии.

Вопреки моим ожиданиям, в первый раз я погиб не от лап местного монстра, а от вполне человеческих рук такого же, как я, игрока. Он явно высадился чуть раньше и чего-то ждал, не входя в развалины. Наверное, ожидал появления неопытного «чайника», у которого можно будет поживиться оружием и снаряжением — в самом начале вооружение крайне скудно и каждый патрон на счету, а тут целый пистолет с двумя обоймами. А может, он искал себе напарника. Да только я ему не подошел.

Пристрелил он меня не сразу. Для начала мы поговорили.

— Ты кто такой? — погруженный в размышления, я не заметил, что уже пару минут не один. Передо мной стоял здоровый мужик в ковбойской шляпе, кожаной куртке, джинсах и аккуратненьких таких ботиночках. В руках он держал короткоствольное ружье. Облик его был явно штучной работы, а не принадлежал к стандартному набору. Видимо, этот человек увлекался виртуальными играми всерьез и давно, да и оружие он выбрал, явно исходя из знания своих «боевых» возможностей. То, что он держал оружие на плече, меня не обмануло.

— Меня зовут Ярослав, я в первый раз здесь, — сказав это, я уже понял, что совершил ошибку. И доказательство этому не заставило себя ждать.

— А я Алекс Стрелок. Ты уж извини, Ярослав, но мне нужен твой пистолет, — ствол ружья теперь смотрел мне в лицо. — Напарник из тебя, сам понимаешь, никакой.

Последние слова он произнес уже после того, как заряд его пушки впечатал меня в стену полуразвалившегося дома.

Гибель игрока программисты продумали вполне качественно. Я секунд десять повитал над моим убиенным телом, наблюдая, как убийца перекладывает мои запасы себе в ранец. Потом мой дух вознесся к небу. Скорость полета стремительно возрастала до тех пор, пока мир вокруг меня не превратился в узкий длинный тоннель, кото-

Рис. Оксаны Войтюк.

рый, в свою очередь, привел меня к комнате с надписями на стене. Надписи оказались всего лишь меню, предлагавшим либо продолжить игру, либо выйти из нее.

По совету Дыбенко я выбрал мягкий вариант игры. Одним из его достоинств была возможность выбора места «высадки» после гибели. И хотя Алекс Стрелок вряд ли подождал меня, чтобы получить еще один пистолет, я постарался выбрать место своего возрождения как можно дальше от его возможного маршрута.

Игра, название которой было, кстати, простым и незамысловатым — «Мир Смерти-2007» (цифры обозначали текущий год), состояла из двух этапов. На первом игроки сражаются с высадившимся на Землю десантом чужаков, а потом перебираются на планеты захватчиков чтобы довести войну до победного конца. Как и положено играм такого рода, в «Мире Смерти» имел место быть наиглавнейший злодей, которого необхо-

димо было уничтожить для полной и окончательной победы.

Больше всего мне хотелось после его слов перевести допрос на блюдца. Но Дыбенко и Тоссер очень настоятельно просили меня не распространяться о том, что в их «Мире Смерти» происходит нечто, не предусмотренное компанией. К тому же пленник, после того как ответил на последний вопрос, по-быстренькому помер.

— Однако сюжетец игры стал сложнее, чем в прошлом году, — выразил мысли отряда насчет тарелок наш командир. — Похоже, у нас появились союзники.

— Или конкуренты, — вставил я.

Отрядом это было воспринято как шутка и вызвало улыбки. Это успокоило меня. Похоже, никому и в голову не пришло, что в «Мире Смерти» что-то идет не так, как должно.

Появление «летающих блюдец» лишний раз напомнило, ради чего я, собственно, здесь. Этап командной игры для меня подошел к концу. Идти дальше, на новые уровни, не имело никакого смысла.

Нет, конечно, я мог бы дойти до финала и участвовать в уничтожении самого злобного злодея, придуманного программистами «Нового мира». И нельзя сказать, чтобы мне этого не хотелось. Я с некоторой тревогой стал замечать у себя симптомы ВР-психоза. Это когда человек, чувствуя себя в виртуальности гораздо счастливее, чем в реальности, старается как можно больше времени проводить за компьютером. Оно и понятно: в реальной жизни ты практически никто — всего лишь один из множества винтиков, а здесь ты крутой воин, герой, покоряющий и спасающий целые миры.

Расстался с отрядом я очень просто. После того, как при штурме нуль-Т кабины меня убили в очередной раз, я выбрал точку возрождения в стороне от ведущей бой группы и пошел своим путем. Меня, конечно, немного подождали, а потом решили, что я просто прервал игру, переключившись на более важные дела в реальности. В конце концов, для игр нужны деньги, и их надо зарабатывать. Тем более, что Дыбенко заранее предупредил своих приятелей, что в определенный момент я могу исчезнуть без предупреждения.

Теперь оставалось лишь решить, что же мне делать дальше. Виденные ранее тарелки убрались восвояси, и никаких гарантий их появления в ближайшее время не было.

— Ты, я вижу, больше интересуешься «летающими блюдами», а не спасением человеческой цивилизации, — Алекс Стрелок опять подобрался ко мне незамеченным. За прошедшее после нашей встречи время он практически не изменился — та же кожанка, шляпа, джинсы, и даже ботиночки как новые. Он явно пренебрегал всевозможными бронезилетами, полагаясь на свои таланты меткого стрелка. Оружие он, правда, сменил — вместо скромненькой винтовки Стрелок

теперь был вооружен какой-то помесью снайперской винтовки и базуки.

— Похоже, ты тоже не слишком интересуешься игрой. И я так понимаю: ты знаешь обо мне гораздо больше, чем я о тебе. Не желаешь объясниться? — спросил я, стараясь не прозевать момента, когда меня начнут убивать.

— Желаю, — против всех моих ожиданий, сказал Стрелок. — Видишь ли, мы уже знакомы. Я Анатолий Тоссер. Но здесь ты меня зови Стрелком.

Сказать, что он меня удивил — значит ничего не сказать. Но, с другой стороны, разбираться с «глюками» игры — это прямая обязанность шефа внутренней безопасности.

«Какого же хрена ты меня грохнул в самом начале игры», — хотел было спросить я, но промолчал. Убили же меня не на самом деле, не стоит давать поводов подозревать меня в утере грани между реальностью и выдумкой. Да и урок был полезный — в «Мире Смерти» надо ожидать угрозы не только, а иногда не столько, от монстров, его населяющих.

— Что ты здесь делаешь? — я решил, что этот вопрос будет не столь глуп, как тот, что вертелся у меня на языке.

Проверяю версии с хакерами. Мы хоть и провели все стандартные тесты, но полной уверенности нет. А я должен быть уверен наверняка, — ответ Стрелка (раз уж он того желает — буду пользоваться этим именем) был ожидаем. — А как тебе наше творение?

— Слишком уж кровавадно, на мой взгляд. А пытки противника — вообще перебор.

— Зато все политкорректно и патриотично. Можно «мочить» монстров, а сыграть на их стороне нет никакой возможности, как в некоторых иных играх. Знаешь, как мы рекламируем «Мир Смерти»? Как игру, воспитывающую у человека осознание принадлежности к единой расе. Там дальше будут враги из числа захваченных в плен и завербованных людей — их можно не только карать, но и стараться возвратить в истинную веру....

Этот разговор ни о чем не мог отвлечь нас от главного вопроса — где и когда искать НЛО. Обсудив ситуацию, мы пришли к мнению, что в этом нам может помочь только случай.

Получается, что на наших серверах существует целая цивилизация, о которой мы не подозреваем? — сам у себя спросил Стрелок, когда я рассказал ему о допросе пленного монстра. — Никаких йцуке сюжетом игры не предусмотрено — они просто не нужны. Да и не хватит на это ресурсов наших машин.

— Может, «Мир Смерти» зацепился за какую-нибудь другую игру? — зная, что тебя считают «чайником», можно задавать даже самые глупые вопросы. И я воспользовался этим правом.

— Это лишь один из вариантов «хакерской» версии. А ею мы занимаемся весьма плотно.

Пожалуй внешнее вмешательство можно исключить, хоть и не полностью, но с высокой долей вероятности. Да и твоя версия, хоть и безумна, но не настолько, чтобы стать истинной, — ответил Алекс Стрелок.

— Тогда остается третья версия. Нам встретилось нечто невероятное?

Стрелок лишь покивал в ответ, пребывая в состоянии задумчивости.

— И тогда нам придется действовать так, как будто имеем дело с настоящими летающими тарелками, — продолжал я. — То есть искать места посадки и пытаться выйти на контакт.

Я замолчал ожидая ответа Стрелка.

— Идиотизм, конечно, но что еще нам остается? — Алекс окончил наше совещание.

* * *

Если бы у меня в реальном мире были такие возможности, как у Тоссера в виртуальности, контакт с летающими тарелками уже давно бы состоялся.

Во-первых, были «допрошены» все сколько-нибудь «разумные» персонажи игры. И первое впечатление подтвердилось. С «нашими» монстрами кто вел войну? Причем войну весьма успешную? Если бы монстры «Мира Смерти» не имели привычку постоянно возрождаться, а в их мирах принудительно не поддерживался статус-кво за счет изначально заданных параметров, то игра давно бы уже превратилась в нечто невероятное.

Во-вторых, Анатолий с коллегами установил наблюдение за всеми уровнями игры и расконсервировал служебные ходы «Мира Смерти». Теперь при появлении тарелок первыми о них узнавал отдел внутренней безопасности, и мы могли оказаться в нужном месте практически мгновенно. Руководству, обеспокоенному снижением «пропускной» способности игры, Тоссер объяснил свою бурную активность борьбой с хакерами. Мол, раз уж мы не можем выловить злоумышленников обычными методами, то можно попробовать вступить с ними в контакт и выяснить, чего они, собственно, добиваются.

Не совсем понятно, зачем шефу внутренней безопасности понадобился я.

Поразмыслив я пришел к выводу что ему просто были нужны единомышленники. Что-то (интуиция, внутренний голос, глас свыше — тут возможны варианты) подсказало Тоссеру, что с «Миром Смерти» происходит нечто странное. Причем настолько странное, что своими версиями Анатолий не мог поделиться ни с кем из своих коллег, боясь выглядеть сумасшедшим.

В наших вечерних совещаниях, оканчивающих каждый мой день в «Новом мире», участвовал, кроме меня и Анатолия, лишь Дмитрий Дыбенко, проникшийся до некоторой степени идеями своего начальника. Но даже в таком уз-

ком кругу озвучивать фантастические до идиотизма (с точки зрения нормального человека) идеи было доверено мне.

— Я, ловец «летающих блюд», могу претендовать на некоторое снисхождение как человек не вполне нормальный, — так я начал излагать свое мнение о произошедшем в последнее время. — Поэтому, если я скажу нечто лежащее за гранью разумного рассмотрения проблемы, то никто сильно не удивится и не будет шокирован.

Я полагаю, что версии о том, что НЛО являются порождением земного мира, могут быть отброшены. Это не порождение компьютеров «Мира Смерти» и не вирусы, проникшие извне.

Ответом мне было молчание, которое могло означать что угодно. В компьютерных технологиях я был, как здесь выражались, «чайником». И если уж специалисты не могли со стопроцентной уверенностью утверждать, что никто не проломил хитроумную защиту игры, то чего стоят мои выводы? К счастью, в нашей маленькой компании мои слова были встречены с пониманием.

— Моя версия такова, — продолжал я. — В силу каких-то причин мы имеем дело с контактом с настоящими, а не придуманными программистами и созданными компьютерами чужими разумными существами.

Я немного помолчал, как бы говоря: «А чего мы ожидали от специалиста по летающим тарелкам? Ему просто обязаны везде мерещиться инопланетяне».

— Я думаю, что ваши компьютеры «прорубили» окно. Куда это окно ведет, сказать точно невозможно, это может быть другой конец Вселенной или вообще какой-нибудь параллельный мир. Ни то, почему возникло окно, ни куда оно ведет, узнать мы никогда не сможем. По той простой причине, что если кто-то из нас попытается вывести эту версию за пределы нашего круга, то очень скоро станет клиентом крепких, но не слишком умных ребят в белых халатах. Здесь мы можем лишь предполагать. Возможно, например, что все дело в каких-то специфических параметрах работы ваших машин. Хотя, возможно, компьютеры к происходящему имеют лишь косвенное отношение.

Я опять замолчал. Ну вот, вы это хотели услышать? Вы это услышали...

Момент истины не заставил себя ждать. Когда я пришел в «Новый мир» на следующее утро, Дыбенко схватил меня и потащил, по своей привычке ничего не объясняя на ходу, к себе в кабинет. И лишь запихнув меня в виртуальный костюм, он соизволил заговорить.

— В земных секторах появились твои пришельцы. Они там уже полчаса и, похоже, собираются приземляться. Так что надо идти встречать зеленых человечков...

Эльбрус начинается на Волчихе

У меня приятель с Эльбруса вернулся

В тот же день звонит мне и говорит:

— Ну вот, я приехал, собирайся, на следующей неделе, как отосплюсь, на местные скалы тренироваться пойдем.

— Как съездили? — спрашиваю.

— Ой, отлично, потом расскажу.

Ладно. До конца недели доработали, а в пятницу как зарядил сентябрьский дождик, так и все настроение пропало. Да еще, как обычно, вымотались за неделю, ничего уже не надо и не хочется. Вечером созваниваемся, и у каждого только один вопрос — а нужен ли нам мокрый и холодный поход? Решили спать лечь, а утром видно будет. Ну, а к утру вроде раздуло, только асфальт сырой еще. По-быстрому вещи покидали — и на вокзал. В электричку сели, он рассказывать начал.

— Ходило нас шесть человек, остальные, кто в предварительных списках был, отказывались, дела всякие. Одна девушка в группе, Катя. Да ты ее знаешь, впрочем. Она, кстати, одна по уму сделала: как на вершину забрались, флаг поставили, так с мобильника кому надо позвонила, доложила, откуда. С нами еще Григорян был, так тот домой звонил, едва у подножия были: «Я в горах, в горах». А как на трех тысячах закладку сделали, склоны начали траверсировать, так и спекся. Да, впрочем, всегда что-то подобное случается, для того траверс и делается дней восемь—де-

сять, чтобы попривыкнуть, акклиматизироваться. Слабые и больные отсеиваются.

А у Григоряна пневмония открылась, у него, как потом в больнице выяснилось, с дыхательной системой наследственные проблемы. Единственный, у кого мой высотный опыт вызывал вопросы, все спрашивал, на сколько я до сих пор был. «На 4000 м, — отвечаю, Белуха». А он: «Ох, маловато будет». А сам тут тормозил-тормозил — когда кислорода мало, голодание клеток мозга начинается, человек все делает медленнее. У нас в аптечке кофеин был для взбадривания и активизации, да только никто укол поставить не рискнет, бояться — там же надо, чтобы без попадания воздуха. Пришлось самому. Воткнул шприц больному в руку наподобие дробика. Только ему не помогло, разве что сердце заколотилось как бешеное. Кофеин ускоряет работу сердца — его хорошо ставить, когда усталость или не выспался, чтобы кровь интенсивней начала двигаться. Нам же совсем другой случай попался. Кстати, мужикам, кому за сорок, его вообще ставить не рекомендуется, поскольку чревато, организм может не справиться.

Раз не помогает, надо вниз тащить. Денег в обрез, как всегда, а МЧСники на Кавказе избалованы богатыми иностранцами. Вертолет летает только в ясную погоду, да и вызов стоит не меньше 8—10 тысяч рублей. Взвалил больного на себя и потащил. Пронесу сто—двести метров, на зем-

лю положу, а сам за его и за своими вещами сбегая. Нагрузочка вышла. До пастбищ недалеко осталось, нашел чабана со стадом, договорился насчет лошади, погрузили и вниз повели. Чабан рассказывает, что у него за год несколько раз подобные случаи происходят, он даже специальных лошадей при себе держать начал. «Один тоже лежачий был, его повез, а внизу смотрю — он уж мертвый. Совсем плохой оказался.»

— А остальные-то, — спрашиваю, — тебе не помогли, что ли?

— Так они все тоже устали, тяжело им без привычки пришлось. Ну, и вещи его мы поделили частично, так что каждому груза добавилось. Поэтому, я пока его в больницу свез да там дежурил сутки, узнать, что да как, они на альпийских лугах загорали, сил набирались.

Слушаю я приятеля и думаю про себя: Леха-Леха, добрая душа, вечно ты всех оправдываешь. А сам опять руки себе обморозил, кожа облезает. Неужели трудно варежки надеть? А вслух спрашиваю:

— Ты мне вот что скажи — ты почему на своих собственных ошибках не учишься — почему опять руки белые, какие железки ковырял?

— Так бывает — что надо что-то срочно сделать, а больше некому.

— И что же это такое срочное?

— Ну-у...например, на вершине тяжело долго находиться, а всем сфотографироваться хочется, вот я фотоаппарат перезаряжал.

— Алексей, тебя выдрать надо. Руки-то ведь дороже!

— Ну ладно, чё? Заживут. А из больницы еще зашел в магазин, купил сладостей, сока, фруктов — и к остальным членам группы. А то они в последнее время как-то все без аппетита. Я потом на восхождении и сам не ел полтора дня. Веришь, нет, вообще в горах есть не хочется. Может, из-за воздуха. Кислородное голодание по-разному выражается — кого тошнит, кого затормаживает. Но зато, как вернулись, уже неделю ем все подряд. У тебя, кстати, что на обед? Может, перекус устроим?

— Да, Лехипс, заботишься ты о подчиненных как руководитель. Пожалуй, первый поход, чтобы «сока, пива, фруктов». Прямо праздник какой-то. Жалко меня с вами не было.

В следующий раз никакая работа не удержит. Решено: беру отпуск — и с вами.

А Григорян потом оклемался и в Сочи отдыхать укатил. Домой позже нас вернулся. В клуб пришел за вещами, два часа сидел, слушал, как я рассказывал, но ни словом не обмолвился, что это с ним приключилось. До сих пор не знает никто.

Вот, а девушки молодые хорошо идут. Что Катя, что до этого на Алтай Закорюкину Надю брали. Мужиков за пояс заткнуть могут, признаться. Чабан, кстати, одичал там совсем с отарой, у вас спрашивает, одни мужики в группе, да? Ну я ему и отвечаю, что да, мол. Мало ли что. Поблизости Катя ходит вразвалочку, матерится заправски. У него никаких сомнений не возникло на ее счет.

Что еще? Карабин мы «посеяли» безвозвратно. Там же кругом трещины, от совсем узеньких и до больших, некоторые глубиной, наверно, с пятиэтажный дом. Фотоаппарат тоже роняли, но он застрял — вытащили.

А к концу нисхождения уже у всех силы заканчивались. Пять шагов сделают — и все. Катерина устала. Я ей в конце уже сам завязывал кошки.

Вернулись — у меня глаза красные: приходилось очки снимать, определять дорогу. Петя тропу потерял, а искать сложно, потому что от кошек следы незаметные совсем, маленькие дырочки.

Температура? Градусов минус 20–25, и это в разгар лета. Ветер. Интересная очень цикличность — днем всегда ясно, а ночью дождь или снег — осадочно. Поднимались, и нижний слой облаков внизу остался, только днем-то облаков нет, а вечером смотришь — все внизу. А сверху еще второй слой, перистых, с моря надутых. Поднимались три дня, спускались полтора. На двух веревках. Технически оказалось намного проще, чем та же Белуха, где семь веревок задействовали. Основная сложность — в составе высотного воздуха.

Вообще, наверное, недели две в горах находиться самое оптимальное — дней десять на при-

выкание, на восхождение еще пять. А дальше уже тяжело.

— А зачем вообще люди в горы ходят? Можно ведь и на побережье, за границу на те же деньги?

Да по-разному. Кто себя испытать, проверить, кто пофотографироваться. Увидеть новое, дикое, естественное. Я вот повысил свой высотный опыт. Например, когда на Эльбрусе фотографируешься, очень хорошо, чтобы на заднем плане Ушба была ниже, это доказывает, что ты на более высокой точке.

Кстати, из тех, кто на Белухе, на Эльбрусе был, уже никто больше туда не хочет. Теперь собираемся на пик Ленина — самый легкий семитысячник в мире. Но это уже на будущий год. Зимой, может, на Южный Урал или еще куда. Сейчас поработать надо, да денег скопить. Снаряги прикупить тоже. По большому счету, получается обыч-

но один-два крупных похода в год. А остальные так, ПВД-шки (походы выходного дня) у нас на Урале. Они круглый год не прекращаются. Вот как у нас сегодня.

Мы заболтались и заплутали на просеках от станции Спортивной. Поднялись на какой-то холмик, с которого увидели Волчиху с горнолыжными подъемниками. Определили направление и пошли, пока путь не прегради-

ли заборы-сады. Обходили по смешанному лесу: осины-елки и опята-переростки. Нарезали мешок сыроежек и выбрались на набитую дорогу. Устроили обед на живописном каменистом выступе. После чего залезли наверх, сделали пару кадров, потоптались по останкам обелиска «Европа-Азия», который был установлен аккуратно на вершине горы. Теперь его раскурочили, остались только нижние кирпичи. Но граница от этого не изменилась.

Потом ползали на отрожке со снаряжением и без него. Получили массу удовольствия и собрались домой.

Завершилась наша вылазка ужином — картошкой с грибами из волчихинского леса. Все прошло по домашнему хорошо и уютно. Без «экстрима».

И великодушным разрешением навалить документальный рассказ по приятельским байкам.

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Сначала мальчик ехал на троллейбусе.

Старый троллейбус едва тащился, отопление не работало, и в салоне было холоднее, чем на улице. У мальчика мёрзли руки и ноги. Не грело и пальто — ветхое, с вытертым цигейковым воротником. Зато жарко было голове, упрятанной в роскошную шапку из рыжего лисьего меха — хоть снимай её.

Шапку подарил дядя Гоша, прилетевший три дня назад в отпуск с Камчатки.

Дядя прилетел рано утром. Уже тогда он чувствовал себя плохо, а к вечеру ему сделалось совсем худо, и мама вызвала «Скорую помощь». Приехал врач, в доме сразу же запахло лекарствами.

В большую комнату мальчика не пустили, он тихо сидел на кухне, ожидая, когда всё закончится и можно будет вернуться к дяде, и разговаривать с ним, и слушать его рассказы о далёкой земле, уже манящей мальчика своей необычностью. Врач, наконец, оставил дядю в покое, вышел в коридор, а у двери, прежде чем уйти совсем, приглушённо поговорил с мамой. Мальчик разобрал не всё, но понял, что в больницу дядю Гошу не повезут. И ещё он услышал невольно, как врач сказал маме: «Думаю, ничем уже помочь нельзя, коли он не только операцию отказывается делать, но даже и госпитализироваться для профилактики...»

Мальчик сидел на продавленном троллейбусном сиденье и смотрел в глазок, оттаявший в замёрзшем окне от тёплого дыхания. Было ещё не очень поздно, но сумерки уже спустились с неба до верхушек сугробов, выброшенных за линию тротуаров, и зажглись фонари, и забегали разноцветными огоньками вывески магазинов, — в Сибири зимой темнеет рано. Но на красивые огоньки мальчик смотрел вполглаза, боясь пропустить нужную ему остановку.

Троллейбус тащился медленно, натужно и подолгу стоял на перекрёстках, точно набираясь сил для дальнейшего пути. Люди чаще выходили из него, чем заходили, и мальчика раздражала неторопливость водителя. «И чего ждёт?» — ёрзал он в нетерпении на сиденье. И мысленно приказывал водителю трогать. Но приказы не действовали, мешала, должно быть, перегородка, отделяющая кабину водителя от пассажирского салона, и мальчик перестал заниматься бесполезным делом. «Лучше огоньки пока посчитаю», — решил он, опять прильнув к глазку в окне. Разноцветные огоньки, нанизанные на невидимые спицы, бегали по ним, как костяшки на счётах мамы, только без стука, а молча.

Мама мальчика работала бухгалтером.

Отца у мальчика не было. Он, конечно, был, но потом куда-то подевался. Зато мальчик знал, как звали отца — Василием. Мальчик определил это по своему отчеству — Васильевич. Он всем так и отвечал, когда спрашивали об отце: «Я Васильевич, а папу звали Василием», — и от него тотчас отставали с расспросами. Раньше мальчик думал, что отец куда-то далеко уехал и когда-нибудь вернётся, но позже понял, что люди, которых не помнишь, не возвращаются, даже если носишь их отчество.

— Следующая — «Зоомагазин», — объявил водитель.

Зоомагазин был закрыт.

Мальчик растерянно подёргал за ручку двери, но дверь не подалась. Он дёрнул со всей силы ещё раз, другой — и спрятал руку, обожжённую железом, в карман. Было странно и непонятно, что магазин закрыт раньше положенного срока, в шесть часов вечера, хотя, как было вытиснено чёрным на белой пластине сбоку от входа, должен быть открытым до девятнадцати часов. «Выходной — понедельник», — прочёл ещё мальчик. Сегодня же была пятница.

«Почему же тогда закрыт?!» — чуть не заплакал он и ударил в дверь ногой. В витрине-аквариуме, подсвеченной голубой лампой, заматались проснувшиеся рыбки. Одни были маленькие, другие — чуть больше, и все разной окраски. Мальчик минуты две с интересом наблюдал за рыбками, а затем сел на крыльцо и заплакал.

— Ну, чего расхныкался? — услышал он неожиданное и поднял голову. Над ним стоял старик в огорчном тулупе, перехваченном в поясе ярким шарфом. Тулуп почему-то был без воротника, а голову старика покрывал шлем, какие носят танкисты. Мальчик любил смотреть военные фильмы про танкистов, поэтому не мог ошибиться. Лицо старика было добрым.

— В магазин надо, — перестал он плакать.

— Вижу, что в магазин, — сказал старик. — Я давно за тобой наблюдаю. Поначалу решил, что ты с умыслом каким нехорошим здесь околичиваешься, а после, гляжу, нет, по делу. Какое дело-то?

Мальчик не мог немедленно решить, может ли он сказать, что ему надо, но старик понял его молчание по-своему.

— Ты меня не бойся. Я только с ружьём страшный, но оно в каморке моей к стене приставлено, чтоб не упало и всегда под рукой было. И должности моей сторожицкой не бойся.

— Я и не боюсь, — сказал мальчик. И решился: — Мне скворца надо.

— Ишь ты! — поразился старик.

— Да, скворца, — заторопился мальчик. — И чтобы пел он.

— Скворец — птица весенняя, — покачал старик головой. — А сейчас декабрь.

— Мне одного только...

— Ясно, что не десяток. А где взять-то?

У мальчика сжалось сердце в нехорошем предчувствии.

— В магазине, — робко сказал он.

— Свадьба у них, продавца-то магазинного. Потому и закрыт магазин-то, — сообщил старик. — И скворцы, что-то не припомню, были ли с весны... А тебе к чему, малый, скворец в такую пору?

— Надо, — опять обнадежился мальчик. — Очень надо!

— Понятно, что надо. Если б не надо было, не шастал бы в темень. Ну да бог с ним, со скворцом! Мне и ведать ни к чему, зачем тебе птица эта спонадобилась. Ты вот что, — старик тронул мальчика за плечо, — ты езжай на посёлок Амурский... Знаешь, где посёлок этот?

— Знаю, — кивнул мальчик. — Туда автобус «двойка» ходит. И «двадцать два» ещё. А ещё трамвай, кажется...

— Верно, — похвалил старик. — Садись, значит, и езжай до конца, до «Диспетчерской». Ты её вмиг найдёшь, в неё шофера ходят. Она внизу располагается, диспетчерская, а Игорь Фёдорыч прямо над ней квартиру имеет. Номер квартирный не помню, да ты и так её отыщешь. Откуда голоса громкие да весёлые, там, значит, и Игорь Фёдорыч. Запомнил?

— Ага, — сказал мальчик. — Запомнил. Игорь Фёдорович.

— Так ты ему скажи, что тебя Корнеич послал — это, выходит, я. У него-то самого скворцов не имеется, да может, про кого из знакомых вспомнит. У него много среди птичников приятелей разных. Понял?

— Понял, — подтвердил мальчик. — Спасибо.

— Ну, беги тогда к стоянке, коли понял, — автобус, вон, показался...

— Корнеич, — не сдержал мальчик любопытства, — а ты почему в танкистском шлеме ходишь? Он тёплый?

— Тёплый, — враз сник старик. — Его головушка Витьки моего в Афгане нагрела...

Только в автобусе, приткнувшись на переднем сиденье, где мотор выдыхал горячий, пахнущий бензином воздух, ощутил мальчик, как он замёрз. Схваченное холодом тело стало понемногу отходить. Сначала пальцы, их подушечки будто покалывало иголками. Мальчик сжимал и разжимал кулаки в карманах, тёр ладонями о прохудившийся подклад пальто, чтобы быстрее разогнать застывшую кровь, а потом не выдержал и начал согревать руки дыханием. Сидящая напротив старушка участливо спросила:

— Застыл, милый?

Губы одеревенели, и мальчик в ответ лишь кивнул.

— Это ничего, что застыл, — ободрила старушка. — У тебя кровь молодая, горячая. Быстро разбежится.

Старушка была маленькая и хрупкая — этого не могла скрыть даже просторная шуба из незнакомого мальчику блестящего коричневого меха, которая жила на хозяйке как бы отдельно. То, что она была маленькая, мальчик определил по её необычным ботинкам с высокой шнуровкой: они не доставали до пола.

— Ты отогревайся, милый, а мне сходить время, — сказала старушка и осторожно сползла с сиденья. Тут только мальчик сообразил, что у неё большие ноги, почему она и носит такие странные ботинки.

Старушка вышла, автобус, урча, пополз к следующей остановке. Мальчик постепенно отогревался. Тело сделалось мягким и томительным, очень захотелось потянуться, так, чтобы захрустели косточки. Борясь с этим желанием, мальчик уткнулся в окно. Автобус ехал по неосвещённой улице, угадывалась только левая половина дороги с тремя колеями: крайние — чёрные и вдавленные, а средняя — белоснежная и выпуклая. Изредка, подпрыгивая, по ним проносились машины, вырывая из темноты светом фар деревянные домики, связанные между собой заборами...

Мальчик тоже жил в одном из таких домиков, но на другом краю города. Домик был из двух комнат — большой и поменьше — и кухни. Половину кухни занимала печь. Летом печь стояла без дела, мама готовила на электрической печке, а зимой топили два раза — утром и вечером. Вечером, по субботам и воскресеньям — на эти дни отпускали из интерната, — топил мальчик. Он любил, открыв дверцу печи, смотреть на огонь. Огонь завораживал: мальчик никак не мог взять в толк, из чего состоит пламя. Он понимал, почему спичка зажигает бумагу, а бумага — дрова, но понять, что же такое сам огонь, не мог. Однажды он спросил об этом учительницу, она долго объясняла процесс горения, но до мальчика так и не дошло, как всё-таки делается пламя. «Из электричества», — для собственного успокоения решил он, потому что электричество, знал, вызывают невидимые частицы, которые бегут по проводам. Но изредка к мальчику вновь возвращались сомнения. Тогда он закрывал печную дверцу и слушал гудение пламени в трубе. «Это язык огня», — думал мальчик.

С приездом и болезнью дяди Гоши мальчик перестал топить печь вечерами — мама взяла отпуск и управлялась по дому сама. Мальчик только бегал в продуктовый магазин, в аптеку, на колонку за водой и носил из сарая для топки дрова и уголь. Из-за эпидемии гриппа интернат закрыли на карантин, и у мальчика после всех хозяйственных забот оставалась уйма свободного времени, которое он проводил в большой комнате, разговаривая с дядей. Вернее, мальчик слушал, а дядя рассказывал о своей жизни на Камчатке. Это давалось ему с трудом, порой он как бы засыпал, теряя дыхание, а очнувшись, видел, что племянник сидит на прежнем месте, точно ничего не

произошло, и дяде казалось, что и вправду всё нормально, что он прервал свой рассказ на какую-то минутку, и спрашивал: «Так на чём я остановился?»

Иногда дядя замолкал надолго, смотрел в окно, а потом говорил: «Нет, не такой у вас свет... А мне бы только скворцов дожидаться — и тогда всё будет хорошо... Когда у вас скворцы прилетают?» — спрашивал он.

«Скоро», — осторожно отвечал мальчик, потому что, зная, что скворцы прилетают весной, не мог ответить точно, когда именно. А с весной он связывал что-то такое, что наполняло его трепетной радостью неизвестного до поры открытия. И заветной его мечтой, которую мог осуществить только выздоровевший дядя, была даже не мечта, а возможность много дней подряд ходить рядом с дядей Гошей, и чтобы все, особенно интернатские мальчишки, видели это. Он заранее ощущал спиной их завистливые взгляды и приготовил для интересующихся вроде бы небрежное, но полное скрытой гордости за своего дядю объяснение: «Это мой дядя. Он прилетел с Камчатки. Она очень далеко, знаете...»

— «Диспетчерская!» — услышал мальчик далёкое, точно летящее с Камчатки слово. Он где-то уже слышал его, но где — вспомнить никак не мог. Тогда он напряг память, и тотчас всплыло лицо дяди, но не землисто-серое на белоснежной наволочке подушки, а обветренное, бодрое и улыбающееся. Как на фотографии, присланной дядей за полгода до приезда.

— Слезай, приехали! — сказал дядя весело. И мальчик проснулся.

— Слава тебе, Господи: очухался! — восхитилась толстая кондукторша, склонившаяся над ним. — А я уж собралась тебя с оборота везти. Пушки-то рядом нет, чтоб разбудить! А ты чего такой бледный? — тут же озаботилась она.

У мальчика, уже поднявшегося с сиденья, приткнувшегося к мотору, нехорошо кружилась голова. А ещё его и поташнивало.

— А, выхлопов надыхался! — догадалась кондукторша. — Ничё, сейчас на воздухе отойдёшь. Я, знаешь, этой гадостью всю смену дышу, мутит к концу смены, как с похмелья, а на воздух выскочу — отрезвею. Айда скорее на воздух...

На воздухе и вправду мальчику полегчало.

— А я что говорила! — хохотнула кондукторша.

От диспетчерской, к которой они шли, неслась громкая музыка.

— Второй день гуляют, — сказала кондукторша. — И работать не хочется! — Она остановилась, взмахнула руками так, что в сумке на её груди зазвенела мелочь. — Э-эх, где мои семнадцать лет?!

«Правильно приехал!» — обрадовался про себя мальчик.

У двери в диспетчерскую кондукторша спросила:

— Тебе-то куда? На свадьбу, что ли?

— Ага.

— Счастливый! — рассмеялась она. — Ну-ну, беги на свадьбу, а то без тебя невесту пропьют...

Мальчик, потоптавшись, вошёл в подъезд. Подъезд гудел музыкой и неразборчивыми голосами, словно огонь в трубе при сильной тяге. Временами гул перебивал дробный топот. «Пляшут», — понял мальчик. Ему неловко было мешать людям в праздник, но выхода у него не было, и он поднялся на второй этаж. Набравшись храбрости, снял шапку и нажал кнопку звонка.

— Открыто! — крикнули из-за двери, и мальчик вошёл. Прихожая была завалена множеством пальто. Худенькая женщина в праздничном платье и в переднике из весёлой клеёнки пыталась некоторые из них пристроить на вешалке.

— Здравствуйте, — сказал мальчик и сглотнул набежавшую от вкусных запахов слюну, уходя из дома, он забыл поесть.

— Ты чей? — удивлённо выпрямилась женщина. — Аниськиных?

— Нет, — смутился мальчик. — Я совсем не отсюда. Мне Игоря Фёдоровича надо.

— А зачем он тебе?

— По делу, — замялся мальчик.

— По какому делу? — насторожилась женщина.

— Меня Корнеич послал, — открылся мальчик.

— А, Корнеич... — с облегчением выдохнула женщина. — Так бы сразу и говорил... Тогда проходи — гостем будешь.

— Нет! — испугался мальчик. — Я только узнать.

Женщина на мгновение задумалась.

— Что ж, — решила она, — подожди тогда здесь, если пройти не желаешь. Я попробую.

И ушла. И оттуда, куда она ушла, почти сразу же донеслось сквозь нестройный хор голосов:

— А вот и мать! Так выпьем же, други, ещё раз за мать нашего славного молодожёна!

«Это она — «мать», — понял о женщине мальчик, стараясь не слушать, о чём говорят в свадебной комнате, но услышал уже другой голос:

— Так пусть он идёт к нам! Новый человек — новый тост!

Мальчик беспокойно переступил с ноги на ногу. Речь явно шла о нём.

— Не пускать! Не пускать! Не пускать! — закричали вдруг хором. И следом: — Го-орь-ко-о-о!

«Целуются», — догадался мальчик и почувствовал, что краснеет, ему стало неудобно и почему-то обидно за себя, стоящего в тесной прихожей. «И пускай целуются...» — шмыгнул он носом.

Игорь Фёдорович, вышедший наконец из свадебной комнаты, оказался с усами и бородой. Усы были чёрной ниточкой, а длинная белая борода росла из шеи. «Фальшивая», — мысленно разоблачил мальчик Игоря Фёдоровича. Ещё он подумал: «Такие бороды и шпионы не носят...»

— Этот, ма? — спросил Игорь Фёдорович у женщины.

— Да, Игорь, он.

— Говори, — разрешил Игорь Фёдорович, снимая бороду на резинке через голову. — С чем пожаловал?

— Мне скворец нужен, — сказал мальчик. — Один, — уточнил он.

— А парочку соловьев тебе не надобно? — Игорь Фёдорович отодрал и усы и вместе с бородой сунул их в карман пиджака. Теперь он смахивал на птицу — наполовину обципанную.

— Нет, соловьев мне не надо, — не обиделся мальчик. — Мне нужен скворец. Мне сказали... Вы знаете... — птички разные, знакомые... есть у них, — сбился он с заранее приготовленного объяснения, и тогда на помощь пришла женщина.

— Его Корнеич прислал, Игорь, — робко сказала она.

— Ясно, — усмехнулся тот. — Он что, опять в шапке с наушниками дежурит? — спросил мальчика.

— Это шлём, а не шапка, — сказал мальчик. — Такие танкисты носят. Этот шлём...

— А-а, — поморщился Игорь Фёдорович, — знаю. Я, ты бы видел, такую ему шапку подарил — твоей богаче! А он... Да его Витька дотла в своей консервной коробке сгорел, какой от него головной убор мог остаться? Ты бы хоть ему сказала, ма, — обернулся он на мгновение к женщине.

— Ладно, я скажу, Игорь.

— А тебе, значит, скворец нужен? — вернулся Игорь Фёдорович к мальчику. Мальчик кивнул. — Что ж, — закатил глаза в потолок молодожён, как бы вспоминая, — есть такой человек, скворцами балующийся. Фамилия — Сидоров. Улица — Красногвардейская. — Вернул взгляд на мальчика. — Дом тридцать два, квартира пятая. Ма, — сказал уже женщине, — запиши пацану эти реквизиты, а то забудет. А я пошёл. Желаю удачи, — подмигнул он мальчику и добавил, уходя: — Я сегодня добрый...

— Он добрый, — не то утвердительно, не то убеждая себя, сказала женщина, заглядывая мальчику в глаза. — Ты мне веришь? — почему-то спросила она, и мальчик услышал её дыхание. Дыхание было ожидающим.

— Да, — сказал мальчик, — верю.

Он сказал это искренне, потому что не встречал ещё в своей жизни недобрых людей.

— Вот и хорошо, — вздохнула женщина и тихо, как бы для себя, проговорила: — Я тоже так думаю...

— Я пойду, — сказал мальчик. — Мне надо...

— Подожди, — задержала его женщина. — Я сейчас...

Она опять убежала, но теперь в другую комнату — напротив свадебной, и вернулась почти немедленно. Сунула мальчику листок бумаги:

— Здесь адрес. И провожу немного тебя, — сказала она.

На лестничной площадке женщина завязала мальчику уши шапки под подбородком:

— Так теплее будет...

Руки женщины пахли хозяйственным мылом. Так же пахли они и у мамы. Мальчик вспомнил о маме, и у него виновато защемило в груди: он представил, как она сейчас мечется по дому, не зная, где он пропал, посланный в аптеку за лекарством для дяди. Лекар-

ство — пузырёк с коричневой жидкостью — лежало во внутреннем кармане школьной куртки. Мальчик спрятал его туда от холода, когда решил ехать из аптеки не домой, а в зоологический магазин за скворцом. Там же спряталась сдача с десяти рублей — три рубля рублями, пять рублей одной бумажкой и сорок пять копеек разными монетами. Этого должно было хватить на скворца. «Птицы ведь не вещь какая-нибудь, они сами по себе, их только ловят и сажают в клетку. А мне клетки не надо, мне одного скворца», — рассудил он.

— Подожди! — спохватилась женщина. — На, возьми. Они вкусные, — вынула она из кармана передника два ярких яблока. Яблоки были тёплыми и точно влились в ладони мальчика.

— Спасибо, — застеснялся он, неловко заталкивая яблоки в карман пальто. «Дяде и маме», — подумал мальчик, забыв о себе.

Женщина собралась уходить, но вдруг передумала, присела перед мальчиком, заглядывая ему в глаза.

— Скажи, — попросила она, — а зачем тебе скворец?

Ни промолчать, ни солгать ей мальчик не посмел:

— Для дяди. Дядя заболел, а скворцы прилетят — дядя выздоровеет.

— Ты славный мальчик, — помолчав, сказала женщина. Глаза её сделались влажными. И посоветовала уже с порога квартиры: — Ты на трамвае езжай. На трамвае быстрее до центра доедешь...

На улице начиналась метель. С неба медленно и лениво валились хлопья снега, их подхватывал низовой ветер и гнал, завивая, по тротуару и мостовой. Ноги мальчика враз окутались позёмкой, и до коленей ноги как пропали. Трамвайная остановка была дальше автобусной, и пока мальчик добрался до неё, позёмка выросла ему по пояс, а когда он дождался трамвая, запуржило и выше головы. Кондуктора в салоне не оказалось, и мальчик постучал трёхкопеечной монетой в стекло кабины. Девушка-водитель, глядя на него в зеркало, прикреплённое перед ней сверху, прокричала:

— Я в депо, колёсные пары что-то застучали, а раз неисправна — какие деньги? Да и Клава билетную катушку не оставила. Она перед тобой сошла — живёт там рядом, а раз сломались — в депо ей делать нечего. Выручку и завтра можно сдать. Езжай поэтому бесплатно — наше государство не обеднеет...

И улыбнулась, смутив мальчика улыбкой.

Трамвай не двигался, а будто плыл в молочном киселе. Водитель то и дело останавливала вагон и, переждав очередной снежный порыв, ехала дальше. Мальчик видел через стекло дверцы кабины, как девушка осторожно переводит рычаг управления, то придерживая, то ускоряя бег трамвая по рельсам. Иногда трамвай натыкался на снежный занос, тогда давался задний ход, и препятствие бралось с разбега. «Как бульдозер», — сравнил мальчик.

Дядя Гоша работал на Камчатке в геологоразведке — бульдозеристом.

— Бульдозер — это мирный танк, — объяснял он мальчику перед тем, как мама уснула его в аптеку.

— Ты поэтому на бульдозере и работаешь, что он мирный танк? — спросил мальчик, зная, что в армии дядя служил танкистом.

— И поэтому, — ответил дядя Гоша, осторожно сев в постели. На его шее судорожно билась синяя жилка. — Только, понимаешь, бульдозер, геологоразведка, другое всё — не это главное, — продолжал дядя, воодушевляясь, отчего заблестели его потускневшие глаза. — На Камчатке, понимаешь, свет особенный — не только днём, но и ночью...

Мальчик посмотрел в окно. Свет за окном был обычный — темнеющий к вечеру.

— Да нет, в окно такого света не увидишь — даже на Камчатке, — понял его взгляд в окно дядя. — Этот свет, понимаешь, вечный. Его даже слышишь. А видишь и с закрытыми глазами. Как, знаешь, своё прошлое, детство, скажем, а порой и будущее, — попытался объяснить дядя мальчику необычный свет далёкого от Сибири полуострова. — Вот ты закрой глаза и представь, что... — Дядя запнулся, осознав, что свет, который племянник не видел, представить невозможно. — Нет, не получится, — сказал он как-то обречённо. Плечи дяди опустились, а глаза вновь потускнели.

— А ты возьми меня с собой, и я увижу, — сказал мальчик, потянувшись к дяде.

— На Камчатку? — чуть приподнялись плечи дядя.

— Ага, на Камчатку, — подтвердил мальчик. — У нас сейчас карантин, а можно и потом, когда начнутся летние каникулы. Потом даже лучше, потому что карантин скоро закончится, а лето длинное, и я лето больше зимы люблю.

— Это без разницы — зима или лето, если свет Камчатки хочешь увидеть. Я ведь говорил тебе — вечный он, — сказал дядя, воодушевляясь. — И мы, конечно, поедем вместе, — заволновался он, начиная задыхаться. — Вот только встану, — попытался он встать, но тут в комнату вошла мама и уложила его на спину.

— Тебе нельзя, Георгий, подниматься, врач сказал: нужен полный покой. Ты же сам знаешь, а не соблюдаешь режим, — сделала она дяде выговор и, помолчав, осторожно спросила: — Может, всё-таки ляжешь в больницу, Гоша?..

— Это с язвой-то? — усмехнулся, трудно дыша, дядя. И вспыхнул: — Ты что, думаешь, у меня не язва?! — И сказал едва слышно, ослабев: — А если и не язва, то тем более не стоит в больницу, где тебя разрежут, а после зашьют, чтобы...

Дядя не договорил, закашлялся, а когда кашель прекратился, мама вздохнула:

— А телеграмму Нине? Телеграмму-то, может, отобьём?

Мальчик знал, что Нина — дядина жена, а ему доводится тёткой. В письмах на Камчатку, текст которых диктовала ему мама, он так и писал: «Здравствуйте, дядя Гоша и тётя Нина!» Раньше мальчик думал, что тётя Нина не умеет писать, а фотографироваться не хочет или боится, потому что она не прислала за всё время ни одного письма и ни одной своей фото-

графии. Позже он узнал, что тётя «не хочет с ними знаться» — так говорила мама. «Нинка институт кончила, она грамотная, мужняя жена, а мы что, мы институтов не кончали, а ещё и безотцовщина», — сказала она как-то, получив от брата письмо, и с тех пор перестала передавать тётя Нине приветы, но сыну велела писать письма по-прежнему, начиная словами: «Здравствуйте, дядя Гоша и тётя Нина!»

«Не дай Бог, случится со мной что...» — ещё сказала она тогда, а потом долго плакала. И вот впервые после того случая мама вспомнила о дядиной жене: «А телеграмму Нине?..»

— Как знаешь, Зина, — не услышал, а понял ответ по губам дяди мальчик. У него сжалось сердце, а глазам сделалось горячо. И вырвалось внезапное, о чём он боялся и думать:

— Зачем это телеграмму отбивать? Что, дядя Гоша умирает, что ли?!

— Егор... Что ты несёшь, Егор?! — вскинулась мама, но мальчик не слушал и не слышал её. Его поразил испуг дяди, который он не столько увидел на его лице, сколько ощутил всем телом, — как заломившие зубы после глотка ледяной воды. Он никогда не сомневался, что танкисты — самые смелые люди на свете, ничего не боятся, а дядя был, пусть и давно, танкистом, и бульдозер — это мирный танк...

— Егор! — сорвалась и вовсе на крик мама.

— Не надо, Зина, — попросил тихо дядя. — Племян прав: телеграмма не нужна. Не умираю же я, в самом деле!

Мальчик облегчённо вздохнул. Нет, он не ошибся в дяде, ему просто показалось, что дядя испугался. И всё же, чтобы утвердиться в этом, спросил:

— Дядя Гоша, а правда, что смелее танкистов никого нет?

— Правда, — глухо подтвердил дядя и отвернулся к стене.

— Вот что, танкист: собирайся немедленно, пойдёшь в аптеку, — объявила мама. Она подошла к комоду, выдвинула верхний ящик. — Вот тебе рецепт и деньги. Скажешь, нужно только первое, а не всё, что в рецепте написано. Вот такое, — показала она на пузырёк, стоящий на придвинутой к кровати дяди табуретке. Пузырёк был почти полный.

— Так в нём ещё вон сколько! — удивился мальчик.

— Я тебе сказала, значит, иди! — отрезала мама, а спорить с мамой было бесполезно. Мальчик собрался и побрёл в аптеку. Тогда на улице только-только зажглись фонари, а метель ещё и не начиналась...

... На остановках по пути пробивающегося к делу трамвая никого не оказывалось, и мальчик оставался в салоне единственным пассажиром.

— А я бы подобрала, мне не жалко, да и тебе веселее бы ехать было! — кричала из кабины, минуя безлюдные остановки, девушка-водитель.

Трамвай, не чувствуя привычной тяжести, дребезжал, как покатишься от пинка пустая консервная банка, а на поворотах скрежетал повреждёнными колёсными

ми парами. Снег залепил стёкла по правой стороне, и мальчику казалось, что вагон движется теперь не прямо, а всё левее и левее. Он плотнее прижался к двери кабины, и тут вагон ткнулся во что-то мягкое, но непреодолимое. Девушка-водитель поддала вагон назад и на полной скорости рванула вперёд, надеясь пробить занос. Раз, другой, третий... На четвёртый трамвай увяз, и двигатель заработал вхолостую.

— Приехали! — весело сказала девушка, выйдя из кабины. — Теперь без снегоочистителя не выбраться.

— А мы где сейчас? — спросил мальчик.

— До главпочтамта немного не доехали. Вон, видишь, в просветах огоньки бегают? — показала она рукой.

Мальчик посмотрел, но ничего, кроме снежной мути, не разглядел. Тогда он напряг глаза — и проявилась цепочка бегущих зелёных шариков. Они бежали, вырисовывая буквы, которые вскоре образовали одно большое слово — «ПОЧТАМТ».

— Пойдёшь со мной или здесь обождёшь? — спросила девушка, подняв воротник белого полушубка и застёгивая верхнюю пуговицу.

— Пойду, — сказал мальчик. — Я почти приехал. — И назвал улицу.

— Да, это за почтой, только дорогу перебежать, — кивнула девушка. — А почему без шарфа? — строго спросила она. И, не ожидая ответа, сняла с себя широкий пушистый шарф: — На, закрути горло. Ну, бери! — уже приказала, когда мальчик, отказываясь, замотал головой. — Потом вернёшь. Меня легко найти, я всегда по третьему маршруту бегаю. А не найдёшь, так любому водителю отдашь, скажешь, чтоб Галке Тимофеевой передали. Меня все знают. А с голым горлом ангину заработаешь...

«И чего привязалась?.. Я и без её шарфа обойдусь», — подумал мальчик, а вслух сказал:

— Не заработаю. У меня гланды вырезаны.

— Новые вырастут, если не будешь старших слушаться. — Девушка, притянув мальчика к себе, повязала ему шарф. Он не противился. Приятные мурашки пробежали по телу. От девушки пахло сладко и тревожно.

— Вот теперь можно и двигаться, — сказала она довольно. — Да, а как же я трамвай брошу? — вдруг всполошилась. — Ещё хулиганы какие-нибудь забегутся, потом не расхлебаться. — Девушка задумалась, сдвинув брови. — Ага, придумала! — тронула мальчика за плечо. — Знаешь, я тебе телефон запишу и двушку дам, а ты зайдёшь на почту и позвонишь в депо. Скажешь, Тимофеева у главпочтамта застряла. Тебе всё равно по пути. Договорились?

— Договорились, — согласился мальчик.

Главпочтамт уже не работал.

За двойной стеклянной дверью от стены к стене ходила, как часовой, женщина в чёрной шинели с зелёными угольниками на воротнике. Лицо её было строгим. На боку, прицепленная к широкому офицерскому ремню со звездой-пряжкой, висела пистолетная кобура, тяжёлая даже на взгляд — от пистолета.

«Настоящий!» — уважительно подумал мальчик. Минут пять он потоптался у двери, надеясь привлечь внимание, но охранница его не замечала. Тогда мальчик решился и постучал. Он постучал робко, женщина не услышала стука, и мальчик постучал ещё, теперь уже кулаком. Но охранница по-прежнему не реагировала на стук. Тогда мальчик, прижавшись лицом к стеклу, крикнул:

— Тетенька! — для верности одновременно ударив ногой по низу двери. И женщина в шинели обратила наконец на него внимание. Она подошла к двери со своей стороны, и мальчик видел, как вопрошающе шевелились её губы, но разобрать ничего не мог. Тогда он вытащил из кармана листок с номером телефона и прижал его к стеклу. Охранница беспомощно развела руками: мол, ничего не пойму. Потом она куда-то ушла. «Звонить! — обрадовался мальчик, но тут же сник: — Она ведь не знает, что сказать...»

Метель разыгралась не на шутку. Теперь ветер нес снег не порывами, а сплошной колючей стеной, шершавой, как наждачная бумага, какой мама, а иногда и мальчик, чистила ножи. Пальто продувалось насквозь, и мальчик снова стал мёрзнуть. Боясь, что мороз подпортит яблоки, он переложил их в карманы школьной куртки, а оконечившие пальцы сунул в рот, и вжался в дверное стекло, тёплое, показалось ему, изнутри. «А дома сейчас жарко», — всплыла перед ним печь с бушующим за дверцей пламенем, и мальчик закрыл глаза. И сразу же увидел маму: она лежала с заплаканным лицом на кровати, а дядя Гоша поил её с чайной ложечки валерианкой. «С ним что-то случилось, Гоша. Так долго в аптеку не ходят!» — плакала она. «Я же не знал, что скворца трудно найти», — оправдывался мальчик. Мама говорила что-то ещё, но мальчик, засыпая, уже не разбирал, что именно.

— Что тебе? — неожиданно разбудили его. Перед мальчиком стоял человек в чёрной, как и у женщины-охранницы, шинели. От шинели пахло теплом, нафталином и табачным дымом. Мальчик закинул голову, чтобы рассмотреть лицо подошедшего. Лицо дядьки было суровым.

— Ну, что случилось? — хмуро спросил он.

— Там трамвай застрял, от почты вашей близко, — махнул рукой мальчик в бушующую темень.

— Какой ещё трамвай?

— Обыкновенный, третий номер. Нужно снегоочиститель вызвать, водитель вот телефон дала, — протянул мальчик бумажку дядьке в шинели.

— Она что, сама не могла добежать, коли близко?

— В трамвай хулиганы могут забраться, а мне всё равно по пути было, — объяснил мальчик.

— Какие хулиганы в такую свистопляску! — буркнул дядька. — И ты мне писульками своими в нос не тычь! — прикрикнул он, но уже добрым голосом. — Ладно, давай... Всё? Тогда бывай! — И чёрная шинель пропала так же внезапно, как и появилась, не оставив даже своих запахов. В лицо мальчика вновь хлёстко ударила метель. Он, пригибаясь, спустился с высокого крыльца главной почты города и, перебежав дорогу, оказался на нужной ему улице.

Здесь было тихо, дома стояли вплотную, без зазоров, и метель разбивалась об их спины. Теперь она шумела где-то далеко-далеко, а снег, падающий сверху, не колот, как на ветру, а мягко лепился на лицо, пальто и руки. Улица будто вымерла, но мальчику не было страшно. Он уже представлял, как принесёт домой скворца, а утром, когда мама станет проветривать дядину комнату, незаметно выпустит его за окном. Скворец — птица весенняя, поэтому, прячась от зимы, он влетит в форточку, дышащую теплом, и дядя решит, что весна уже наступила, если прилетел скворец. «Это, наверное, самый первый», — скажет он тогда дяде Гоше...

Представляя, что будет утром, мальчик одновременно представлял, что он идёт по таинственной снежной планете, на которую до него никто не ступал. Залитые электричеством витрины магазинов и фонари редких подъездов жилых домов освещали ему путь. В витринах напряжённо улыбались манекены. «Это они потому так улыбаются, что не знают, кто я такой, с какой планеты», — подумал мальчик. — А я прилечу не просто с Земли, а с Камчатки», — вспомнил он опять о дяде, машинально отметив, что поравнялся с домом под номером «двадцать первый». Предшествовал ему «девятнадцатый». Мальчик шёл по нечётной стороне улицы, нечётным, кажется, был и номер нужного ему дома, но какой точно — у мальчика будто выдуло из головы метелью. Квартиру он помнил — пятая, а вот дом... «Двадцать третий?» — нерешительно подумал он и, вспомнив об адресе, записанном ему женщиной, угостившей яблоками, сунул руку в карман пальто, чтобы не мучить память.

Листка с адресом в кармане не было.

У мальчика перехватило дыхание. Он лихорадочно обшарил все другие карманы, вывернул даже в школьной куртке внутренний, где спрятал от холода лекарство для дяди и деньги на скворца, — листка не было и в нём. Наверное, он потерял адрес, когда отдавал дядьке в чёрной шинели бумажку с телефоном, понял мальчик. И бросился назад, к главпочтамту, но на полпути остановился, сообразив, что возвращаться бесполезно: адрес давно уже унесла или задела метель. Он хотел заплакать, но заплакать не получилось, и странная усталость — лечь бы и больше не вставать! — сковала его. «А дядя Гоша?» — послышался ему мамин голос, и мальчик, пересилив себя, не пошёл, а потащился обратно, ступая в только что

оставленные им следы, почему-то даже не припорошенные снегом, недавно обильно валившимся сверху. И за домами, теперь отбрасывающими на снег тени, не шумела разбивающаяся об их спины метель. И в полной тишине, вдруг услышанной мальчиком, прозвучал бодренький говорок Игоря Фёдоровича: «Фамилия — Сидоров. Дом двадцать три, квартира пятая...»

— Я же говорил, что двадцать третий! — захлебнувшись радостью, закричал мальчик, вновь оказавшись у дома, от которого оставалось несколько шагов до нужного ему. И, переполненный счастьем, закрыл глаза, точно уже нёс дяде скворца, спрятав его на груди под пальто, и свет луны, прежде затянутой теперь угомонившей метелью, отражаясь от снега, занёсшего улицу, зримо очищал пока ещё низкое небо от тьмы, скрывающей его завораживающую прозрачность и вечную бесконечность.

ЛЕСА УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ И ПАЙ-ХОЙ

Полярный Урал начинается южнее Северного полярного круга в верховьях реки Хулги у горы Грубе-Из.

Суровость этого географического района, доходящего до берегов морей Северного ледовитого океана, оказала жесткое влияние на состав его растительности. Ель сибирская и кедр в небольших количествах и малых размерах доходят только до Полярного круга, лиственница Сукачева - до верховьев реки Кары, хотя находится в редких местах. Ель, как и на Приполярном Урале, - на западных отрогах гор, лиственница и кедр - на восточных. Сосен и берез уже нет. Встречаются только карликовые березки (ерники) и тундровые ивки.

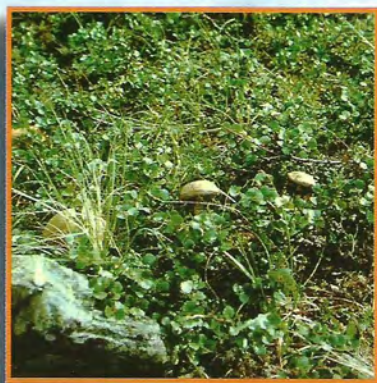
На Югорском полуострове, занятом низкогорным массивом Пай-Хой, состоящим из нескольких хребтов и увалов, прерываемых и окруженных низинно-тундровыми равнинами, преобладает тундровая растительность со мхами, лишайниками, а также с кустарничками брусники, голубики, шикши, багульника, морошки.

Хотя в Мугоджарах, на юге Южного Урала и на Полярном Урале Уральский хребет окружен горными степями и горными тундрами, большая часть Уральских гор принадлежит к лесной зоне. Это придает Уралу дополнительную ценность, как одному из уникальнейших регионов нашей страны.

Евгений Савенко. Фото автора.

Начало серии заметок

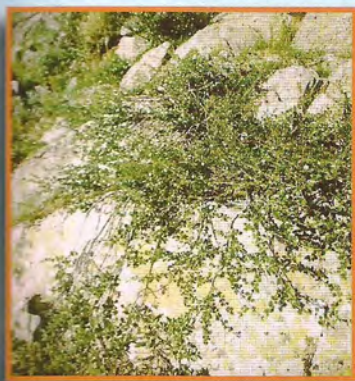
"Леса Уральской горной страны" в № 2 за 2004 год.

Грибы и березки одной высоты

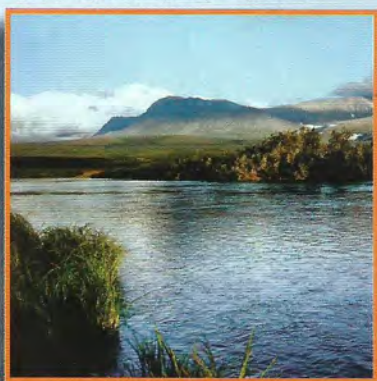
Тундра у полярного хребта

Полярные березки

Безлесая тундра в предгорьях

Река Сось

Горные тундры Пай-Хоя

Хочешь двигаться - ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

СМУ-9

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2004, №10 (568)